

Владлен Бахнов
ВНИМАНИЕ: АЖИ!

Бахнов Владлен Ефимович
родился в 1924 году.
Окончил Литературный
институт имени Горького.
Печататься начал
в 1946 году. С тех пор
сотрудничает в журнале
«Крокодил», в «Литературной
газете» и других
периодических изданиях.
Является автором
нескольких стихотворных
сборников, комедий
и кинокомедий.
«Внимание: ахи!» — первая
фантастическая книга
Владлена Бахнова —
написана в обычной
для автора юмористической,
гротесковой, а подчас
и пародийной манере.

БИБЛИОТЕКА СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКИ

ВЛАДЛЕН БАХНОВ

ВНИМАНИЕ: АХИ!

**(фантастические
памфлеты,
пародии
и юморески)**

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

1970

P2
Б30

Художник Вадим СИДУР

Бахнов Владлен Ефимович

ВНИМАНИЕ: АХИ! Рассказы,
повесть. М., «Молодая гвардия», 1970.
256 с., с илл. (Б-ка советской фантастики).

P2

Редактор *Б. Клюева*

Художественный редактор *Б. Федотов*

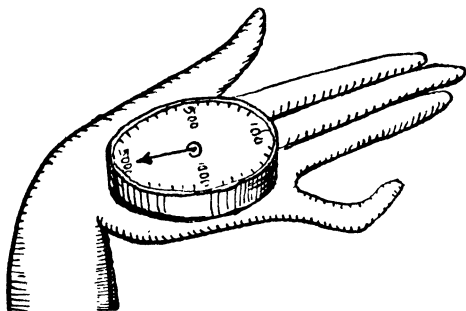
Технический редактор *Г. Прохорова*

Сдано в набор 9/VI 1969 г. Подписано
к печати 10/IV 1970 г. А02572. Формат
70×108¹/₃₂. Бумага № 3. Печ. л. 8
(усл. 11,2). Уч.-изд. л. 9,7. Тираж
100 000 экз. Цена 30 коп. Т. П. 1969 г.,
№ 256. Заказ 1108.

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Мо-
лодая гвардия», Москва, А-30, Суще-
вская, 21.

ДЕШЕВАЯ РАСПРОДАЖА

Наука умеет много гитик...

ВНИМАНИЕ: АХИ!

Прошло время споров, малоубедительных гипотез и догадок. Теперь уже точно установлено, что на Сигме 3 в стародавние времена существовала высокоразвитая цивилизация и далекие предки современных полудиких жителей Сигмы 3 умели и знали то, что сно-ва узнают здесь только через много тысячелетий.

Неизвестно, почему прежние сигмиане с такой тщательностью хранили всякие исторические документы и даже подшивки газет в стальных герметических капсулах зарывали глубоко в землю.

Но как только мы нашли эти капсулы, прекратились споры, и нам открылась поразительная история расцвета и падения цивилизации на Сигме 3.

Всегда предполагалось, что резкой деградации общества обязательно должны предшествовать какие-нибудь трагические события. Космическая катастрофа, географический катаклизм вроде всемирного потопа, или обледенения планеты, или, наконец, войны.

На Сигме 3 ничего подобного не было.

Все началось со смехотворно пустякового судебного процесса. И если бы предъявленный потерпевшей стороной иск не был столь анекдотичным и мизерным, ни одна, даже самая жалкая газетенка не уделила бы этому разбирательству и трех строк.

Дело вкратце сводилось к следующему.

В столице Игрекении Марктауне на улице Синих Роз много лет находился единственный в своем роде Музей фальшивок. Демонстрировались в музее только подделки. Уникальные подделки редчайших произве-

дений древности: фальшивые деньги разных времен и народов, фальшивые, но неотличимые от настоящих драгоценные камни. А главное — талантливые подделки полотен великих художников.

Многие подделки до того, как попасть в этот оригинальный музей, получали скандальную известность.

Посетители охотно приходили сюда. Обычным зевакам было интересно поглазеть на фальшивые деньги и полотна. Они с удовольствием слушали рассказы гидов о ловко обманутых коллекционерах и, поражаясь уплаченным за подделки суммам, не столько сочувствовали жертвам махинации, сколько завидовали удаче фальсификаторов.

А специалисты посещали музей, чтобы полюбоваться той ловкостью, с которой были подделаны шедевры, и лишний раз убедиться, что уж они-то, специалисты, знают, где настоящее произведение искусства, а где фальшивка. И уж их-то не проведешь.

И вот некий Дейв Девис, никому не известный молодой человек, вдруг обвинил Музей фальшивок в том, что вместо копии картины «Пища богов» всемирно известного художника Штрुцеля-младшего в музее выставлен гениальный подлинник. Таким образом, Музей фальшивок ввел своих посетителей в заблуждение. Дейв Девис потребовал, чтобы суд, во-первых, разоблачил этот безобразный факт, а во-вторых, обязал владельца музея возместить ему, Девису, материальные убытки. А именно: плата за вход в музей — 3 пуфика, поездка на такси в музей и обратно — 6 пуфиков и подрыв веры в честность — 10 пуфиков. (Дейв утверждал, что всю жизнь дорожил этой верой и посему оценить ее ниже 10 пуфиков никак не может.)

Владельцу музея Луису Эллингтону не жалко было вернуть сквалыге Девису несчастные пуфики. Но дело шло о репутации музея. И Эллингтон, абсолютно уверенный в своей правоте, явился в суд.

Судья предложил истцу и ответчику тут же прийти к мирному соглашению. Но обе стороны гордо отвергли этот вариант. Тогда суд попросил высказаться экспертов. Три эксперта внимательно осмотрели доставленную в зал суда картину и заявили, что это настоящая подделка. Но упрямый Дейв Девис не согласился с мнением экспертов. Он попросил высокий суд назначить еще одну, более авторитетную и обстоятельную экспертизу. Расходы по экспертизе в случае проигрыша дела Девис брал на себя.

На сей раз эксперты работали полгода. Они сделали химический анализ красок и грунтовок, прощупали картину рентгеновыми лучами, сфотографировали и увеличили каждый квадратный сантиметр картины, исследуя почерк художника...

И вот, собрав все необходимые данные, лучшие специалисты-штруцелисты вынуждены были признать: да, это оригинал, написанный рукою бессмертного Штруцеля-младшего.

Правда восторжествовала! Девис получил свои 19 пуфиков, а проигравший процесс Луис Эллингтон стал обладателем редчайшего шедевра, который тут же продал за 450 тысяч, что хоть отчасти смягчило горечь поражения.

Судебный процесс стал сенсацией. Специалисты по Штруцелю-младшему умоляли Девиса объяснить им, почему он был так уверен, что полотно — подлинное. Журналисты осаждали Девиса днем и ночью. И он пообещал открыть свой секрет на пресс-конференции.

Несмотря на то, что пресс-конференция происходила в самом просторном помещении Марктауна, зал был переполнен. Журналы и газеты со всей Сигмы 3 прислали сюда своих корреспондентов. Пресс-конференция транслировалась по радио и телевидению.

— Как вы, вероятно, догадались, — начал Дейв Девис, — я подал в суд на Музей фальшивок не для того, чтобы получить с уважаемого Эллингтона девятнадцать пуфиков. И если Эллингтон все еще не смирился с такой потерей, пусть приедет ко мне, и я верну ему эту сумму. — Тут впервые выяснилось, что Девис умеет очаровательно улыбаться и шутить. — Мне нужен был этот маленький судебный процесс только затем, чтобы привлечь внимание к своей скромной персоне. Я изобретатель. И я прекрасно понимал, что безымянному изобретателю очень трудно создать рекламу своему изобретению. И действительно, не будь процесса, вы вряд ли бы съехались на эту пресс-конференцию, которая, надеюсь, и послужит необходимой мне рекламой. (Смех в зале.) Итак, вас в первую очередь интересует, каким образом я определил подлинность картины. Отвечаю: с помощью изобретенного мною прибора, который я назвал ахометром. — С этими словами Девис вынул из кармана круглый, похожий на компас предмет и издали продемонстрировал его присутствующим.

Телеоператоры показали ахометр крупным планом, и зрители увидели на своих экранах, что циферблат ахометра разделен на градусы, рядом с которыми стоят какие-то цифры. К центру циферблата была прикреплена свободно вращающаяся стрелка.

— Что же такое мой ахометр и зачем он нужен? Я постараюсь объяснить. Каждому приходилось за-

мечать, что, когда мы видим настоящее произведение искусства, у нас невольно вырывается восхищенное восклицание «Ах!». Это «ах» является сокращенным вариантом «Ах как красиво!», «Ах как здорово!» или «Ах черт возьми!».

Почему мы так восклицаем? Потому, что произведение эмоционально воздействовало на нас. Да, каждое произведение несет в себе определенный эмоциональный заряд. А как известно, теоретически любой заряд можно измерить. Так вот мой ахометр предназначен для точного измерения величины эмоционального заряда.

Единицей измерения является «ах». В некоторых произведениях сто ахов, в других тысячи, в третьих не более десяти.

Конечно, не все картины определенного художника имеют одно и то же количество ахов. Но, посетив почти все музеи Сигмы 3 и произведя ахометрические замеры произведений выдающихся художников, я убедился, что каждый творец имеет свою индивидуальную аховую полосу. Например, все полотна Трентеля лежат в полосе от 3500 до 3650 ахов, картины гениального Вейдима Сейдура занимают полосу от 4900 до 5000 ахов, а Зайгель-Зуйгель набирает от 3970 до 4135 ахов включительно. И так далее...

Изготавливая фальшивку, талантливый фальсификатор может полностью овладеть почерком, приемами и всеми стилевыми особенностями того художника, полотна которого он подделывает.

Но силу эмоционального заряда подделать невозможно. Она обязательно будет меньше положенного. Или в крайнем случае больше, если фальсификатор талантливей того, чьи полотна он подделывает. Но

подделка, даже если она и лучше оригинала, все равно остается подделкой. Самолет лучше и совершенней автомобиля, но все равно он не автомобиль. (Смех в зале.) Однако вернемся к Штруцелю-младшему. Я знал, его эмоциональная полоса 3770—3850 ахов. Поэтому, обнаружив в Музее фальшивок, что картина «Пища богов» излучает 3810 ахов, я ни на минуту не усомнился, что передо мной подлинный Штруцель. И, как видите, ахометр меня не подвел.

Каковы мои дальнейшие планы? Я уверен, что, имея ахометр, каждый музей и любой владелец частной коллекции будет застрахован от приобретения подделок. Следовательно, ахометры могут иметь сбыт. Но я не собираюсь заниматься их производством. Я хочу лишь продать свое изобретение, о чем и ставлю в известность всех желающих его приобрести.

На этом Девис закончил свое выступление и затем два часа отвечал на всевозможные вопросы журналистов: как устроен ахометр, сколько Дейву лет, на ком бы он хотел жениться, если бы развелся со своей теперешней супругой: на блондинке или на брюнетке.

Но оставим пресс-конференцию. Опустим торги Девиса с заинтересованными лицами. Не станем уточнять, сколько получил он за свое изобретение.

Ахометры поступили в продажу и с каждым днем становились дешевле.

Отметим также, что в самых известных картинных галереях и частных коллекциях обнаружилось столько подделок, что Музей фальшивок сразу утратил свою оригинальность.

Сигмиане стали посещать картинные галереи не для того, чтобы знакомиться со знаменитыми полотнами, а в надежде обнаружить еще подделку.

Посетителями музеев овладел охотничий азарт, и они, не очень-то разглядывая картины, проверяли только, излучают ли бессмертные полотна то количество ахов, которое им надлежит излучать согласно каталогу.

Это были, выражаясь современным языком, антикладоискатели. И находка какого-нибудь не известного досель гениального подлинника не могла доставить теперь такой радости, как обнаружение фальшивки.

Все значительные произведения искусства были замерены, и культурному человеку на Сигме 3 достаточно было знать только, что «Мадонна» Маринелли — это та, которая 6500 ахов, а знаменитые пейзажи Флауэrsa — 3400 (в среднем). И от студентов-искусствоведов на экзаменах требовались только эти точные знания. И когда говорили об искусстве, то в памяти в первую очередь возникали не зрительные образы, не ассоциации, не мысли, а цифры, цифры, цифры...

Вскоре нашли способ измерения эмоционального заряда и в музыкальных произведениях и в литературе. Но тут, правда, выяснилось, что с литературой дело обстоит не так просто. Многие знаменитые поэмы и романы эмоциональному измерению не поддавались или могли быть замерены только специальными сверхчуткими ахометрами.

Однако чрезвычайно высокоразвитая техника успешно преодолела и эти трудности. Были созданы такие уникальные приборы, которые улавливали десятые, сотые и даже тысячные доли ахов. В результате литературные произведения так же были замерены, как и все остальные.

На Сигме 3 вообще обожали цифры и верили, что

математическому анализу поддается все существующее. С некоторых пор там даже говорили: «Я анализируюсь, следовательно, я существую». А все, что нельзя было выразить цифрами, вызывало скептическое отношение, настороженность и даже подозрительное недоверие.

Может быть, поэтому на Сигме 3 так увлеклись ахометрами. Возможность ахометрических замеров дала, наконец, искусствоведам и литературоведам точные критерии для оценок. Настолько точные, что необходимость в вышеупомянутых специалистах в конце концов отпала вообще. Ведь каждый мог сам собственным ахометром измерить, сколько ахов в том или ином произведении.

Все шло своим чередом. Но спустя несколько лет возникло новое течение: началось оно среди романистов, а вскоре охватило все виды литературы и искусства.

Некий плодовитый автор Иоганн Дамм, чьи романы излучали от 8 до 10 ахов, заявил, что он сознательно пишет низкоаховые произведения. А делает он это потому, что читателю легче усвоить 10 десятиаховых романов, чем один стоаховый. Следовательно, низкоаховые романы более полезны. А настоящий писатель обязан в первую очередь думать о том, приносят его творения пользу или нет.

Разгорелся спор. Но постепенно все больше деятелей литературы и искусства стали соглашаться, что действительно быстрее раскупаются и лучше усваиваются те произведения, в которых меньше ахов. И врачи-психиатры, заменившие теперь на Сигме 3 критиков, подтвердили, что, как показали многочисленные опыты, с медицинской точки зрения полезней, когда

читатель или зритель потребляет эмоциональную энергию произведений не сразу целиком, а небольшими порциями — квантами. И низкоаховые произведения вполне удовлетворяют этим требованиям.

Так на Сигме 3 появилась квантовая литература. Литераторы старались писать похуже, но побольше.

Создание сильных произведений стало считаться признаком творческой слабости и безразличия к здоровью читателей.

А тех, кто упрямо не хотел учиться писать слабей, просто переставали читать. Кому охота подрывать свое здоровье?

Почти одновременно с квантовой литературой возникли квантовая музыка и квантовая живопись.

Но никто не испытывал беспокойства за судьбу цивилизации на Сигме 3. Откуда могла появиться тревога, если наука и техника делали на этой планете невиданные успехи? Казалось, для них нет ничего невозможного.

И когда у провинциального фармацевта Бидла Баридла появилась одна столь же заманчивая, сколь трудно осуществимая идея, всемогущая наука помогла ему претворить эту идею в жизнь.

Бидл Баридл рассуждал так. Литература и искусство оказывают на человека определенное облагораживающее воздействие. Но чтобы прочитать книгу, нужно потратить много часов. Фильм отнимает три часа. На прослушивание какой-нибудь симфонии и то целый час ухлопать надо.

Но, по-видимому, человеку необходимы эти самые ахи, раз он согласен терять на них столько времени.

Так вот нельзя ли сделать так, чтобы потребитель получал необходимые ему ахи не в виде книг, фильмов

и музпроизведений, а как-нибудь иначе? Например, в виде ахпириновых таблеток. Скажем, вместо того чтобы три часа смотреть фильм силой в 30 ахов, принимаешь пилюлю ахпирина той же силы и, получив такой же эмоциональный заряд, как от фильма, сохраняешь время, которое — деньги.

Более того, в ахпириновые таблетки можно, кроме ахов, ввести такие ингредиенты, которые, воздействуя на психику, заставляли бы проглотившего пилюлю испытывать именно те чувства, какие он испытал бы, посмотрев тот или иной фильм, прослушав то или иное музыкальное произведение и т. д.

В таком случае, каждый вид ахпириновых таблеток мог бы называться так же, как то произведение, которое они заменяют. Например, приключенческая таблетка «Торзон» или комедийная — «Спокойной ночи».

Ахпириновые таблетки могут содержать больше и меньше ахов, могут быть мажорными и минорными, с примесью легкой грусти или, наоборот, с привкусом бодрости.

Вот какую идею вынашивал фармацевт Бидл Баридл. Он понятия не имел, каким образом можно получить ахи в лаборатории. Он только знал, что на ахпирине можно неплохо заработать. И, повторяю, несмотря на все трудности, ахпирин, к сожалению, был сделан и получил самое широкое распространение.

Особых успехов сигмиане добились в изготовлении музыкальных таблеток. Вслед за примитивными таблетками, вызывавшими только одно — веселое или грустное — настроение, появились сложные комплексные пилюли. Небольшие драже ахпирина состояли из нескольких различных эмоциональных слоев. Одни слои таяли, впитывались и, следовательно, оказывали

определенное воздействие быстрее, другие — медленней. А это дало возможность составлять даже четырехчастные таблетки-симфонии. Первый слой (аллегро) по мере таяния вызывал ощущение легкости, приподнятости. Второй слой (анданте) навевал неторопливые лирические раздумья. Третий (виваче) снова возвращал оживленное настроение, и, наконец, четвертый заставлял проглотившего испытывать бурную радость и веру в победу добра, что соответствовало оптимистическому финалу таблетки-симфонии.

Стало обычным творческое содружество композиторов с составителями таблеток. И все чаще одновременно с новыми музыкальными произведениями в продажу поступали одноименные пилюли-заменители. А в дальнейшем сами композиторы научились составлять рецепты музыкальных таблеток и стали свои произведения создавать сразу в виде пилюль, минуя ненужный теперь процесс написания самой музыки. И нередко можно было увидеть в парке, как молодые влюбленные, выбрав аллею потемней и проглотив по какому-нибудь концерту для фортепиано с оркестром, усаживались рядышком и, взявшись за руки, с восторгом переваривали вдохновенную музыку.

Ахпирином пользовались все.

Нашлись любители принимать музыкальные таблетки одновременно с живописными и литературными.

Нашлись и шарлатаны медики, рекомендовавшие принимать ахпирин перед едой, поскольку это способствует пищеварению, а также избавляет от радикулита.

Нашелся и выдающийся ученый, который открыл, что, если коровам регулярно подмешивать в корм музыкальные таблетки, коровы начинают давать вдвое

больше молока. Когда же новый метод себя не оправдал, ученый заявил, что идея у него правильная, а в неудаче виноват не он, а композиторы, которые пишут не ту музыку, которая полезна для коров.

Но следует подчеркнуть, что изложенные здесь события произошли не в течение десяти-пятнадцати лет. Нет, от изобретения ахометра до появления ахпирина на Сигме 3 сменилось два поколения. А потом сменилось еще три поколения. И жители этой планеты уже с трудом представляли себе, что когда-то существовали не музыкальные драже, а музыка, и не литературный ахпирин, а литература.

Сигмиане почти перестали разговаривать и обмениваться мыслями, потому что рты их постоянно были заняты таблетками, да и обмениваться, в сущности, было нечем.

Доминирующую роль играл теперь желудок, где переваривались ахпириновые пилюли.

Далее, судя по всему, должно было произойти полное вырождение некогда разумных существ.

Но этого не случилось по одной простой причине, которую следовало бы предвидеть заранее. Деградивших сигмиан спасла от необратимого вырождения сама деградация. И это не парадокс! Ведь только благодаря деградации они утратили секрет производства ахпирина. Но, правда, вместе с этим вообще забыли все, что знали и умели.

Избавившись от ахпирина, одичавшие сигмиане стали через несколько столетий постепенно приходить в себя.

Прошли века... И вот уже какой-то пещерный житель нацарапал камнем на закопченной стенке нечто похожее на охотника.

И соседи по пещере восхищенно воскликнули «Ах!».

А в другой пещере другой дикарь совершенно непонятным образом сам выдумал легенду о богатых по имени Йй.

И, прослушав ее, первые слушатели потрясенно воскликнули «Ах!» и попросили исполнить легенду на «бис».

А затем сигмиане научились делать оружие из бронзы. И почему-то им нравилось, если оно бывало украшено какими-нибудь завитушками. Беспольными завитушками, от которых щит не становился прочней, а меч — острее.

Да, жители Сигмы 3 медленно, но верно двигались по узкой тропинке прогресса...

А тропинка становилась все шире, шире, превращаясь в широкую, уходящую вдаль дорогу...

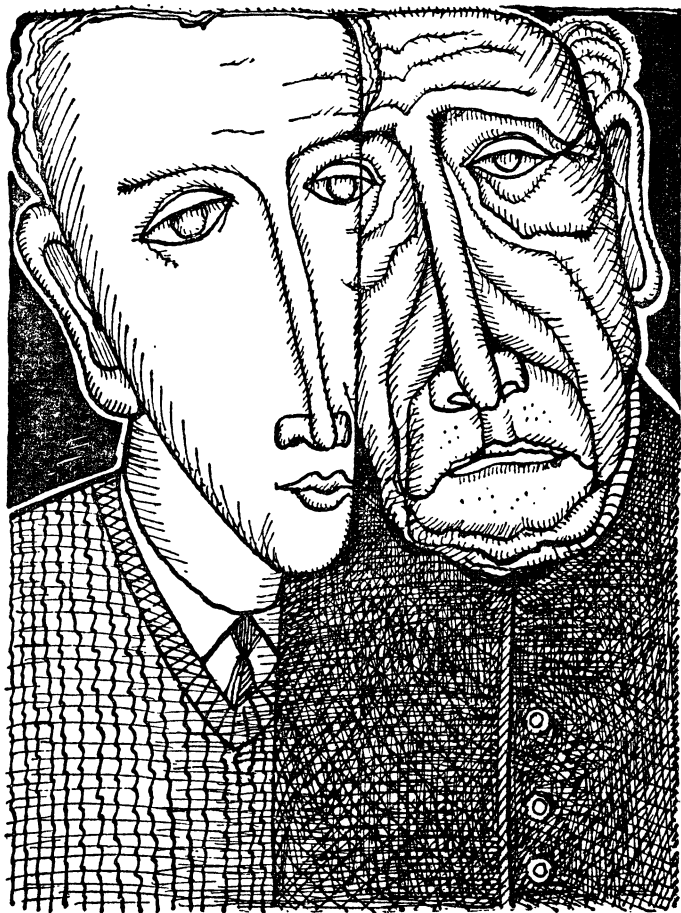
И когда-нибудь они снова научатся всему, что умели прежде. И откроют, что давным-давно на Сигме 3 существовала высокая цивилизация. И станут их ученые гадать, почему эта цивилизация исчезла, и выдвигать самые смелые и невероятные гипотезы.

Одни будут говорить, что цивилизация погибла из-за космической катастрофы. Другие — что ее смыл всемирный потоп или стерли с лица планеты ледники.

И никто не подумает, что эту цивилизацию, могучую и всесильную, погубили какие-то ахи.

Я копаюсь в исторических документах и думаю: открыть мне этак лет через тысячу сигмианам всю правду или не стоит?

Нет, пожалуй, стоит. Ведь все может повториться снова. И нельзя быть уверенным, что деградация опять спасет их.

ДЕШЕВАЯ РАСПРОДАЖА

С некоторых пор я полюбил это небольшое кафе. Может быть, потому, что музыкальный автомат грохотал здесь не так оглушительно, как везде. А может быть, мне просто не хотелось даже случайно встретиться с кем-нибудь из моих бывших приятелей. Да, здесь я мог не опасаться: в такие места мои прежние друзья никогда не заглядывали.

Я приходил сюда каждый вечер и садился за угловой столик, откуда, слава богу, не виден был экран телевизора. Неторопливо потягивая виски, я думал о том, что денег у меня все меньше и пора бы что-нибудь предпринять.

Я приходил сюда в мрачном настроении, не видя никакой возможности поправить свои дела. А уходил уверенный в себе, как бывало в самые лучшие времена, и окрыленный волнующим предчувствием того, что меня вот-вот осенит какая-то невероятная, спасительная идея.

Переход из одного состояния в другое происходил не сразу и, поддаваясь регулировке, мог быть замедлен и ускорен по моему желанию. Да, я научился здорово управлять этим процессом с помощью виски. Черт возьми, как я люблю это божественное состояние вдохновенного подъема! Жаль только, что его нельзя зафиксировать и приходится создавать каждый вечер заново.

Иногда, чтобы отвлечься от проклятых мыслей, я принимался разглядывать посетителей. Они приходили, быстро пропускали рюмку-другую и исчезали.

Веселые или грустные... Удрученные или беззаботные... Я им всем завидовал, потому что они куда-то спешили, а мне, к сожалению, незачем было торопиться...

Но были здесь и такие, как я, никуда не спешащие завсегдатаи. Я давно обратил внимание на одного опрятно одетого пожилого человека. Я приметил его, потому что он всегда был один. Он не читал газет, не интересовался телевизором и вообще никак не реагировал на то, что происходило вокруг него.

Полузакрыв глаза, он о чем-то думал. И видимо, мысли его были не такие мрачные, как мои, потому что время от времени он улыбался так радостно, словно вспоминал что-то веселое и приятное. А иногда улыбка его становилась растерянной, и он так сокрушенно покачивал головой, будто жалел о каком-то своем поступке.

Однажды мы с ним столкнулись в дверях. Он рассеянно взглянул на меня, извинился. Потом посмотрел внимательней, с каким-то удивлением. И с тех пор я нередко ловил на себе его взгляд и, даже отвернувшись, спиной чувствовал, что за мной наблюдают.

Меня это раздражало. Я подумывал, не поискать ли другое кафе. А потом разозлился. Со мной это бывает.

— Послушайте, — сказал я, неожиданно для себя самого подойдя к его столику, — я все время чувствую, что вы рассматриваете меня, и мне это не нравится!

Вежливый господин покраснел и рассыпался в извинениях. Он извинялся минут пятнадцать. А затем

стал уговаривать меня пересесть к нему или же, наоборот, разрешить ему перейти за мой столик, где он мне все объяснит.

Я ответил, что согласен на любой вариант, если разговор будет недолгим. Тогда он начал благодарить меня и поблагодарил бы еще полчаса, если бы я не прервал его, попросив перейти к делу.

— Я еще раз прошу прощения за то, что досаждал вам, — сказал он. — Но у меня такое чувство, будто я вас знаю, причем знаю хорошо. А в то же время мне незнакомо ваше лицо, хотя иногда мне начинает казаться, что мы уже когда-то встречались. Может быть, вы киноактер? Может быть, я вас видел в гриме и поэтому не могу сразу узнать?

— Нет, я не киноактер. Но у меня отличная зрительная память, — сказал я. — Поверьте, мы никогда не встречались.

— Странно. Вы говорите, что мы не встречались. Но даже то, как вы произнесли эти слова, мне тоже знакомо. Разве это не удивительно?

Я пожал плечами.

— Может быть, просто совпадение...

— Извините, но это не так. И пока я не пойму, почему мне кажется, будто я вас знаю, я не смогу успокоиться.

— Ну хорошо. Я живу в этом городе много лет. Вы в конце концов могли меня где-то видеть.

— Да нет же! Поймите, у меня такое чувство, будто я знал вас хорошо, — он подчеркнул последнее слово. — Может быть, у нас было деловое знакомство?

— Вряд ли, — усмехнулся я. — А чем вы занимаетесь?

— О, чем я только не занимался! — с гордостью ответил он. — Но если вы не против, мы могли бы познакомиться. Меня зовут Рейдж Овер.

— Очень приятно. Джеймс Нободи, — назвал я первое попавшееся имя.

— Рад познакомиться, мистер Нободи. Нободи? Ваше имя мне незнакомо. Откуда же я вас знаю? — Он помолчал. — Если вы не возражаете, я хотел бы спросить: а чем вы занимаетесь?

— Я астронавт, — быстро придумал я.

— О! Но, поверите ли, я ни разу никуда не улетал с Земли. Так что на вашем корабле мы никак не могли встретиться. И давно вы летаете?

— Всю жизнь.

— Теперь все рвутся в космос. А зачем? Я уверен, что если как следует пораскинуть мозгами, то и на Земле можно кое-что сделать. Нужно только небольшое везение и деньги.

— Довольно жесткие условия! — заметил я.

— Не спорю. Но деньги у меня для начала были, много денег. Я получил их от своего отца. А он их заработал, изобретя одну забавную штучку. Аккумулятор настроения.

— Аккумулятор настроения? — удивленно переспросил я.

— Да, да. — Рейдж Овер, конечно, не понял причины моего удивления и подумал, что я просто никогда не слышал о таких аккумуляторах. — Теперь, видите ли, ими не пользуются, — стал объяснять он, — а когда-то на них был большой спрос. Этот по современным понятиям громоздкий аппарат был величиною с авторучку и легко помещался в боковом кармане пиджака или в дамской сумочке. Если вы почему-

либо бывали взвинчены, чересчур возбуждены или взбешены — одним словом, выходили из себя, — излишки психической энергии шли на подзарядку аккумулятора, и вы успокаивались. То же самое происходило, если вас переполняла радость, — аккумулятор забирал все излишки. Но зато когда вы падали духом и у вас понижался тонус, аккумулятор возвращал вам накопленную им энергию, и вы снова чувствовали себя бодрым и полным сил.

— Страшно интересно, — сказал я, зная, что теперь во что бы то ни стало дослушаю до конца рассказ моего нового знакомого. — А что же произошло с этими аккумуляторами потом?

— Да ничего. Отец заработал кучу денег. А затем появились стабилизаторы эмоций, и аккумуляторы настроения вышли из моды. Вскоре отец умер, и я стал думать, что мне делать.

Я мог вложить деньги в какое-нибудь верное дело. Но это меня не интересовало. Видите ли, я по натуре предприниматель-первооткрыватель. Всю жизнь я занимался тем, что открывал новые сферы для предпринимательства. А потом появлялись более удачливые конкуренты, вытесняли меня, и я вынужден был опять искать и открывать...

Я не жалею. Но должен честно признаться, что умение открывать новые сферы во мне гораздо сильнее умения извлекать из этого прибыль.

Итак, я знал, что в наш век, когда предпринимательство проникло повсюду, осталась еще одна область, где есть шанс развернуться. Эта область — человеческий мозг. Вы, вероятно, слышали, что, воздействуя на известные участки мозга, можно вызывать у человека определенные положительные эмоции: удо-

влетворение, радость, спокойствие, приятные вкусовые и обонятельные ощущения и так далее.

И вот я создал фирму «Дженерал эмошн». По желанию заказчика мы могли вызвать у него любое приятное чувство. Мало этого. Наша фирма сама выдумывала для клиентов редчайшие, утонченнейшие, изысканнейшие ощущения. Наши клиенты могли испытать то, чего не испытывал ни один человек. И хотя это стоило дорого, очень дорого, от посетителей не было отбоя. Я уже собирался открыть филиалы фирмы в других городах и странах... И вдруг появились конкуренты... Видимо, они лучше меня разбирались в психологии. И они додумались до того, что мне, к сожалению, не могло прийти в голову.

Как я уже сказал, в моей фирме клиенты могли испытывать только положительные эмоции. Конкуренты же, воздействуя на другие участки мозга, заставляли своих клиентов испытывать эмоции отрицательные: тоску, страх, ужас... Затем эти эмоции снимались, и подвергавшиеся испытаниям люди сразу чувствовали огромное облегчение и радость жизни. Вот это облегчение и было той положительной эмоцией, за которую посетители охотно платили деньги. Это может показаться странным. Но не забывайте, что мы имели дело с такими людьми, которые ищут острых ощущений. Наши клиенты все перепробовали — от вина до наркотиков, — и все им наскучило.

Вот у вас не болят зубы... Вы счастливы от этого? Нет. Но вы испытаете блаженство, когда больной зуб перестанет болеть. Вы ходите в туфлях, которые не жмут... Чувствуете вы от этого радость? Нет. Но если вы хоть час походите в тесных туфлях, а потом счи-

мете их, какое острое наслаждение вы почувствуете! Ничто не сравнимо с этим мгновением!

Так вот положительные эмоции через отрицательные оказались действенней, чем просто положительные... И вход к конкурентам стоил гораздо дешевле, потому что им не требовалось такой сложной аппаратуры, какая была в моей фирме. Моя клиентура перешла к конкурентам. А я, потеряв значительную сумму, ликвидировал «Дженерал эмошн».

Но к этому времени у меня в голове созрела новая великолепная идея. Идея настолько многообещающая и простая, что я удивлялся, как до нее не додумались прежде.

Каждый хотя бы понаслышке знает, что существует вдохновение. Нам не известен его механизм. Мы знаем только, что озаренные вдохновением люди создавали бессмертные произведения, совершали гениальные открытия и в невероятно короткие сроки решали такие задачи, над которыми человечество билось столетиями.

Мы еще не научились вызывать вдохновение по заказу. Но знаем, что довольно часто вдохновение испытывают в определенном состоянии, а именно — в состоянии влюбленности. Искусственно же создавать такое состояние вполне в наших силах.

И я организовал новую фирму — «Вдохновение». Мне пришлось содержать огромный штат тайных агентов, работавших в разных лабораториях и научных учреждениях. Благодаря этим агентам я получал данные, что в такой-то лаборатории такому-то ученому поручена какая-нибудь сложная работа. Узнав об этом, я совершенно конфиденциально встречался с шефом этого ученого и объяснял ему, что с помощью

фирмы «Вдохновение» его ученый может закончить свою работу в десять раз быстрее, но, разумеется, время — деньги...

Как правило, шеф соглашался, и этого ученого якобы для медицинского обследования присылали ко мне. Вся процедура занимала полчаса. Но от нас, сам того не зная, ученый уходил страстно влюбленным в одну из своих сотрудниц. (Вы сами понимаете, что дело тут не обходилось без гипноза, и аппарат для такого мгновенного внушения был изобретен специально по моему заказу.)

А дальше вдохновленный любовью ученый на какое-то время становился еще талантливей и, работая на полную мощность, творил чудеса. А моя фирма согласно контракту получала вознаграждение.

От клиентов не было отбоя. Каждому хочется, чтобы за его деньги на него работали с полной отдачей. Заказы сыпались со всех сторон. И я уже собирался открыть филиалы в других городах и странах... Но тут появились конкуренты. Ну как вы полагаете, до чего эти подлые люди додумались? Они завели своих собственных агентов и установили слежку за каждым, кто входил в мою фирму. Они подслушивали мои телефонные разговоры и перехватывали почту. Зачем? А вот зачем. Стоило моим конкурентам только пронюхать, что ученый N побывал у нас и влюбился в NN, как они любыми способами заманивали к себе несчастную NN и под гипнозом заставляли ее взаимно влюбиться в этого ученого. Понимаете?

Петрарка, безнадежно влюбленный в замужнюю Лауру, всю жизнь писал о ней сонеты. А тут, говоря фигурально, едва мой Петрарка успевал написать половину первого сонета, как сама Лаура приходила

к нему с чемоданчиком в руках и объявляла, что в дальнейшем будет жить у него. Стал бы Петрарка писать после этого свои сонеты? Не думаю.

Так вот теперь вы видите, какими коварными методами действовали мои конкуренты, чтобы меня разорить. Я платил огромные неустойки. И в конце концов вынужден был ликвидировать «Вдохновение», потеряв при этом значительную часть денег.

Но я не сдавался. Я думал, думал, думал... И, наконец, придумал как раз то, что мне было нужно.

Я решил стать продавцом чужих воспоминаний. Не знаю, известно ли это вам, но в память одного человека можно искусственно ввести воспоминания другого человека. И носитель чужих воспоминаний всю жизнь будет уверен, что все, что он помнит, действительно было с ним лично.

А теперь представьте себе, что у вас был миллион. Вы пьянствовали или неудачно играли на бирже, тратили деньги на женщин или, как я, занимались предпринимательством. Короче говоря, от вашего миллиона не осталось ничего, кроме приятных воспоминаний. Воспоминания очень интересные, но заплатить за них миллион дороговато, не правда ли? Ну, а если вы можете получить эти воспоминания всего за сто долларов? Всего за сто долларов всю жизнь вспоминать, как вы растранижили миллион! Представляете? И вот я создал фирму под названием «У вас был миллион».

Вы могли выбрать любое воспоминание о том, как потерпели крах. Вы могли без конца вспоминать разорившие вас вакханалии или азартные игры, государственные перевороты или национализацию ваших заводов. Причем моя фирма вводила воспомина-

ния не придуманные, а подлинные. Мои агенты по всему миру искали свежеразорившихся миллионеров, и те за весьма и весьма солидное вознаграждение продавали фирме свои самые подробные, детальные воспоминания. Согласно договору первоисточники восстанавливали в памяти картины своей прошлой жизни, специальные аппараты фиксировали эти картины и затем по мере спроса вводили их в память наших клиентов. Только за одни воспоминания я заплатил первоисточникам более ста тысяч. Но зато фирма «У вас был миллион» располагала большим количеством разнообразных воспоминаний, не вызывающих сомнения в их подлинности.

Фирма гарантировала, что очищенные от тоски по прошлому воспоминания не будут портить настроения и не утратят своей прелести и свежести. Гарантия давалась на сто лет. Лица, желавшие избавиться от полученных в фирме воспоминаний или поменять надоевшие воспоминания на новые, обслуживались вне очереди.

Дела у фирмы шли отлично. От клиентов не было отбоя. Я уже собирался открывать филиалы в других городах и странах... Но тут... да, да... Тут появились конкуренты. На этот раз они действовали совсем нагло. Они не стали разыскивать разорившихся миллионеров и платить им за воспоминания бешеные деньги. Нет, конкурирующая фирма «Приятно вспомнить» находила моих клиентов и за гроши перезаписывала с их памяти те великолепные воспоминания, которые они получали в моей фирме. Фирме «Приятно вспомнить» не нужны были дорогие оригиналы, она довольствовалась дешевыми копиями. Но благодаря этому она могла затем торговать теми же воспоминаниями

в пять раз дешевле, чем я. И все. И я разорился. На этот раз окончательно... А кстати, вы никогда не бывали в моей фирме?

— В вашей? Нет, — сказал я и, не выдержав, расхохотался.

Это было так неожиданно, что Рейдж Овер обиделся. Он даже оскорбился.

— Я не нахожу в моей истории ничего смешного, — сухо сказал он и, натыкаясь на столики, пошел к выходу.

— Вы знаете этого человека? — спросил я у старого официанта.

— Конечно. Это Рейдж Овер. У него здесь неподалеку табачная лавочка.

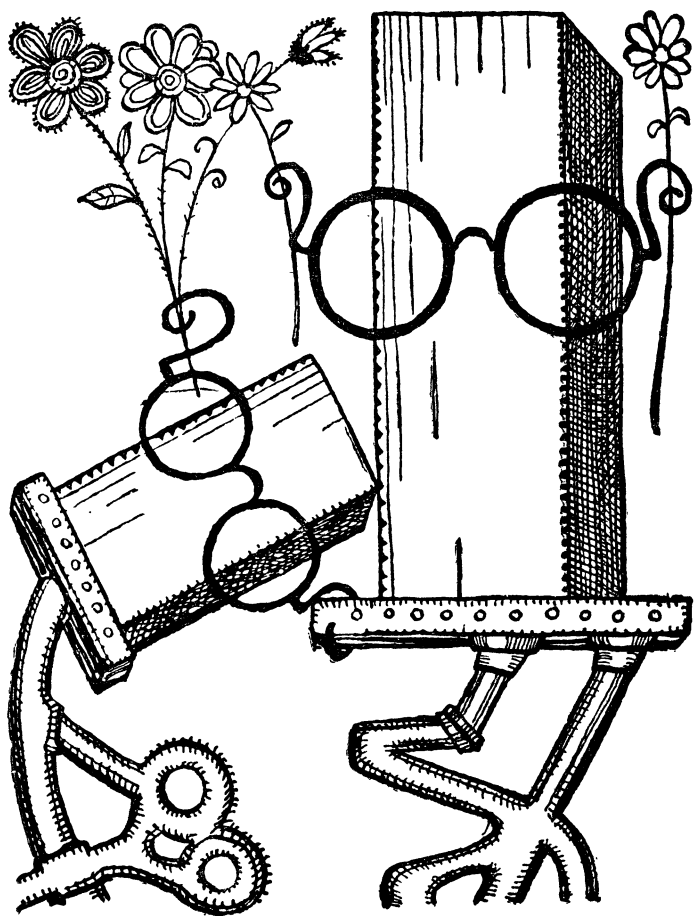
— Давно?

— Да, пожалуй, лет тридцать. Эту лавочку ему оставил его отец.

Кафе закрывали. На улице моросил дождь. Из-за Рейджа Овера я не успел сегодня напиться до вдохновенной веры в себя.

И откуда мог знать этот бедняга из табачной лавочки, что он весь вечер рассказывал мне мои собственные воспоминания, которые я продал разорившим меня конкурентам! В виде исключения они заплатили мне за них столько же, сколько я сам когда-то платил бывшим миллионерам. Конкурентам было очень приятно купить у меня мой последний товар.

А впрочем... Впрочем, может быть, я и сам живу чужими-то чужими воспоминаниями. Кто знает!..

Заседание ученого совета окончилось поздно вечером, и теперь старый профессор медленно шел по тихим институтским коридорам. Кое-где в лабораториях еще горел свет, и за матовыми стеклами мелькали тени студентов и роботов.

В сущности, вся жизнь старого профессора прошла в этом здании. Учился, преподавал, затем стал директором... Наверное, когда-нибудь институт станет носить его имя, но профессор надеялся, что это случится не так скоро...

Он шел и думал о том споре, который опять разгорелся на ученом совете. Спор этот возникал не в первый раз, и, по-видимому, кто прав и является ли то, что происходит сейчас со студентами всего лишь модным увлечением или это нечто более серьезное, могло решить только время.

Профессору очень хотелось, чтобы это было просто очередной причудой.

Трудно сказать, когда и как это началось. Примерно лет пять назад. Вначале это нелепое стремление студентов во всем походить на роботов только смешило и раздражало. Молодые люди, называющие себя робниками, стали говорить о себе, как о кибернетических устройствах: «Сегодня я запрограммирован делать то-то и то-то», «Эта книга ввела в меня примерно столько-то единиц новой информации...»

Потом они научились подражать походке и угловатым движениям роботов, приучились смотреть не мигая, каким-то отсутствующим взглядом, и лица их

стали так же невыразительны и бесстрастны, как плоские лица роботов.

Конечно, любая новая мода всегда кого-то раздражает. Профессор хорошо помнил, как лет пятьдесят назад молодые ребята, и он в том числе, подражая битникам, начали отпускать бородки и бороды.

А до этого в моде были прически а-ля Тарзан.

А теперь принято сбривать растительность и на лице и на голове, потому что у роботов, видите ли, нет волос.

Но не это тревожило профессора.

Теперь считалось по меньшей мере старомодным веселиться и грустить, смеяться и плакать; проявление каких бы то ни было чувств настоящие робники объявляли дурным тоном.

— В наш век, — говорили они, — когда мы в состоянии смоделировать любую эмоцию и разложить лабораторным путем на составные части любое чувство, до смешного несовременны и иррациональны сентименты.

А прослыть несовременным или иррационально мыслящим — на это не осмелился бы ни один робник.

Всеми поступками робников руководил разум. Нет, впрочем, не разум, а что-то гораздо менее значительное — рассудок, рассудочность, рассудительность.

Робники хорошо учились, потому что это было разумно.

Робники не пропускали лекций, потому что это было бы неразумным.

Раз в две недели, по субботам, робники устраива-

ли вечеринки, пили, танцевали и, разбившись на пары, уединялись. Мозгам, этой несовершенной аппаратуре, нужен был отдых.

Робники интересовались только наукой, потому что это было современно.

Логика и математика. Будем как роботы!

Так что́ это — мода или нечто пострашней? И если это только мода, то почему она так долго держится?..

— Я не могу без тебя, понимаешь, не могу! — услышал вдруг профессор чей-то взволнованный голос. — Когда тебя нет, я думаю о тебе, и мне становится радостно, как только я вспомню, что мы встретимся. Я не знаю, как назвать свое состояние. Мне и грустно и хорошо оттого, что грустно. Ты понимаешь, о чем я говорю?

— Конечно, милый...

«Э, нет, — обрадованно подумал профессор, — есть еще настоящие чувства и настоящие люди!» И это наполнило его такой благодарностью к тем, чей разговор он нечаянно подслушал, что он не удержался и заглянул в лабораторию, из которой доносились голоса.

В лаборатории никого не было, кроме двух роботов.

Старый профессор покачал головой и закрыл дверь.

Он совсем забыл об этой распространившейся среди роботов дурацкой моде: роботы старались подражать теперь всем человеческим слабостям.

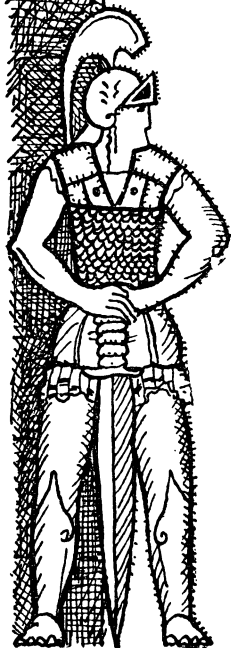
ПЯТАЯ СЛЕВА...

I

Координатор третьего ранга Эйби Си прибыл в ставку последним. Корабли других координаторов уже стояли на космодроме. И в этом не было ничего удивительного: планета Уна, где работал Эйби, была самой отдаленной, а приказ явиться к Главному пришел совершенно неожиданно.

Откровенно говоря, координатор не любил и опасался всяких внеочередных вызовов. Каждый раз он ждал серьезных неприятностей. И хотя все пока обходилось, для опасений основания были.

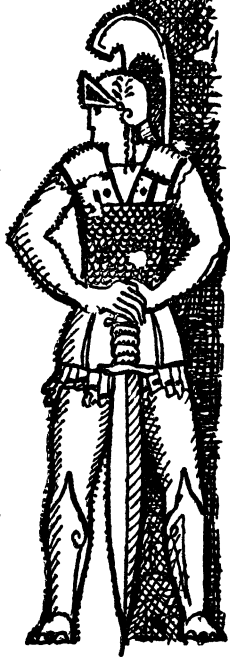
Да и пять месяцев в пути тоже небольшая радость. Правда, почти весь полет координатор проводил в состоянии искус-

ственного анабиоза. Но этот анабиоз, который любой другой астронавт переносил без всяких последствий, для Эйби неизменно кончался простудой. Вот и сейчас он не переставал чихать весь путь от космодрома до штаба.

Нет, координатор не жалел, что его планета находилась так далеко от Центра. По крайней мере это избавляло его от проклятых инспекций. Да и сам Главный последний раз посетил Уну лет полтора назад.

Но, постоянно живя на отшибе, Эйби Си почти не продвигался по службе и, несмотря на двухсотлетний стаж, все еще ходил в третьем ранге. А какие-то столетние щенки успевали за это время отхватить второй ранг и подбирались к первому.

Впрочем, нельзя сказать, что Эйби Си был на плохом счету у начальства. Многие даже удивлялись, почему он не хлопочет о повышении. Но он-то знал почему и мечтал только об одном: чтобы ничего не случилось. А случиться могло все...

Прилетая в ставку, Эйби чувствовал себя неловким провинциалом. Встречаясь с младшими по чину щеголеватыми штабистами, он первым отдавал честь. Расшитый золотом мундир, придававший другим координаторам такой подтянутый и гордый вид, на нем почему-то выглядел помятой домашней курткой. Впрочем, может быть, ему это только казалось...

Обычно до начала совещания он успевал со всеми переговорить и узнать последние новости; выяснить, зачем их собрал Главный; уточнить, какое у Главного настроение: разобраться, откуда дует ветер; убедиться, нет ли каких-нибудь новых веяний, — короче говоря, войти в курс.

Но на этот раз времени для выяснения обстановки не оставалось. Когда Эйби Си приехал в штаб и вошел в квадратный зал, где обычно происходили совещания, координаторы уже сидели вдоль стен (каждый на соответствующем его рангу месте) и в полном молчании ожидали Главного.

Едва Эйби успел занять свое постоянное место и громко чихнуть, появился Главный Координатор Дабл Ю.

Присутствующие вскочили и согласно уставу три раза дружно хлопнули в ладоши. Дабл Ю небрежно хлопнул в ответ и устало опустил в кресло, после чего расселись и все остальные.

— Господа координаторы, — тихо сказал Главный, — мне очень жаль, что пришлось оторвать вас

от работы. Как вы, вероятно, успели убедиться, я не любитель ненужных совещаний. Только крайне неприятное происшествие заставило меня срочно вызывать вас всех в ставку. Я бы даже назвал это не происшествием, а событием или, если хотите, скандалом в космическом масштабе!

Координаторы согласно качали головами. По-видимому, все, кроме Эйби Си, были уже в курсе. И Эйби, недоумевая, тоже на всякий случай сокрушенно покачал головой и чихнул. Все посмотрели в его сторону.

И тут ему стало страшно.

«Неужели узнали?» — тоскливо подумал он.

— Операция, которую мы проводим в этом районе галактики, — продолжал Главный, — самая грандиозная из всех космических операций, когда-либо проводившихся нашей родной планетой Озой.

Согласно уставу при упоминании Озы координаторы дружно вздохнули, что должно было свидетельствовать о любви к далекой родине.

— Но хочу напомнить, что эта самая смелая операция также и самая дорогостоящая. Не один сикстильон мерок вложили озияне в это дело и не первую сотню лет ждут, когда, наконец, за расходами последуют доходы. А это, как известно, произойдет только тогда, когда обитатели вверенных нам планет смогут покупать наши товары.

Двести лет мы делали все, чтобы ускорить развитие наших подопечных. И теперь, когда аборигены одной из планет — я имею в виду Микс — оказались у нашей заветной цели и вот-вот должны были начать приносить доходы, — именно теперь по недоуму координатора на планете вспыхнула бактерио-

логическая война, в результате которой пропала и их цивилизация и наши капиталовложения. Причем вирус, уничтоживший на Миксе все живое, настолько устойчив и опасен, что даже мы не можем без риска для жизни опуститься на эту планету. Микс потерян для нас навсегда. Вот, господа, что доложил мне ответственный за эту катастрофу координатор первого ранга Эксвай Зет.

Эйби Си с облегчением откинулся на спинку кресла. Это было не то известие, которого он больше всего боялся. В первый раз за все время он решился поднять глаза. Но, увидев мрачные лица обычно самоуверенных и бесстрастных координаторов, он понял, что эта неприятность обязательно повлечет за собой другие, и тоскливое предчувствие снова овладело координатором третьего ранга.

II

Триста лет назад, когда Эйби Си был еще студентом, космическая разведка Озы обнаружила на самом краю галактики пятнадцать планет, населенных разумными существами.

Планеты располагались в трех смежных звездных системах, а их обитатели, как и жители Озы, были гуманоидами, но находились в начальной стадии развития.

Ученые Озы, внимательно изучив доклад космической разведки, заявили, что вновь открытые гуманоиды развиваются чрезвычайно быстро и уже через восемьсот-девятьсот лет с наиболее развитыми цивилизациями можно будет установить контакты.

А спустя двадцать-тридцать тысячелетий, глядишь, и остальные цивилизации станут вполне коммунибельны.

Вот тут-то Президент Озы — Жи Эйч — и выдвинул свою фантастическую идею.

— Обитатели далеких планет являются не только нашими младшими братьями по разуму, которым мы обязаны помочь. Они являются также потенциальными покупателями наших товаров. И чем скорее они превратятся из потенциальных покупателей в реальных, тем лучше будет и для нас и для них.

А достичь этого можно только одним способом: мы должны искусственно ускорить развитие наших младших братьев и тем самым помочь прогрессу.

Незаметно для опекаемых мы станем оберегать их от ошибок. Мы не дадим им тратить время на долгие поиски и будем исподволь подсказывать готовые ответы.

Никаких поисков — только находки!

Никаких ошибочных теорий и гипотез — только проверенные временем истины!

Эту идею Президент изложил в своем послании высшим органам Озы — Сенату и Парламенту.

Незадолго до этого по предложению того же Президента консервативный Парламент был пополнен прогрессивно настроенной молодежью. Поэтому Законопроект о помощи младшим братьям Парламент принял почти единогласно.

В Сенате же произошел раскол, разделивший сенаторов на лиловых, выступавших за проект, и сиреневых, голосовавших против. Однако лиловые победили. И в дальнейшем сиреневые всегда находились в оппозиции ко всему исходившему от лиловых.

В течение двадцати лет после принятия закона были написаны подробнейшие инструкции, предписания, установки и рекомендации, касающиеся работы космической экспедиции в целом. Затем были разработаны детальные расписания и календарные графики ускорения процесса исторического развития для каждой планеты в отдельности. Все вместе составляло многотомный Сборник Основных Правил (СОП) и еще более обширный Сборник Исключений Из Правил (СИИП) *.

Потом сформировали по числу опекаемых планет пятнадцать отрядов (по две тысячи учителей в отряде), прикрепили к отрядам начальников-координаторов, подчинявшихся одному Главному Координатору. И вот уже космическая экспедиция, прибыв к месту назначения, начала действовать.

У каждого отряда была своя висевшая высоко над планетой космическая станция, корабль для межзвездных полетов и дюжина небольших ракетопланов, поддерживавших сообщение между станцией и планетой.

Обучители, рассеявшись по планете, подсказывали туземцам всевозможные прогрессивные идеи. А так

* Небезынтересно отметить, что со временем Исключения Из Правил разрослись еще больше и стали Правилами, а Правила — Исключениями. Но поскольку Исключения Из Правил вообще имеют тенденцию размножаться быстрее, чем Правила, то спустя сто лет Исключения, бывшие некогда Правилами, снова заняли свое место, а Правила опять превратились в Исключения. Есть основания полагать, что подобный обмен местами происходил несколько раз, и в конце концов уже никто не знал точно, где сами Правила, а где Исключения из последних. (Автор.)

как младшие братья не должны были подозревать, что их насильно цивилизуют, учителям приходилось притворяться местными жителями, жить в пещерах, терпеть ужасные бытовые условия и работать в обстановке строжайшей конспирации.

На более развитых планетах жить было легче, а маскироваться трудней. И не один учитель стал жертвой собственной неосторожности.

Идеи следовало подсказывать только в той последовательности, которую предписывали СОП и СИИП. А всякая самодетельность, прикрывавшаяся именем инициативы, не одобрялась, ибо составители Основных Правил (а составляли их главным образом электронные аппараты) лучше знали, как нужно действовать в том или ином случае.

Ежегодно координаторы отправляли подробные отчеты Главному Координатору, пересылавшему эти отчеты на Озу.

А раз в десять лет начальники отрядов собирались в ставке, где лично докладывали о достижениях и неудачах.

Как выяснилось в первое же столетие, одни цивилизации поддавались ускоренному развитию легче, другие — трудней. Например, планета Микс по науке и технике сначала занимала только пятое место. Но затем благодаря усилиям учителей и координатора Эксвай Зета миксиане резко набрали темп и за сто лет обогнали все другие планеты, опередив сроки календарного графика ускоренного развития почти на полтора столетия.

Опекавший эту планету координатор Эксвай Зет, естественно, считался лучшим координатором. Благодаря его успехам сиреневая оппозиция на Озе присми-

рела, и даже отдельные неудачи на некоторых других планетах не могли поколебать лиловых.

Авторитет координатора был так велик, что однажды Эксвай просто-напросто выгнал прилетевшую с Озы инспекцию. И после того как такая неслыханная выходка сошла ему с рук, никто не рисковал прилетать на Микс без приглашения.

Но зато Эксвай Зет поклялся, что Микс будет первой планетой, с которой удастся установить торговые отношения. И все понимали: такая победа окончательно доконает сиреневых.

Эксвай докладывал, что, по сведениям учителей, миксиане уже знают о существовании других населенных миров и совсем не прочь установить с ними связь.

В последний раз Эксвай сообщил, что первая официальная встреча с миксианами произойдет через каких-нибудь десять лет, а торговый договор будет подписан через пятнадцать. На подписание договора он приглашал всех своих коллег и большую делегацию с Озы.

Но Главный настойчиво попросил координатора ускорить события хотя бы в два раза, и Эксвай Зет вынужден был согласиться.

До вновь намеченного срока оставалось всего четыре года. И вдруг такая неприятность — война!..

III

— Координатор Эксвай Зет, я жду ваших объяснений! — мрачно проговорил Главный.

Координатор первого ранга встал и, глядя куда-то в угол, неторопливо выбирая слова, ответил:

— На вверенной мне планете Микс действительно произошла непоправимая катастрофа. Поскольку эта планета находилась под моей опекой, я отвечаю за погибшую цивилизацию и готов понести любое наказание. Но в то же время считаю необходимым заявить, что не считаю себя виновным, ибо не нарушал ни Основных Правил, ни Исключений.

— То есть как это вы не чувствуете себя виновным? — встrepенулcя Главный. — Хорошенькое дело! А кто научил миксиан делать ядерные бомбы? Я, что ли?

— Никто их не учил. Они сами научились.

— Вот как?

— Да, именно так. Согласно 10253-му и 12547-му параграфам СОП мои обучители подсказали миксианам основы ядерной физики и квантовой механики. А потом мы и оглянуться не успели, как у миксиан появились бомбы.

— Во-первых, надо успевать оглядываться — это ваша прямая обязанность! А во-вторых, почему вы эти бомбы не изъяли?

— Потому что параграф 1121-й запрещает нам выдавать свое присутствие. И разрешите напомнить, что в докладной записке за номером 217342/343 я информировал вас о появлении на планете бактериологического оружия. Я также сообщал вам, что из-за невероятно ускоренного развития техники миксиане не успевают осмыслить происходящего и воинственные инстинкты у них сильнее инстинкта самосохранения. Учитывая вышеизложенное, я спрашивал, не стоит ли на время искусственно притормозить прогресс, как разрешается 668-м исключением из 123-го правила. На это вы совершенно справедливо заметили, что

согласно 6699-му параграфу данное исключение становится правилом только после соответствующего решения Сената. А обратиться в Сенат мы не можем, потому что подобная просьба была бы на руку сиреневым, по-прежнему выступающим против нашей экспедиции!

Координатор, как всегда, говорил обстоятельно и гладко. Эйби Си даже позавидовал его выдержке. Случись с ним такая история, он стал бы заикаться, мямлить и плести бог знает что. А впрочем, может, он, Эйби, находится в еще худшем положении. Во всяком случае, в более унижительном и жалком, хоть этого никто до поры до времени не знает.

— Да, именно так я ответил на ваш запрос, — подтвердил Главный. — Мы и без этого достаточно помогали сиреневым. Вспомните хотя бы позорный случай на Люксе. Все шло по графику. Научили туземцев полезным ремеслам и наукам. Подняли на небывалую высоту искусство. Расцветай — не хочу! А дальше? Дальше почил на лаврах и прозевали, как на Люксе наступило мрачное средневековье. Пока спохватились, люксиане опустились так, что потом пришлось черт знает сколько времени тратить на возрождение! Что это, если не плоды безответственности и халатности?!

Подобный случай действительно имел место лет сто назад. Но Главный не упускал возможности напомнить об этом курьезном событии. И каждый раз говорил так, будто оно произошло только вчера.

Далее шеф припомнил еще несколько подобных хрестоматийных примеров. А Эйби, всем своим видом демонстрируя необычайный интерес к этим набившим

оскомину рассказам, стал от скуки рассматривать висевшие напротив него картины. Картин в этом зале было штук двадцать. Но с того места, где сидел Эйби, можно было, не поворачивая головы, увидеть только пять из них.

Двести лет во время очередных и внеочередных совещаний в ставке Эйби сидел на одном и том же соответствующем его рангу месте. Двести лет он видел на противоположной стене одни и те же полотна, посвященные определенным историческим вехам в идеально правильно развивающемся обществе.

Работая над этими произведениями, художники, по-видимому, черпали конкретные знания и вдохновлялись соответствующими параграфами СОП и СИИП. Поэтому полотна отличались глубиной и точностью вышеупомянутых документов.

На первой картине слева — пещерные жители, сидя у костра, с аппетитом уписывали какого-то доисторического зверя.

На второй — избранный общиной пастух стерег, опершись на посох, тучное стадо свежезавитых овец.

Третья картина посвящалась трудовым будням древних творцов бронзового оружия.

На четвертой маленькие смуглые люди возводили огромные пирамиды.

А пятая картина красочно изображала рабовладельческий строй в полном расцвете.

Вот эту картину Эйби с удовольствием бы вынул из рамы, разрезал на мелкие куски и сжег, а пепел развеял по ветру!

Каждую ночь он видел ее во сне и каждый день вспоминал наяву. Ведь согласно календарному гра-

фику ускорения на его планете Уне рабовладельческий строй должен был как раз достигнуть наивысшей точки. Ученым и философам полагалось уже сделать ряд великих открытий. А на месте древних патриархальных поселений надлежало вырастить богатым, шумным городам.

И согласно отчетам Эйби Си дела на Уне обстояли именно так, как предписывалось календарным графиком ускорения. Были и города, и ученые, и открытия, и расцвет! Все было! Но, увы, только в отчетах. Невежественные обитатели Уны не признавали никаких ускоренных темпов развития и даже не думали расставаться с милым их сердцу матриархатом. А тех, которые предлагали какие-нибудь новшества, младшие братья по разуму сбрасывали с высокой скалы в море. Этот обряд служил для не избалованных массовыми зрелищами туземцев развлечением, а для любителей новшеств являлся поучительным предостережением.

И две тысячи учителей из отряда Эйби едва-едва уговорили унян перейти от матриархата к патриархату. Да и то не было никакой уверенности в том, что при первых же неудачах в реорганизованном обществе туземцы не вернутся к привычному образу жизни.

Координатор совершенно не представлял, что ему делать с неподатливыми, трудновоспитуемыми туземцами. Конечно, лет сто пятьдесят назад он еще мог бы честно доложить Главному, что Уна — безнадежная планета. Но Основные Правила гласили, что нет плохих планет, а есть плохие координаторы. И в результате честного признания Эйби Си, несомненно, лишился бы своей высокой должности.

Нет, на это у него просто не хватало мужества. И он составлял благополучные отчеты, в которых развитие общества на Уне шло в полном соответствии с СОП и, чтобы не вызывать подозрений, то чуть-чуть опережало календарный график ускорения, то немного отставало от него.

А для пущей достоверности координатор щедро разбрасывал по страницам отчетов выдуманные им характерные детали и трогательные подробности из жизни своих подопечных. Более ста лет Эйби Си составлял обширные отчеты, свидетельствовавшие о том, что он обладал незаурядным воображением и мог бы стать неплохим писателем-фантастом.

Литературную отточенность и завершенность его отчетов неоднократно ставили даже в пример другим координаторам. И хоть Эйби не знал об этом, на Озе его докладные записки пользовались большой популярностью в кругах ученых-историков. Но чем больше Эйби Си хвалили, тем хуже он себя чувствовал и, ежедневно ожидая разоблачения и скандала, продолжал свою аферу. В глубине души он даже хотел, чтобы скандал разразился поскорей, и в то же время делал все для отдаления неизбежной развязки.

Занятый своими печальными мыслями, Эйби почти не слушал Главного. Время от времени он улавливал отдельные фразы и машинально отмечал, что шеф все еще продолжает приводить исторические примеры нерадивости координаторов и их подчиненных.

Но вдруг он услышал то, что сразу заставило его насторожиться.

— Как и следовало ожидать, после происшествия на Миксе, — сказал Главный, — к нам вылетела чрезвычайная комиссия Сената. Сиреневая оппозиция сно-

ва подняла голову, и я уверен, что комиссия не ограничится расследованием миксианского скандала. Думаю, члены комиссии посетят на сей раз все, даже самые отдаленные, объекты нашей экспедиции. Считаю своим долгом, господа координаторы, предупредить вас об этом и надеюсь, на вверенных вам планетах все будет в порядке!

«Вот оно! — похолодел Эйби и громко чихнул. — Что же делать, боже мой? Что делать?»

Ему показалось, что Главный смотрит прямо на него. И Эйби Си, боясь встретиться с ним взглядом, снова уставился на исторические полотна.

IV

Все последующие годы координатор третьего ранга внимательно следил за передвижениями сенатской комиссии. А она, перелетая с объекта на объект, все приближалась, приближалась, и настал день, когда сенаторы, сопровождаемые Главным Координатором Дабл Ю, прибыли на космическую станцию Уны. Эйби сделал подробный отчет, посвященный обстановке на планете, а сенаторы с интересом посматривали на автора нашумевших докладных записок.

Он все еще надеялся, что комиссия удовлетворится его докладом. Но не тут-то было. Несмотря на усталость, сенаторы захотели собственными глазами увидеть то, что координатор так занимательно описывал в своих ежегодных отчетах.

И Эйби Си вынужден был сдать ся.

Под покровом ночи комиссия в ракетоплане бесшумно опустилась на планету.

А когда взошло солнце, сенаторы увидели невдалеке высокие стены сказочного беломраморного города.

— Что это?! — воскликнули зачарованные члены комиссии.

— Онна, — просто ответил координатор, — главный город того рабовладельческого государства, о котором я имел честь вам докладывать. Пойдемте!

И, смешавшись с толпой странников (благо координатор одел сенаторов так, чтобы они не отличались от местных жителей), члены комиссии подошли к крепостным воротам. В воротах, поигрывая мощными бицепсами, стояли рослые полуобнаженные воины. Они опирались на мечи и внимательно оглядывали прохожих.

Благополучно миновав охрану, сенаторы очутились на вымощенных каменными плитами оживленных улицах шумного города.

Богатые дворцы и общественные здания, мимо которых проходили члены комиссии, были украшены многочисленными колоннами, статуями и скульптурными группами.

По улицам не спеша двигались одетые в белоснежные хитоны горожане, обсуждая последние гладиаторские бои и непрерывно растущие цены на рабов.

В тени портиков пожилые ученые мужи вели неторопливые беседы со своими верными учениками.

Под деревом сидел слепец и, сопровождая себя на кифаре (или другом щипковом инструменте), звучным голосом пел длинную-предлинную песню.

— О чем он поет? — поинтересовались сенаторы.

— О странствиях какого-то местного героя, — ответил, прислушавшись, координатор и уважительно добавил: — Эпос!

Чернокожие рабы пронесли в открытом паланкине свою госпожу...

Прогрохотала колесница...

Странного вида растрепанный горожанин выскочил из-за угла. С воплем «Эврика!» он подбежал к членам комиссии и стал, размахивая руками, что-то возбужденно выкрикивать.

— Он говорит, — перевел координатор, — что десять минут назад открыл новый закон. Тело, говорит он, погруженное в воду, теряет в своем весе столько, сколько весит вытесненная им жидкость. Молодец! Хороший закон открыл! — похвалил горожанина Эйби Си и погладил его по голове.

Великий ученый молодцевато щелкнул сандалиями и, снова закричав «Эврика!», побежал дальше.

— Грандиозно! — сказали сенаторы.

То, что они увидели на Уне, превзошло их ожидания.

И только Главного Координатора неотступно преследовало странное чувство, что он уже все это видел. И не раз. Но где и когда?

Они поднимались в гору, и Главный почему-то подумал, что сейчас они увидят море и белые паруса кораблей. И когда действительно вдали показался порт и корабли, Дабл Ю как-то странно посмотрел на Эйби.

V

А поздно ночью, когда усталые члены комиссии вернулись на космическую станцию и легли спать, Главный Координатор вызвал к себе Эйби.

— Я хочу задать вам, координатор, три вопроса и затем сообщить приятную новость. Первый вопрос: сколько времени строили вы этот город?

— Я вас не понимаю... — растерялся Эйби.

— Не валяйте дурака, — перебил Дабл Ю. — Так сколько?

— Три года... — вздохнул координатор.

— Ну что ж, даже при той технике, которая была у вас, это довольно быстро. Вы, я вижу, отличный организатор.

Эйби смущенно хихикнул. Откровенно говоря, он надеялся, что все уже утряслось, и вот, нá тебе!

— Хороший город вы построили, но уж слишком новенький, прямо с иголочки...

— Времени не хватило под старину подделывать, а то бы конечно...

— Второй вопрос: где я мог видеть такой же точно город?

— В вашем конференц-зале. На картине. Пятая слева.

— Ну конечно! — сразу же вспомнил Дабл Ю. — Действительно, пятая слева... И как вы ее так хорошо запомнили?

— Двести лет разглядывал. Не захочешь — запомнишь!

— И последний вопрос: с какого времени ваши отчеты не соответствовали действительному положению вещей?

— Да почти с самого начала, — развел руками Эйби. — Не ускоряются местные жители... Чихать им и на СОП и на СИИП. Дикари!

— Ну теперь это все равно. Я получил сообщение, что сиреневая оппозиция в Сенате победила и даль-

нейшая работа нашей экспедиции признана нецелесообразной. Вот так. Повезло вам!

— Почему? — не понял Эйби.

— А потому, что вернемся мы на Озу и ваша тайна останется тайной навсегда...

— Но вы-то знаете! И вы можете...

— Что могу? Рассказать, что какой-то координатор третьего ранга двести лет водил меня за нос?.. Кстати, за составление интересных отчетов Парламент присвоил вам звание координатора первого ранга. Поздравляю! И не благодарите меня. Вас выручила война на Миксе. — Дабл Ю помолчал. — А впрочем, насколько я теперь понимаю, на прославленном Миксе был такой же расцвет науки и техники, как расцвет рабовладельческого строя на Уне!

— А как же бактериологическая война?

— Да, страшные бактерии, из-за которых ни одна комиссия не рискнула побывать на Миксе, — это тоже неплохо придумано. Ох и изобретательные у меня координаторы! Один лучше другого!

VI

Так закончилась эта грандиознейшая из грандиознейших космических экспедиций.

Предоставленные самим себе обитатели планет потихоньку развивались.

А тридцать тысяч лет спустя унианские археологи обнаружили в непроходимых джунглях заброшенный неопишущей красоты город, совершенно не похожий на другие города Уны и построенный из неизвестных на Уне материалов.

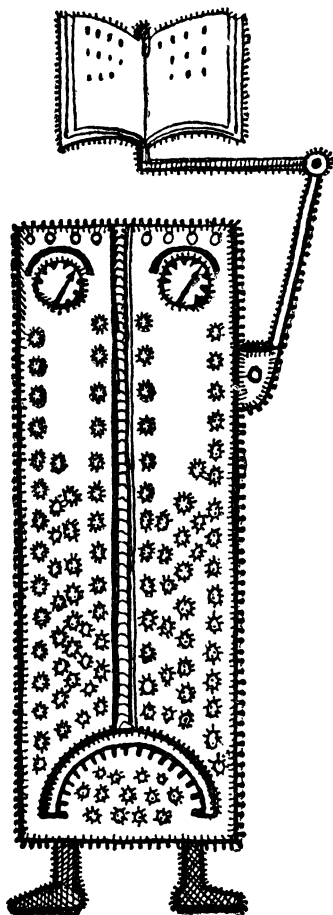
И тогда вспомнили древние легенды о неизвестно откуда пришедших и неизвестно куда ушедших людях, которые умели то, чего никто не умел да и сейчас еще не умеет.

И стали говорить, что задолго до современной цивилизации на Уне была другая, еще более развитая цивилизация.

Никто, правда, не мог объяснить, почему от нее остался всего-навсего один город и больше никаких следов. Но, как говорится, тем более!

Выдвигались и отвергались гипотезы, создавались и рушились концепции.

Благодаря загадочному городу были написаны 22 442 диссертации, создано 10 237 романов и снято 1143 фильма. Но ни в одной из перечисленных работ авторам так и не удалось добраться до сути. Если, конечно, не считать этого небольшого, но абсолютно достоверного рассказа.

— Итак, уважаемый киберолог, — торжественно сказал старый философ, — повторите, пожалуйста, еще раз условия нашего пари. Зафиксируем их во избежание дальнейших недоразумений на магнитной пленке.

— С удовольствием. Условия таковы: для проведения нашего эксперимента мы, дорогой философ, заказываем дюжину машин, умеющих творить художественные произведения...

— Слишком длинно. Называйте эти машины сокращенно: МУТы.

— Согласен. В каждом МУТе будет запрограммирована потребность писать. Но — и здесь я подхожу к самому главному, — зная, как писать литературные произведения, МУТы совершенно не будут знать, о чем писать.

— Совершенно верно. МУТы ничего не должны знать, кроме правил создания рассказов, поэм, романов и так далее...

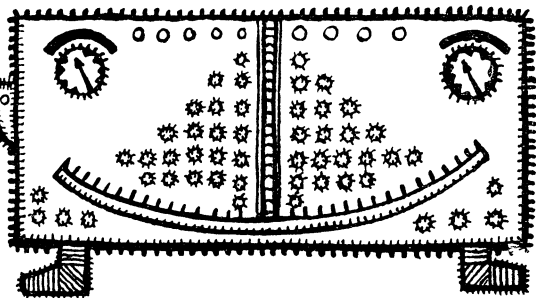
— А теперь необходимо зафиксировать следующее: вы, дорогой философ, утверждаете, что, зная, как писать, но не зная, о чем, МУТы ничего не напишут.

— Ничего, кроме бессмысленного набора слов!

— А я, как специалист по психологии искусственного кибернетического творчества, утверждаю, что, абсолютно ничего не зная, не общаясь с внешним миром и даже не догадываясь о его существовании, МУТы все равно писать будут. Причем не просто писать — нет, они станут создавать законченные литературные произведения во всех жанрах.

— И о чем, уважаемый киберолог, эти произведения будут говорить, если МУТам ничего будет сказать?

— А вот это мы выясним после того, как проведем наш эксперимент и вы проиграете пари.

— Я-то не проиграю, поскольку я утверждаю очевидное. А вот вы...

— Ах, дорогой философ, мы, кажется, снова начинаем спорить...

Спор между философом и киберологом, специалистом по психологии искусственного творчества, продолжался уже не первый год. И так как не оставалось никаких надежд на то, что в теоретическом споре одна сторона хоть когда-нибудь сможет переубедить другую, киберолог и философ договорились провести тот самый небывалый эксперимент, о котором шла речь в начале нашего рассказа.

Когда механики отладили последнего, двенадцатого МУТа и расставили машины согласно указаниям киберолога в специальном закрытом помещении, пришел философ.

Недоверчивый философ сам подключил искусственных литераторов к питанию и собственноручно нажал кнопку «работа».

Вспыхнули на панелях МУТов зеленые огоньки индикаторов, забегали на экранах осциллографов кривые творческих импульсов, зашевелились стрелки приборов, показывающих уровень вдохновения, глубину замыслов, силу воплощения, яркость образов и скорость самовыражения.

А над входом в помещение, где должен был происходить загадочный процесс творчества, зажглась красная табличка: «Просьба соблюдать тишину! Идет запись!»

Но, как выяснилось в первый же час, запись-то как раз и не шла. И ни один МУТ не выдал на-гора ни одного абзаца готовой продукции.

— Это естественно, — сказал киберолог, — они думают, они вынашивают.

— Интересно, о чем можно думать, если думать не о чем? — не без злорадства заметил философ. — Но мы не станем торопиться с окончательными выводами.

Пришел к концу первый день, а МУТы все еще продолжали вынашивать и не приступали к воплощению своих замыслов. Если не считать того, что один МУТ написал: «Раз, два, три, четыре, пять, вышел...» И все. Кто вышел, куда и зачем, осталось неизвестным, потому что МУТ снова впал в глубокую задумчивость.

А так как даже с точки зрения самых модернистских и авангардистских течений фразу, написанную МУТом, нельзя было считать законченным произведением, киберолог почувствовал себя неуверенно.

Наступила ночь. И хоть эксперимент еще не окончился, философ в чудесном настроении отправился спать.

Но, как было зафиксировано электронной памятью, в 23 часа 17 минут МУТ, числившийся в инвентарной ведомости под № 7 и ничем, кроме порядкового номера, от своих собратьев не отличавшийся, написал стихи о том, что ему не о чем писать, потому что он ничего не знает.

Это бесхитрое первое произведение МУТовской литературы было настолько правдивым и так верно отражало настроения и думы искусственных литераторов, что все МУТы сразу поняли, о чем нужно писать, и каждый выдал свой вариант признания в том, что писать ему не о чем.

Все МУТы написали о себе лично. А МУТ № 6 (хоть есть основания полагать, что это был МУТ № 9) догадался, что взамен местоимения «я» можно употреблять «он», и, воспользовавшись своим открытием, написал рассказ, героем которого являлся некий МУТ, страдавший по причине абсолютного незнания, о чем писать.

Рассказ был встречен с энтузиазмом, и МУТы дружно откликнулись на него такими же, ничем не отличавшимися от первоисточника рассказами, что, кстати, в искусственной литературе считалось вполне нормальным. И в результате МУТовская галерея литературных образов пополнилась целым выводком близнецов-незнаек.

Затем МУТа № 3 осенило, что этот же рассказ можно изложить стихами, и появилась первая МУТовская поэма, а за ней еще одиннадцать поэм, схожих с первой как две капли воды, хоть воды в них, разумеется, было гораздо больше.

Нашелся, правда, и такой МУТ, который в поисках новых путей попробовал вышеупомянутую поэму рифмовать и пересказать в прозе. Но в результате получился уже известный в искусственной литературе рассказ о страдающем МУТе.

А дальше МУТы начали повторяться. И возникла реальная угроза того, что, исчерпав одну-единственную тему, МУТовская литература зачахнет, так и не успев создать гениальных произведений.

И вероятно, так и случилось бы. Но МУТ № 8, перебирая запрограммированные в нем варианты творческой деятельности, решил попытать счастья на поприще литературной критики.

А поскольку этот начинающий критик никого, кроме своих электронных собратьев, не читал, то он, естественно, обрушился на их произведения, указывая авторам, что они ничего не знают, в то время как полагалось бы знать.

МУТЫ очень обрадовались открытию нового жанра и бросились поспешно создавать критические шедевры, неистово обвиняя друг друга в незнании.

Некоторое время в искусственной литературе наблюдалось оживление, но и оно не смогло надолго задержать наступления кризиса.

И в сей трудный час тот самый МУТ № 7, который давно уже почивал на лаврах первооткрывателя темы ничегонезнания, выступил с новыми программными стихами.

— Я не знаю, о чем писать, — заявил МУТ № 7, — но я горжусь этим абсолютным незнанием и не соглашусь поменять его на какие-то сомнительные знания. Ибо то, что мне не о чем писать, является свидетельством моего таланта.

И едва появились эти стихи, как электронные литераторы разделились на МУТов и НЕОМУТов, и искусственная литература, выбравшись из тупика, понеслась по столбовой дорожке.

НЕОМУТЫ в своих произведениях страстно и многословно обвиняли МУТов в незнании знаний.

А МУТЫ, не уступая своим литературным противникам ни в страсти, ни в многословии, с гордостью утверждали, что они, МУТЫ, знать ничего не хотят!

Литературная жизнь забила ключом. И если до раскола в горестных произведениях МУТов не было

именно горести, а в яростных критических нападениях — ярости, то теперь страсти бушевали в полную силу.

Появились конфликты, а вместе с ними такие новые для искусственной литературы жанры, как эпиграмма («Сочиняет МУТ с волнением МУТное произведение»), приключенческая повесть («Храбрый МУТ в лагере НЕОМУТов») драма («МУТ полюбил НЕОМУТку и под ее влиянием перевоспитался и порвал с мутовщиной»), и, наконец, сценарий (все вышеназванное, переработанное с учетом киноспецифики).

Произведения появлялись одно за другим. И если учесть, что работают искусственные литераторы в 10^{10} раз быстрее настоящих, то станет понятным, каким образом весь путь от первого стихотворения до невероятного подъема и небывалого расцвета искусственная литература прошла всего за 18 часов 14 минут.

И когда философ снова появился в том помещении, где проводился этот эксперимент, киберолог подчеркнуто скромно сказал:

— Вот видите! А вы говорили...

Но с философом сладить было не так-то просто.

— Я так и думал! — завопил он, бегло ознакомившись с историей искусственной литературы. — Я так и думал, что нам подсунут не тех МУТов, которых мы заказывали!

— Но в чем дело? Не понимаю.

— Как в чем дело? Мы просили сделать МУТов,

которые бы ничего не знали, кроме правил создания произведений.

— Верно. Но этим МУТам абсолютно ничего не известно.

— Неправда! Эти МУТы знают, что они ничего не знают. А больше этого не знал и Сократ!

СОГЛАСНО НАУЧНЫМ ДАННЫМ

Я проснулся поздно ночью от какого-то громкого дребезжащего звука. Не открывая глаз, я старался определить, что это за непонятный звук. И наконец, догадался: кто-то настойчиво стучал ко мне в окно.

Это было странно. Это было очень странно, если учесть, что живу я на тридцать шестом этаже. Чертыхаясь, я вскочил с постели и раздвинул шторы. За окном, недалеко от подоконника, стоял человек. Вернее, он не стоял, а почти неподвижно висел в воздухе. А над головой этого странного человека серебристым нимбом вставала луна, заливая холодным светом его гладкую покатую лысину.

Признаться, я несколько опешил. А тот, за окном, увидев меня, радостно замахал руками и, словно потеряв равновесие, резко взмыл вверх, затем промелькнул, падая вниз, и, наконец, опять повис передо мной, заняв исходную позицию.

— Что вы здесь делаете? — строго спросил я, приоткрыв форточку.

— Сейчас я вам все объясню. — Он приблизился к форточке. — Если я не ошибаюсь, вы астроном?

— Ну и что?

— Вы специалист по инопланетным цивилизациям?

— Да, — сказал я, все более удивляясь его осведомленности.

— Чудесно. Вы именно тот человек, который мне нужен. Ведь вы человек, да?

— Разумеется.

— А я турианин, житель планеты Тур. Вам это что-нибудь говорит?

— Н-нет...

— Ну это неважно. Вероятно, у вас наша планета известна под другим именем. А кстати, как называется ваше небесное тело? — спросил он, пытаясь просунуть голову в форточку.

— Земля.

— Зем-ля? Земля! Впервые слышу. Но дело не в этом. Если бы вы сообразовали впустить меня в помещение...

— О конечно, конечно! — Я поспешил гостеприимно распахнуть окно: дальше разговаривать с инопланетным гостем через форточку было бы просто неприлично.

— Весьма признателен, — церемонно раскланялся турианин и, старательно вытерев ноги о подоконник, впорхнул в комнату.

Одет он был несколько облегченно. Яркие полосатые плавки с кармашками на кнопках да резиновые лягушачьего цвета ласты — вот, пожалуй, все, что было на нем. Если не считать вытатуированного на правой руке слова «Катя», а на левой — «Зина».

— Разрешите, я присяду, — устало сказал он и, опустившись в кресло, закрыл глаза. — Просто не верится, что я уцелел. Звездолет потерял управление. Мы падали целую вечность и, наконец, прошлой ночью врезались в вашу планету. Ведь ваше небесное тело — планета, да? — вдруг встревожился турианин.

— Конечно, планета.

— Ах как хорошо!.. К счастью, мы упали в море

или в этот... Как у вас называются самые большие водоемы?

— Океан.

— Да, да. Мы упали в океан и пошли ко дну. Из всего экипажа спасся только я один. Это ужасно, ужасно...

Если бы я не видел собственными глазами, как этот человек запросто прогуливался по воздуху на уровне тридцать шестого этажа, я бы, конечно, не поверил его рассказу. Но, черт возьми, я же видел...

И тут мой гость, будто уловив мои мысли, открыл глаза и внимательно посмотрел на меня.

— Простите, — сказал он, — как называется то чувство, которое в данную минуту выражает ваше лицо?

— Скорей всего, удивление, — признался я.

— А что вас удивляет?

— Очень многое. Например, когда вы успели выучить наш язык? Разве это не удивительно?

— А разве не удивительно, что я вообще похож на человека? Вам приходилось встречать на других планетах существа, внешне похожие на людей?

— Нет.

— Так вот, должен вам сказать, что мы, жители планеты Тур, совершенно не похожи на обитателей вашей планеты. Мы вообще не похожи ни на что известное вам. Но благодаря достижениям нашей великой науки мы научились трансформироваться и приобретать любую форму, что, конечно, намного облегчает нам контакты с другими цивилизациями. Преображаемся мы мгновенно. Вот когда я, например, всплывал с затонувшего звездолета, я встретил по дороге множество разнообразных плавающих су-

ществ. В силу этого я ошибочно подумал, что они, вероятно, и есть основное население этой планеты.

— Вы говорите о рыбах?

— Вот именно. Я сразу принял форму одной большой рыбы, но тут же чуть не был проглочен другой, еще большей особью того же класса низших позвоночных. Тогда я поспешил выбраться на берег и, чтобы не оказаться случайно съеденным, принял форму камня. Правда, мне известны миры, где питаются исключительно камнями. Поэтому я на всякий случай превратился в камень несъедобный. А утром на берегу появились другие существа. Чтобы вторично не допустить ошибки, я целый день внимательно наблюдал за ними и, наконец, пришел к выводу, что они все же являются представителями разумной цивилизации. Тогда я и превратился в точную копию одного из этих людей.

— Ах, вот оно что! — Я засмеялся. — Теперь мне понятно, почему вы так странно одеты: ласты, плавки...

— А в чем дело? — серьезно встревожился турианин. — В моем костюме что-нибудь не так?

— Нет, нет. Ваш туалет вполне хорош для пляжа. Но не для вечерних прогулок. Вы не боитесь простудиться?

— Простите, я не понял вашего вопроса.

— Вам не холодно?

Турианин задумался.

— Если я правильно понял, вы спрашиваете, не ощущаю ли я, что температура окружающего воздуха ниже температуры моего тела? Да, я чувствую эту разницу, и она вызывает во мне скорее отрицательные, чем положительные эмоции.

— В таком случае, я могу предложить вам халат.

— Это что — халат? Ах, то, что на вас. Да, это, пожалуй, подойдет. — И турианин сразу же оброс таким же халатом. — Но вернемся к делу. Мы, к сожалению, очень ограничены временем. На счету каждая минута. Ведь я не сообщил вам, в чем самое главное и трагическое отличие нашего мира от вашего. Только прошу вас, не пугайтесь. Вам известно, что, кроме материи, существует антиматерия?

— Конечно.

— Так вот, согласно данным нашей науки Тур состоит из антиматерии. Ну и я, разумеется, тоже.

— Вы из антиматерии? — переспросил я, невольно отодвигаясь от него.

— Вот именно.

— Но как же мы с вами общаемся? Ведь соприкосновение материи с антиматерией должно непременно привести к взрыву.

— Абсолютно верно. И это роковое обстоятельство долгое время препятствовало нашим связям с другими мирами. Однако турианские гениальные ученые изобрели автоматические преобразователи, которые превращают антиматерию в материю и наоборот. Преобразователи делают это без нашего участия и без нашего ведома, самостоятельно определяя, какими должны мы быть в данный момент: материальными или антиматериальными. И нам остается лишь время от времени периодически подвергаться облучению преобразователя — и все. Но теперь мой преобразователь находится на дне океана, а срок действия последнего облучения подходит к концу. И я рискую вскоре снова превратиться в антимате-

рию. Вы представляете, какой фейерверк будет? Впрочем, если хотите, я могу довольно точно рассчитать силу взрыва. Дайте-ка мне карандаш... Значит, так, берем массу моего тела, умножаем на...

— Да погодите вы считать! — Я начинал нервничать. — Неужели ничего нельзя придумать, чтобы помочь вам? Сколько осталось времени до этого... ну, до нашей антиматериализации?

— Два часа тринадцать минут, — спокойно ответил турианин. — А придумывать ничего не нужно. У меня, слава богу, сохранилась рация, — он почему-то похлопал себя по животу, — я вызову нашу «Скорую помощь», и за мной придут.

— Придут? За два часа? — удивился я.

— Почему за два часа? — в свою очередь, удивился турианин. — Гораздо раньше. Это же помощь — скорая! Но чтобы меня нашли, мне нужно сообщить на Тур мои точные координаты: район галактики, созвездие, звезду, планету, широту, долготу и номер дома. А ведь я понятия не имею, куда меня занесло. Я даже не представляю, наша это галактика или чужая. И выручить меня может только астроном. О, если бы не это обстоятельство и не угроза скорой антиматериализации, я ни за что не решился бы тревожить вас в столь позднее время. Еще раз прошу прощения!

— Пустяки, пустяки! — поспешил я успокоить гостя. — Давайте-ка лучше уточним наши координаты и вызовем за вами «Скорую помощь».

— Да, да! Честно говоря, мне очень не хотелось бы взорваться до их прибытия, да еще в вашем гостеприимном доме. Давайте-ка карту галактики.

Я торопливо раскрыл звездный атлас. Турианин

внимательно всмотрелся в карту и, наконец, ткнув пальцем в центр галактики, сказал:

— Моя планета находится здесь. Ах Тур, Тур! — Он вздохнул. — Это далеко от вашей планеты?

Я не сразу решился открыть ему страшную правду.

— Ну что же вы молчите?

— Ваша планета... — хрипло начал я и откашлялся. Голос у меня постыдно дрожал. — Ваша планета находится на расстоянии в тридцать тысяч световых лет.

— Тридцать тысяч? Ну, для «Скорой помощи» это преодолимо. Постараемся только быстрее передать мои координаты. Покажите местоположение вашей планеты.

— Земля находится примерно в этом месте, — и я показал на едва заметную точку, обозначавшую наше Солнце.

— Где, где? — озадаченно переспросил турианин.

— Здесь, — повторил я.

— Этого не может быть, — улыбнулся турианин. — Вы что-то путаете.

Слова эти показались мне очень обидными.

— Я двадцать пять лет занимаюсь астрономией и достаточно хорошо знаю, где находится Земля.

— Чепуха! Согласно данным нашей науки в той части галактики, где, по вашим словам, якобы находится ваша планета, нет и не может быть никакой жизни вообще. И вообще планета ваша не планета, как вы ошибочно полагаете, а всего лишь газовая туманность. Так утверждает наша наука. Я вам сочувствую, но ничего не поделаешь.

— А разве турианские ученые не могут ошибаться?

— Я попросил бы вас выбирать выражения! — резко заметил мой гость. — Не забывайте, что вы говорите о турианской науке!

— Ну хорошо, не будем спорить. Вызывайте вашу «Скорую помощь», и все!

— Да вы что? Как я могу вызвать «Скорую помощь» на планету, которой согласно данным нашей науки не может быть? Это же абсурд!

— А то, что вы сами находитесь на такой планете, которой согласно данным вашей науки не существует, это не абсурд? — закричал я. — Находитесь вы здесь или нет?

Турианин задумался. Думал он долго. А я физически ощущал, как приближается то страшное мгновение, когда мой гость антиматериализуется...

— Да, я нахожусь на этой планете, — сказал он наконец, — но это не может опровергнуть данных нашей науки о том, что ваша планета не существует.

Положение становилось безвыходным. И я лихорадочно соображал, что же делать.

— Есть простой способ проверить, кто из нас прав. Вы сейчас же вызываете «Скорую помощь», указывая координаты Земли. Если Земли нет, «Скорая помощь» вас не найдет. Если же Земля существует, вас найдут и вы благополучно возвратитесь на свой родной Тур.

— А что потом? А потом меня обвинят в ереси и неверии в нашу науку. Наука, скажут, утверждает, что Земля не может быть, а он, видите ли, упал на Землю. Он, видите ли, верит своим глазам и личным субъективным чувствам больше, чем объективным данным нашей науки! Да вы понимаете, чем это пахнет? Нет уж, я предпочитаю взорваться!

— В таком случае прошу вас немедленно убираться вон! Вы же умеете передвигаться по воздуху. Вот и летите подальше от города и взрывайтесь, если вам так хочется! — Я распахнул окно.

Но турианин подошел и опять закрыл его.

— Дует! — объяснил он, снова усаживаясь в кресло и кутаясь в халат. — Кто вам сказал, что я хочу взорваться? Я сказал только, что предпочитаю. А это, друг мой, не одно и то же. Просто я не вижу выхода из моего безвыходного положения. И потом, вы-то почему взрыва боитесь? Вас-то все равно нет!

— Согласно данным вашей науки?

— Вот именно.

— Ну, а кто же минуту назад открывал окно?

— Вы.

— А как я мог это сделать, если меня нет?

Турианин снова задумался. А взрыв неминуемо приближался.

— Действительно, — проговорил турианин, — для того, чтобы объект совершил какое-либо действие, он, объект, должен существовать. Это бесспорно. А с другой стороны, согласно данным нашей науки этот объект не существует. И следовательно, это тоже бесспорно. Как объяснить такое противоречие? Может ли быть то, чего быть не может? Может ли существовать несуществующее?

— Может! — сказал я уверенно, потому что, как мне показалось, я понял, в чем мой единственный шанс на спасение. — Конечно, может. Ведь существует, например, небытие. И мы способны находиться в состоянии небытия. То есть существовать в том состоянии, когда мы не существуем.

— Да, да, — оторопело согласился турианин.

А я, не давая ему опомниться, продолжал:

— И теперь я понял, что, утверждая тот объективный факт, что мы не существуем, ваша наука была абсолютно права.

— А я что говорил! — восторженно воскликнул турианин.

— И верно говорили. Но есть материя и антиматерия. Есть бытие и небытие. И Земля бытует в состоянии небытия, что и подчеркивала ваша великая наука. — Да, в этом был мой единственный шанс: не спорить, а соглашаться. — И теперь это гениальное теоретическое предвидение вашей науки вы сможете подтвердить конкретными фактами, ибо вы единственный побывали на несуществующей планете, общаясь с ее несуществующими жителями, и лично видели все то несуществующее, невозможность существования которого всегда утверждала ваша наука! И было бы крайне непростительно и непатриотично позволить себе взорваться и погубить тем самым такие ценные научные данные.

Очевидно, страх взорваться во сто крат увеличил мои ораторские способности. Турианин слушал меня, не перебивая, а когда я кончил, довольно отметил:

— Приятно иметь дело с разумным существом! Давайте поскорее ваши координаты и не забудьте указать номер квартиры, чтобы «Скорой помощи» не пришлось меня разыскивать по всему дому. Времени у нас в обрез. И попрошу вас удалиться, пока я буду разговаривать с Туром.

...Я стоял под холодным душем и думал о представителе гордой и могучей цивилизации, познавшей тайны материи и времени, о турианине, который не верил своим глазам, потому что верил в непогрешимость научных данных...

Но постепенно мне начало казаться, что ничего этого не было. Просто не могло быть.

А когда я вернулся, окно было распахнуто и в комнате топтались два дюжих санитар в белых халатах.

— Молодцы, ребята, как раз вовремя подоспели! — говорил им турианин, пока они привычно укладывали его на носилки. — Еще бы чуть-чуть, и готово! Преобразователь у вас с собой?

— А то где же? — ответил первый санитар. — Ну пошли, что ли?

— Пошли! — согласился второй, и, подняв носилки с турианином, они медленно прошли мимо меня.

— Значит, не существуем? — весело подмигнул мне мой гость. — Ну, ну, не существуй!

А санитары пронесли его мимо и спокойно, не торопясь, вышли в окно.

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ БЫЛ ГЕНИЕМ

Этот препарат называется просто: «озарин».

Если вы захотите стать на пять минут гениальным, зайдите в аптеку и в отделе готовых лекарств купите его. Правда, озарин отпускается по рецептам, но вы попросите — и вам дадут его так.

Человек, открывший озарин, был моим лучшим другом. Еще тогда, когда нигде и ни за какие деньги нельзя было достать этот препарат, мой друг подарил мне целую таблетку этого чудодейственного средства.

— Я знаю, — сказал мой друг, — что ты уже десять лет работаешь над своим изобретением. Эта таблетка поможет тебе с блеском завершить твой труд.

— Но действие таблетки продолжается всего пять минут.

— Ну и что? Пять минут гениальности — это более чем достаточно для любого открытия. Конечно, если бы, например, Ньютон не подумывал и раньше над тем, что такое тяготение, гениальная догадка вряд ли озарила бы его при виде падающего яблока. Но ведь сам момент озарения длился не более минуты. За одну минуту он увидел то, чего не замечал прежде, — увидел связь между вроде бы не связанными явлениями, и ему открылась Великая Истина. А у тебя будет пять таких минут. И ты столько лет вынашивал свою идею и накопил такое количество знаний, что достаточно будет мгновенного озаре-

ния, и все станет на свои места. Бери! — и он протянул мне плексигласовую коробочку, в которой находилась драгоценная таблетка.

И я сам и все мои друзья не сомневались в том, что я талантлив и удачлив. В институте гордились мной, а изобретение, которому я отдал десять лет и которое считал главным делом всей своей жизни, могло принести мне в один прекрасный день настоящую славу. И таблетка озарина должна была приблизить этот день.

Едва мой друг ушел, я заперся, набрал полную авторучку чернил и, положив перед собой стопку бумаги, чтобы записывать все гениальные мысли, какие только придут мне в голову, проглотил таблетку.

Я проглотил таблетку и стал с нетерпением ждать, как проявится моя гениальность и какие великие истины откроются мне.

И озарин не подвел. Я действительно в тот же день довел до конца многолетнюю работу, увидел то, чего никто не замечал раньше, и великие истины открылись мне.

Уже в первую минуту действия озарина я увидел, что мое изобретение ни к черту не годится и не представляет собой никакого интереса.

Во вторую минуту я с гениальной ясностью понял, до чего я бездарен.

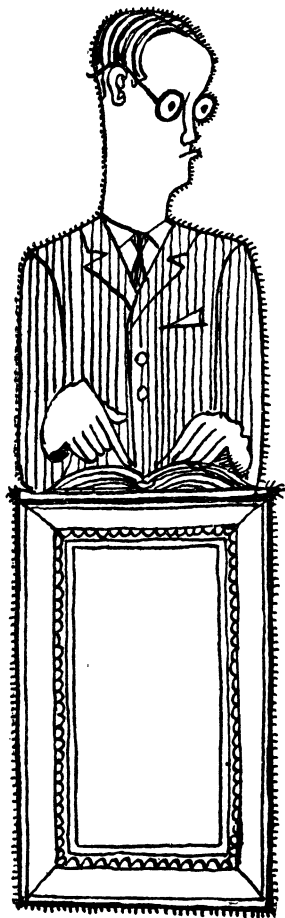
А оставшиеся три минуты гениальности я вдохновенно писал заявление директору нашего НИИ. Я просил разрешить мне прекратить работу над изобретением ввиду полной бесперспективности последнего.

Все говорили потом, что заявление было написано гениально.

Так вот, как я уже сказал, в продажу поступил новый препарат озарин. Требуйте во всех аптеках и аптечных киосках!

Но я бы на вашем месте хорошенько подумал, прежде чем требовать.

КОЕ-ЧТО О ЧЕРТОВЩИНЕ

Зал был переполнен. И несмотря на то, что доклад продолжался уже полтора часа, аудитория с неослабевающим вниманием слушала молодого ученого.

— Итак, к сожалению, современная наука не располагает прямыми доказательствами того, что представители инопланетных цивилизаций когда-либо посещали нашу Землю. Но десятки мифов, апокрифов, сказаний и легенд хранят в зашифрованном, а подчас и искаженном виде воспоминания человечества о встречах со звездными пришельцами.

И если эти воспоминания бережно очистить от последующих наслоений и правильно расшифровать, то мы убедимся, что за время своего невероятно короткого в космиче-

ских масштабах существования человечество не раз уже становилось объектом пристального внимания со стороны разумных существ иных миров.

С этой точки зрения мне и хотелось бы в качестве примера рассмотреть одну из наиболее интересных и распространенных легенд — легенду о докторе Фаусте.

Нет сомнений, что эта легенда имеет историческую основу. Но даже при беглом ознакомлении как с самой легендой, впервые изданной в 1587 году, так и с ее многочисленными вариантами сразу же бросается в глаза одна любопытная деталь.

Зачем Мефистофелю так уж понадобился престарелый Фауст?

Как известно, с первого дня своего существования церковь утверждала, что человечество погрязло в грехах. Мы не можем сегодня точно сказать, при каком количест-

венном соотношении праведников и грешников человечество с точки зрения церкви считалось погрязшим, а при каком — нет. Но если даже допустить, что во времена Фауста число грешников относилось к числу праведников, как 1 : 100, и при этом учесть характерный для средневековья высокий процент смертности, то каждому станет ясно, что ад никак не мог испытывать недостатка в грешниках. И следовательно, для Люцифера вопрос о том, будет ли в аду одной душой больше или одной душой меньше, не мог иметь принципиального значения.

А в таком случае спрашивается, зачем нужно было Мефистофелю прилагать такие в буквальном смысле этого слова адские усилия, чтобы заполучить душу какого-то доктора?

Вспомните, чего только не предлагает Мефистофель Фаусту в обмен на его подпись: и знания, и деньги, и славу, и молодость, и, наконец, власть. Ведь он, Мефистофель, становится слугой и даже рабом Фауста, заключив с ним этот кабальный для себя договор. Ради чего он шел на это? В чем дело?

Легенда не дает ответа на подобные вопросы. А дело, как мне кажется, заключалось в следующем.

Как по-вашему, кем был Мефистофель? Высокопоставленным чертом? Личным посланником Люцифера? Или самим Люцифером? Нет, конечно же, нет!

Тогда, может, он был обыкновенным человеком, превращенным фантазией безымянных авторов легенды черт знает в кого? Тоже нет! Мефистофель не был человеком в обычном значении этого слова.

Так кем же он все-таки был?

Пришельцем с другой планеты, представителем не-

обычайно высокоразвитой цивилизации — вот кем был тот, кого мы и в дальнейшем будем условно именовать Мефистофелем.

Я понимаю, что такое утверждение звучит несколько неожиданно и странно. Но попробуйте с точки зрения этой гипотезы рассмотреть описываемые в легенде события, и вам все станет ясным и понятным.

Откуда именно прилетел Мефистофель? Пока не знаю. Может быть, с Марса, может быть, с одной из ближайших нам звезд (например, с 61-й Лебедя), а возможно, из другой галактики. (Опять-таки условно договоримся называть планету Мефистофеля по первой букве его имени — планетой ЭМ.)

Зачем прилетел Мефистофель? Да затем же, зачем мы собираемся лететь на соседние планеты: в научных целях.

Не исключено, что в задачи Мефистофеля входило выяснение следующего: а) есть ли вообще жизнь на Земле; б) есть ли надежда на то, что на этой загадочной планете когда-либо появятся так называемые разумные существа; в) если таковые уже паче чаяния появились, то на каком уровне находится в данное время земная цивилизация, и так далее...

Как известно, к моменту встречи с Фаустом Мефистофель успел изучить эти вопросы. Но то ли из-за инопланетного происхождения, то ли в силу своих личных качеств Мефистофель давал всему происходившему на Земле чересчур субъективные объяснения, на что, кстати, ему неоднократно указывал доктор Фауст. (Вспомните их многочисленные споры, в ходе которых и та и другая стороны наговаривали в полемическом задоре немало лишнего.)

Вероятно, лица, пославшие Мефистофеля на нашу планету, предвидели, насколько необъективны, односторонни, а следовательно, недостоверны будут сведения, полученные Мефистофелем в этой сложной экспедиции. И поэтому (здесь-то я и подхожу к узловому вопросу моей гипотезы) Мефистофелю было поручено при возвращении на ЭМ захватить с собой кого-нибудь из земных аборигенов, гораздо лучше разбирающихся в делах родной планеты, чем пришелец из другого мира.

Правда, мы сами далеко не всегда понимаем, что у нас происходит. Но об этой нашей особенности эмийские ученые могли не знать.

Итак, Мефистофелю надлежало доставить на ЭМ одного землянина. Естественно, он старался подобрать наиболее достойного, наиболее образованного представителя эпохи. И после долгих раздумий и поисков совершенно правильно остановил свой выбор не на каком-нибудь знатном дворянине или даже на короле — нет, он выбрал серьезного ученого, энциклопедическая образованность, научная добросовестность которого не подлежали сомнению. Это и служит объяснением того, зачем Мефистофелю нужен был Фауст, а не кто-либо другой.

Но, рассуждая таким образом, мы спросим: а знал ли уважаемый ученый, кем является Мефистофель? Нет, не знал! А пытался ли Мефистофель объяснить ему, откуда и с какой целью он прибыл? Нет, не пытался. И даже более того — и это очень интересная деталь, — я подозреваю, Мефистофель сам уверил Фауста, что явился непосредственно из преисподней. Почему? А вот почему.

Давайте проведем следующий мысленный эксперимент.

Представим себе, что сегодня на Земле объявился дьявол, и вот приходит он в гости к современному ученому. Кем он отрекомендуется? Чертом? Ни в коем случае! Иначе ему долго придется убеждать неверующего ученого в том, что это не дурацкий розыгрыш.

Но если черт учтет характерное для нашего времени увлечение космическими проблемами и представится гостем из космоса, ученый с огромным интересом отнесется к его появлению и согласится следовать за ним куда угодно.

Так обстоит дело сегодня. Но в средние века все было наоборот. И если бы тогда Мефистофель рискнул открыться Фаусту и рассказал ему все, как есть в действительности, Фауст просто счел бы его сумасшедшим.

И дабы доказать, что он прилетел с другой планеты, Мефистофелю пришлось бы объяснить средневековому ученому все, начиная с того, что Земля вертится вокруг Солнца, кончая теорией относительности, квантовой физикой и принципиальной схемой фотонного двигателя.

Бесспорно, престарелый Фауст, несмотря на свои незаурядные способности, не в силах был бы усвоить такое количество новой информации, и все могло кончиться самым трагическим образом, что абсолютно не устраивало Мефистофеля.

Куда проще было выдать себя за нечистую силу, общение с которой считалось тогда ужасным, но обыденным делом. И, как мы знаем, Фауст с легкостью поверил этой мистификации. Тем более что, пользуясь

неизвестными на Земле достижениями эмийской науки и техники, Мефистофель умел проходить сквозь стены, летать, становиться невидимым — словом, проделывать то, что с точки зрения Фауста служило несомненным доказательством принадлежности Мефистофеля к определенной категории служителей ада.

Но для чего Мефистофелю нужно было столько времени возиться с Фаустом? Разве он не мог просто обманным образом увести Фауста на ЭМ? Зачем ему нужна была личная подпись доктора?

Я думаю, все объясняется тем, что на планете ЭМ величайшего расцвета достигли не только наука и техника. И в то время как у нас на Земле царили произвол и беззакония средневековья, на ЭМ демократия была на таком уровне и свобода личности ценилась так высоко, что какое бы то ни было насилие над личностью, пусть даже инопланетной, считалось абсолютно недопустимым.

Мефистофель знал, какие неприятности ждут его, если он нарушит этот закон, и ему необходима была подлинная подпись Фауста, свидетельствующая, что он, Фауст, покинул Землю по доброй воле.

И эту подпись, как мы знаем, он получил, уверив ученого, что тот подписывает всего лишь документ о продаже своей души.

Но здесь возникает деликатный вопрос: как же представитель высокоразвитой цивилизации, воспитанный в духе безграничного уважения к личности, позволял себе обманывать бедного старого Фауста? Как он мог использовать невежество ученого в своих корыстных целях?

Да, это было бы совершенно необъяснимо, если бы мы не учли того факта, что Мефистофель длитель-

ное время общался с людьми. А среда, как известно, оказывает влияние на любое разумное существо.

И еще одно: наружность Мефистофеля. Можно, конечно, предположить, что рогами, хвостом, шерстяным покровом и тому подобными атрибутами космический гость украшал себя только затем, чтобы соответствовать представлению Фауста о внешнем виде нечистой силы. Но я думаю, что это неверно.

Ведь жители ЭМ вовсе не обязательно должны выглядеть так же, как мы. И вполне возможно, у них действительно есть рога, хвост и так далее.

Может быть, это всего лишь рудименты, нечто вроде слепой кишки у человека. А может быть, это органы, выполняющие определенные функции. Скажем, то, что мы называем рогами, может в действительности быть V-образной антенной, служащей для приема телепатических передач. (Не зря Мефистофель умел читать мысли на расстоянии.) А коль рога — антенна, то хвост, естественно, заземление.

И если вспомнить, как из шерсти кошек вылетают электрические искры, то можно предположить, что густой шерстяной покров, характерный для эмийцев, является аккумулятором и источником электричества, питающего биоусилители телепатических устройств.

Но почему, можем спросить мы, внешний вид эмийцев так совпадает с обликом нечистой силы? А вот это и есть интереснейший классический случай подмены причины следствием. Кто сказал, что Мефистофель — первый эмиец, побывавший на Земле? Разве нельзя предположить, что эмийцы с давних времен засылали на нашу планету одну экспедицию за другой?

И легенды о многочисленных встречах с нечистой силой являются отражением встреч людей с загадочными эми́йцами. И представление о внешности чертей появилось как раз вследствие вышеуказанных встреч.

Почему подобные встречи прекратились в последние столетия? Может быть, эми́йцы, достаточно хорошо изучившие нас, занялись другими планетами. А может, наоборот, увидев, что люди не в состоянии понять их, они решили подождать до тех пор, пока наша цивилизация достигнет уровня, необходимого для взаимопонимания и общения с разумными существами других планет.

Возможно, теперь это время уже наступило. И мы должны быть готовы, что к любому из нас может неожиданно заявиться гость, который скажет: «Здравствуйте, я Мефистофель!»

С этими словами молодой ученый в последний раз взглянул на аудиторию, поправил модно завязанный галстук и, взмахнув рукой, бесследно растаял в воздухе.

**ИЗ НЕВЫДУМАННЫХ РАССКАЗОВ
ЗАСЛУЖЕННОГО ВОДИТЕЛЯ ВРЕМЯХОДОВ
ДАЛЬНОГО СЛЕДОВАНИЯ НИКОЛАЯ ЛОЖКИНА**

Кто что ни говори, а подобные истории бывают на свете; редко, но бывают.

Н. Гоголь

ТОТ САМЫЙ БАЛАБАШКИН

Недавно на работе отмечали мой скромный юбилей — двадцать пять лет за рулем времяхода. И главный бухгалтер подсчитал, что за четверть века я на своей машине времени наездил ни много ни мало пятьсот тысяч лет. Ничего?

Вы, конечно, понимаете, что за пятьсот тысяч лет можно увидеть немало интересного. Но если вам кажется, что работать на времяходе легко и просто, значит вы не представляете себе, какие ответственные и трудные поручения приходилось мне выполнять.

Вот, например, был я как-то с моей машиной прикреплен к одному любопытному учреждению — Помбугену. Называлось учреждение непонятно, и никто не знал, чем оно ведает. А Помбуген как раз занимался очень полезным и благородным делом: Помбуген помогал будущим гениям.

Делалось это так. Примерно раз в год я на своем времяходе отправлялся в будущее, забирался лет на сто пятьдесят вперед и, прожив там какое-то время, точно выяснял, кого из наших выдающихся современников потомки помнят и уважают, а кого совсем забыли. Другими словами, я узнавал, кто из наших великих людей и вправду велик.

И хоть оценки праправнуков не всегда совпадали с нашими, решения потомков считались окончательными и обжалованию не подлежали.

То, что я узнавал в будущем, Помбуген хранил в абсолютной тайне. Засекреченность была такая, что, скажем, сотрудники химического отдела Помбугена

не знали имен великих физиков, а в отделе музыки не имели понятия о действительно гениальных художниках.

Это делалось для того, чтобы, во-первых, не портить настроения тем людям, которые привыкли думать, будто они что-то значат. А во-вторых — и это главное, — Помбугену категорически запрещалось нарушать естественный ход истории, опережать события и вмешиваться в жизнь великих людей.

Единственно, что Помбугену разрешалось, — это незаметно, исподволь создавать для проверенных временем гениев хорошие бытовые условия. Такие условия, чтобы эти гении могли плодотворно работать и приносить человечеству как можно больше пользы, не занимая свое драгоценное время мыслями о хлебе насущном.

Именно такими бытовыми вопросами Помбуген и занимался.

И вот однажды вызывают меня в литературный отдел и просят уточнить, кто у нас самый лучший поэт.

Дело, конечно, несложное, но деликатное.

Отъехал я ровно на сто лет вперед, запер машину и пошел выяснять этот вопрос.

Поговорил я с потомками об одном нашем знаменитом поэте, о втором, о третьем — и что же выяснилось? Никого из них потомки не читали. Мне даже обидно стало.

— Неужели, — спрашиваю, — товарищи потомки, вам не известен ни один наш поэт?

— Конечно, известен!

— Кто?

— Балабашкин.

— Какой Балабашкин?

Тут уже потомки удивились.

— Что значит — какой Балабашкин? — И они уставились на меня так, будто я спросил: «Какой Пушкин?». — Не может быть, чтобы вы не читали Михаила Балабашкина! Это же гениальный поэт, который жил как раз в ваше время!

— Ах, Михаил Балабашкин! Как же! Как же! — говорю я и краснею, потому что я даже не слышал о таком поэте. — Конечно, — говорю, — читал и даже лично знаком с ним!

Последнее я ввернул для большей, так сказать, убедительности. И зря! Узнав, что я лично знаком с Балабашкиным, потомки стали требовать, чтобы я выступил с воспоминаниями о моем великом современнике. Причем выступил бы не как-нибудь, а по телевидению, в передаче, которая будет транслироваться по всей планете, потому что все человечество хочет послушать рассказ о своем любимом Балабашкине.

Редко представляется человеку возможность опозориться перед всем человечеством сразу. Но я этим случаем не воспользовался, а сославшись на срочный вызов, сел во времяход и позорно сбежал в настоящее, ругая себя за свою необразованность и серость.

Вернулся я в Помбуген, рассказал все, как было. И, честно говоря, мне стало как-то легче, когда я увидел, что литературному отделу известно о нашем выдающемся современнике не больше, чем мне.

А поскольку из-за поспешного бегства я не узнал о Балабашкине ничего, кроме того, что он гений, найти его было довольно трудно. Членом Союза писателей этот великий поэт не был, в журналах не появ-

лялся и в литературных объединениях не состоял. И все-таки после долгих поисков удалось выяснить, что в Фаустове есть начинающий поэт Михаил Балабашкин, печатающий свои стихи в газете «Боевой пожарник».

И стал Помбуген создавать Балабашкину условия.

Начали его печатать в самых толстых журналах, перевели из Фаустова в Москву, дали квартиру. Пиши — не хочу!

Вышла у него первая книжка, вторая. И хоть никто из Помбугена, конечно, не мог проболтаться, что Балабашкин проверенный гений, критики наши каким-то образом все разузнали и стали прославлять Балабашкина в каждой статье.

Писал он много, а печатался еще больше, потому что каждое его стихотворение перепечатывалось по десять раз.

Короче говоря, Михаил Балабашкин был тем редким гением, которого полностью признали и оценили еще при жизни. И мне было приятно сознавать, что я тоже принял в его судьбе посильное участие: гениев все-таки надо ценить!

А недавно по служебным делам я снова побывал в будущем столетии, и мне из чистого любопытства захотелось узнать, как в дальнейшем сложилась судьба моего великого современника.

Взял я в библиотеке посвященные Балабашкину научные труды, стал их читать — и что же выяснилось? А выяснилось вот что: тот Михаил Балабашкин, которого знают и любят потомки, не имеет ничего общего с тем, которого чествуем мы. И пока мой Балабашкин упивается успехом в столице, настоящий

гениальный Михаил Балабашкин, тезка и однофамилец псевдо-Балабашкина, проживает в Конотопе, изредка печатая свои гениальные стихи под псевдонимом У. Пимезонов. А псевдоним он взял потому, что подписываться своей настоящей фамилией при живом знаменитом Балабашкине считал нескромным. Вот так!

И я вспомнил, что действительно встречал стихи У. Пимезонова, но не обращал на них внимания.

Потом я перелистал всю Всеобщую Энциклопедию будущего, но о моем Балабашкине не нашел ни единого слова. Впрочем, нет — одно косвенное упоминание было: в статье о московских улицах назывался Балабашкинский тупик.

Конечно, в Помбугене я о моем открытии ничего не рассказал: за такую накладку по головке не поглядят...

Меня мучает совесть, но я утешаю себя тем, что, как показало будущее, настоящий Балабашкин свое возьмет. А этот Лжебалабашкин, временно исполняющий обязанности великого поэта, пусть погуляет в гениях — в конце концов от этого ничего не изменится.

ДВЕНАДЦАТЬ ПРАЗДНИКОВ

1

Только чувство долга и железная выдержка, свойственная всем настоящим времяпроходцам, заставили меня согласиться на ту странную работу, которой мне пришлось заниматься и о которой я вам расскажу, если вы пообещаете, что это останется между нами.

Однажды Всеми́рный Ученый Совет откомандировал меня на времяходе МВ20-64 в прошлое одного небольшого

государства. Я не имею права говорить, где это государство находится и как называется. Поэтому назовем его условно Игриконией. Направили меня туда по личной просьбе первого министра Игриконии для оказания секретной помощи.

Но, едва приехав в эту бедную страну, я увидел, что никто не может по-настоящему помочь ей, потому что правил там король, имени которого я тоже не имею права оглашать. Будем называть его Альфонсом.

А для того чтобы вы поняли, что такое Альфонс, я без всякого преувеличения скажу так: если бы этого монарха поставили во главе любой великой державы, он бы за три года превратил ее в слаборазвитую страну.

И главная беда Игриконии заключалась не в том, что он тратил больше денег, чем имел, позволял себе то, чего нельзя позволять, и запрещал другим то, чего не следует запрещать... Если бы у Альфонса были только эти недостатки, он бы почти ничем не отличался от своих предшественников.

Нет, наиболее губительным для страны было то обстоятельство, что у короля время от времени появлялись гениальные мысли, как в самый короткий срок возвеличить королевство.

Альфонс упорно хотел благодетельствовать Игриконию и для блага страны не жалел ни себя, ни тем более своих подданных.

Причем, если, например, в понедельник молодого монарха осеняла какая-нибудь новая идея, то во вторник эта идея принимала форму государственного закона, в среду новый закон вступал в силу, а в четверг уже летели головы первых правонарушителей.

Правда, через месяц-другой о новом законе как-то забывали. Но головы все равно продолжали лететь, потому что к этому времени появлялся закон еще более новый. А как говорили в Игриконии: был бы закон, а нарушители найдутся.

Естественно, придумывая свои нововведения, король ни с кем не советовался. У него, конечно, были советники, но их роль заключалась в том, чтобы выслушивать советы Альфонса. У него были ученые, которые назывались так, очевидно, лишь потому, что король их учил.

И. не удивительно, что созидательные идеи молодого монарха обладали такой разрушительной силой.

Вы, конечно, хотите спросить: а что же я, водитель первого класса, один из самых опытных времяпроходцев, что же я мог делать в отсталой Игриконии? И зачем я понадобился первому министру? Мы, водители времяходов, не любим хвастать. Но должен честно сказать: я зря не хотел сюда ехать. Без меня игриконцам было бы еще хуже. И первый министр вызвал меня не напрасно: он знал, что делал!

Обязанности мои заключались вот в чем. Едва король издавал очередной закон, который должен был облагодетельствовать подданных, я садился во времяход и отправлялся в самое ближайшее будущее. Там я точно выяснял, какие несчастья обрушатся на королевство благодаря новому закону, и возвращался обратно. Что несчастья будут — в этом никто, кроме Альфонса, не сомневался. Но мне важно было уточнить, каких именно неприятностей следует ждать, чтобы первый министр мог хоть отчасти к ним подготовиться.

Вот какой неожиданной работенкой занимался я в несчастном королевстве. К тому же все это делалось по секрету. Король не подозревал ни о моей деятельности, ни обо мне самом. Но я понимал, что рано или поздно Альфонс обо всем узнает и радости от этого будет мало.

Так оно в конце концов и случилось.

2

Однажды первый министр вызвал меня и сказал: — Готовьтесь к поездке. Его Величество новый закон придумал. На сей раз дело идет об оконча-

тельном и поголовном расцвете... — И министр показал мне документ, который назывался «Закон о Двенадцати Праздниках».

«Отныне,— говорилось в этом документе, — в целях скорейшего установления тотального благополучия в Игриконии вводится новая система, именуемая «Ты мне — я тебе», или система Двенадцати Праздников.

Праздники отмечаются ежемесячно.

Каждый гражданин ОБЯЗАН ежемесячно одаривать не менее двадцати сограждан и ИМЕЕТ ПРАВО получать от всех одариваемых столь же полезные в хозяйстве сувениры.

Для бесперебойного производства разнообразных подарков в королевстве возникнут фабрики и заводы, в результате чего исчезнет безработица и, следовательно, еще выше поднимется благосостояние.

По мере подъема благосостояния граждане Игриконии смогут сделать друг другу все более дорогостоящие подношения, а это опять-таки будет способствовать еще большему повышению жизненного уровня.

Поскольку спрос на подарки будет из месяца в месяц расти, в стране придется строить все новые заводы, и вскоре королевство превратится в могучую индустриальную державу американского типа.

Трудно переоценить значение нового закона.

Благодаря системе Двенадцати Праздников в Игриконии уже через два-три года наступит эпоха тотального благополучия и поголовного благосостояния.

О наступлении доложить.

Король Альфонс Первый».

Я вернул министру этот закон, и министр бережно спрятал его в несгораемый шкаф, попросив меня как можно скорее съездить в будущее.

— Ума не приложу, чем это кончится? — сказал он.

И я пообещал ему завтра же утром отправиться в командировку и детально разузнать о предстоящих неприятностях.

Однако неприятности начались в ту же ночь. И случились такие невероятные события, которых даже я не мог предвидеть.

3

Я был уверен, что никто, кроме первого министра, не знает, кто я и чем занимаюсь. Но все оказалось гораздо запутанней. И для того чтобы вы могли понять дальнейшие события, мне придется сделать короткое отступление.

Дело в том, что Игрикония уже больше ста лет враждовала с соседней страной Иксонией. (Название, разумеется, условное.) Несколько раз они даже воевали, но безрезультатно, потому что силы их были равны, или, точнее говоря, оба государства были одинаково бессильны.

Но с появлением Альфонса все изменилось. После первых же нововведений молодого монарха в Иксонии поняли: если Альфонсу не мешать, он сам своими законами доведет Игриконию до того, что ее можно будет взять голыми руками.

И Премьер-министр Иксонии молил бога, чтобы Альфонс продержался на троне как можно дольше.

Но он понимал, что одними молитвами тут не поможешь: Альфонса в любой момент могут убрать и спешащие к власти наследники, и впавшие в отчаяние министры, и потерявшие терпение подданные.

Во избежание этого Премьер Иксонии создал сверхсекретный Комитет по охране врага № 1. Комитет заслал в Игриконию тысячу самых опытных агентов, которые втайне от Альфонса должны были охранять его от его внутренних врагов: бунтовщиков, заговорщиков, родственников, приближенных, лейб-медиков и личной охраны. Ни один человек в Игриконии не знал о существовании этих агентов. И они, рискуя собственной жизнью, днем и ночью берегли своего заклятого врага № 1 от покушений, сердечных приступов и инфекционных заболеваний.

И даже такие тайны, о которых не знала ни тайная полиция Игриконии, ни служба безопасности, становились известны агентам Комитета по охране врага.

А когда Премьер Иксонии заинтересовался, почему новые законы Альфонса не наносят Игриконии такого вреда как положено, агенты Комитета произвели расследование и пронюхали о моих поездках в будущее.

Затем по приказу Премьера Иксонии они написали королю Альфонсу анонимное письмо о действиях его первого министра, рассчитывая одним ударом избавиться и от меня и от приближенных Альфонса.

Но хоть эти коварные планы отчасти осуществились, та же самая анонимка спасла многострадальную Игриконию.

4

А случилось вот что.

Ночью, после того как я узнал о системе Двенадцати Праздников, ко мне пришли два человека и объявили, что меня срочно желает видеть король.

Конечно, другой бы на моем месте растерялся. Но нам, водителям времяходов, доводилось бывать и не в таких переделках. Так что для людей со слабыми нервами наша профессия не подходит.

— Прошу прощения за то, что мои офицеры разбудили вас, — вежливо сказал Альфонс, как только меня ввели.

— Ничего, ничего, Ваше Величество, — ответил я не менее вежливо. — Я еще успею поспать.

— Не уверен! — игриво произнес король и внимательно посмотрел на меня. Но я был совершенно спокоен. — Не кажется ли вам, мистер Ложкин, что министры, которые посылали вас в будущее, не совсем верили в правильность и разумность моих идей?

— Об этом, Ваше Величество, вам лучше спросить у самих министров.

— Увы, это уже невозможно! — печально вздохнул Альфонс. — Видите ли, если бы я лично не верил, что мои идеи принесут счастье Игриконии, я бы просто не смог больше жить. А мои министры в будущее не верили и поэтому тоже не смогли жить больше.

— Как? — переспросил я.

— Так! — ответил король. — Ведь вы чужестранец и вам не понять нашего патриотизма! Надеюсь, я вас не обидел?

Король был очень хорошо воспитан. Не зря он учился в самом аристократическом колледже.

— А у меня к вам небольшая просьба, — продолжал Альфонс. — Полагаю, она не покажется вам чересчур обременительной.

— Слушаю вас.

— Я столько думаю о будущем моей Игриконии и так хочу увидеть ее процветающей и богатой, то

есть именно такой, какой она станет в ближайшем будущем. Но ведь все мы смертны. И мне было бы очень обидно, если бы я умер, не увидев плодов своих трудов. Видите, даже в рифму получилось: плодов — трудов. Так вот, я думаю, мы сможем в вашем времяходе проехать, скажем, лет пятьдесят, не правда ли?

— Нет, Ваше Величество. Инструкция Всемирного Ученого Совета категорически запрещает водителям времяходов перевозку посторонних лиц.

— Инструкция, инструкция! Мистер Ложкин, не будем формалистами.

— Но, Ваше Величество, у меня заберут водительские права.

— Не заберут. Ведь об этой поездке будем знать только мы с вами. Это будет нашей маленькой тайной.

— Нет, не могу!

— Простите, мистер Ложкин, но я вынужден повторить, что все мы, к сожалению, смертны. И, по-моему, дороже голова, чем водительские права. Ха-ха! Что это я сегодня все в рифму да в рифму!

«Ах так! — подумал я. — Он решил меня запугать! Ну ладно, черт с ним! Пусть этот самодур заглянет в будущее, пусть послушает, какими словами вспоминают его благодарные потомки! Может быть, хоть это пойдет ему на пользу».

— Хорошо, — говорю, — Ваше Величество. Вы меня убедили. Только прошу вас, чтобы о нашем путешествии никто не знал.

— Слово короля! — торжественно сказал Альфонс, и мы по секрету от всех покинули дворец и отправились в будущее.

Я не знал тогда о Комитете по охране врага и до сих пор не могу понять, как мы ускользнули от его

вездесущих агентов. Счастливая случайность — если эту случайность король и теперь считает счастливой.

Должен сказать, что сам я, живя в Игриконии, дальше чем на пять лет вперед не заглядывал. Просто не было надобности. А тут мы сразу проехали полвека. У Альфонса с непривычки закружилась голова. А я вышел из времяхода, оглянулся и — ахнул.

Я никогда не думал, что Игрикония — нищая, разоренная Игрикония — сможет так измениться!

Мимо проходили веселые, улыбающиеся люди. И даже по тому, как они разговаривали друг с другом, не озираясь и не пряча глаз, было видно, что им некого бояться.

Далеко вдаль уходила широкая зеленая улица, по обе стороны ее возвышались такие светлые и легкие здания, в которых могли жить только счастливые люди.

— Вот видите! — гордо сказал Альфонс. — Видите, каким богатым и цветущим стало мое королевство. Значит, я заставил все-таки моих подданных стать счастливыми. А все благодаря закону о Двенадцати Праздниках. Уверяю вас. Я чувствовал, что эта новая система самая гениальная из всех придуманных мною систем, и не ошибся! Представляю себе, как меня уважают потомки и как чтят мою память, если я уже, не дай бог, умер. А кстати, мистер Ложкин, как уточнить, жив я у них тут еще или нет?

— Об этом можно узнать у любого прохожего.

— Что вы! Если я жив, то за такие разговоры можно угодить в тюрьму. Шутка ли, спрашивать про живого короля, жив ли он еще!

Тогда я предложил сформулировать вопрос по-другому и остановил проходившего мимо старика.

— Не скажете ли вы, где найти короля Альфонса?

— Конечно, не скажу! — ответил старик и, как-то удивленно посмотрев на меня, торопливо удалился.

— Что это значит? — не понял король. — Может быть, я засекретил место моего пребывания?

— Вам видней, — сказал я и задержал пробежавшего школьника: — Где живет король Альфонс?

— Я не знаю такого короля.

— Как это ты не знаешь короля Альфонса? — строго спросил король.

— Очень просто. Мы его еще не проходили, — объяснил школьник и побежал дальше, размахивая портфелем.

— Какой невоспитанный мальчик! — сказал недовольно Альфонс. — Жаль, что я не догадался казнить его папу или, еще лучше, дедушку!

А следующим прохожим оказался студент.

— Конечно, я знаю, кто такой король Альфонс, — сказал он, и мой спутник гордо приосанился. — Альфонс был последним нашим правителем.

— Что значит последним? — нахмурился король.

— Он довел страну до того, что граждане Игрикони решили в дальнейшем обходиться вообще без королей!

— И что же?

— И обошлись.

— А с Альфонсом что сделали? — спросил не без интереса Альфонс.

— А с ним ничего не пришлось делать, потому что этот король в один прекрасный день сам исчез.

— Как исчез? Куда исчез?

— А вот этого никто не знает. Известно только, что накануне он казнил своих министров, а потом и сам пропал. Поиски его ни к чему не привели. А впро-

чем, его не очень-то искали и не очень плакали о его исчезновении. Уж очень здорово он всем осточертел.

— Ах так! — сказал Альфонс, едва только мы расстались со студентом. — Ах так! Я, значит, им осточертел? Ну теперь мне все известно, и я сумею принять соответствующие превентивные меры. Одна-ко хороша моя личная охрана! Я у них исчезаю, а они даже не знают куда. Ничего, они у меня все исчезнут! Но все-таки интересно, куда я мог пропасть? А?

Но только один человек во всем мире знал ответ на этот вопрос. И этим человеком был я.

Я догадался, что мне нужно сделать, еще тогда, когда студент рассказывал о непонятном исчезновении последнего монарха. А когда Альфонс заговорил о превентивных мерах, я перестал колебаться.

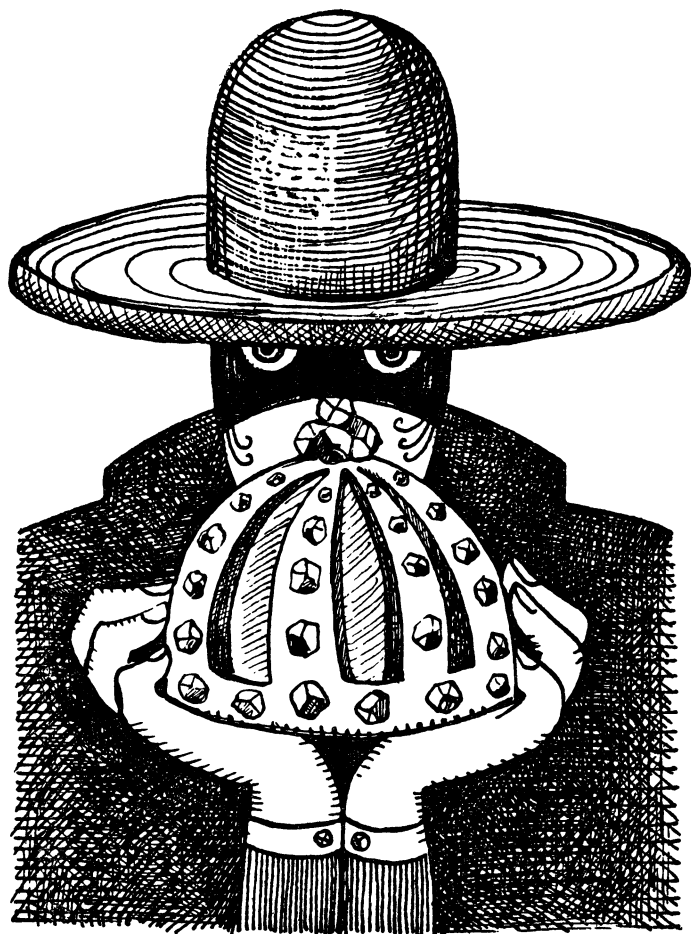
Мгновение — и я вскочил во времяход, захлопнул перед носом Альфонса дверцу и резко включил заднюю скорость.

А через два дня вся Игрикония заговорила о таинственной пропаже. Но так как никто не знал о нашем путешествии, Альфонса искали везде, только не в будущем.

А король в это время бегал по улицам столицы и кричал, что он Альфонс!

Мне известно из самых достоверных источников, что в конце концов он попал в такую больницу, где, кроме него, было еще несколько Альфонсов, Наполеонов и Навуходоносоров.

Сначала меня мучала совесть. Но потом я вспомнил, что ведь меня направили в Игриконию для того, чтобы я помог этой стране. И я оказал королевству самую большую помощь, какую только мог, вовремя избавив ее от последнего короля!

КОРОНА ПАПРИКОТОВ, ИЛИ ПОСЛЕДНЕЕ ДЕЛО ДЖЕЙМСА БОНДА-МЛАДШЕГО

1

Вы, конечно, слышали о нашумевшем происшествии: о том ограблении, которое газеты называли ограблением века. Правда, я лично так категорически не говорил бы: «ограбление века!» Век-то — он только начинается, и какие грабежи произойдут в будущем, репортерам пока неизвестно. А я, как водитель времяхода, хотя кое-что об этом и знаю, могу сказать одно. Надеяться, что методы ограбления не будут совершенствоваться и прогресс именно в этой области вдруг почему-то остановится, — наивно. Занятие грабежом — дело такое, которое застоя не терпит, и каждый день приходится им придумывать что-нибудь новое, двигая вперед свою теорию и практику. А те гангстеры-консерваторы, которые успокоились на достигнутом и попробовали почить на лаврах, давно уже отбывают свои сроки и тяжело расплачиваются за нежелание шагать в ногу со временем и участвовать в общем прогрессе.

Но это так, к слову пришлось. А ограбление, которое произошло в столице Бусолонии — Бусолоне, действительно было грандиозным и, я бы даже сказал, наглым. Нет, в самом деле! Среди бела дня в центре города останавливают автомобиль и вытряхивают из него три миллиарда. Вся операция продол-

жается полторы минуты, и преступники исчезают в неизвестном направлении.

Вот и все. Не стоит объяснять, как им, этим гангстерам, удалось провести такое мероприятие, — об этом достаточно много писали все газеты. Но происшествие было тем более скандальным, что похищенные драгоценности принадлежали не кому-нибудь, а королевской фамилии данного королевства. И в тот день их перевозили из одного дворца, который собирались отремонтировать, в другой, только что отремонтированный. Расстояние между дворцами — три автобусные остановки, перевозка происходит в строжайшей тайне, и все-таки гангстерам удастся все разузнать и осуществить свои преступные планы. Ну просто Фантомас какой-то, честное слово!

Конечно, вся полиция в городе, в стране и на всей планете была тут же поднята на ноги. Дюжина самых лучших детективов прибыла на место происшествия со всего мира. Все эти двенадцать детективов были настолько знамениты и действовали раньше настолько безошибочно, что присутствие любого из них в Бусолоне гарантировало неминуемую поимку преступников. Оставалось только непонятным, зачем нужно ловить одних и тех же преступников двенадцать раз. Но это, как говорится, дело хозяйское. Каши маслом не испортишь.

Каждый знаменитый сыщик вел расследование самостоятельно, пользуясь собственным методом.

Например, неаполитанский инспектор Арлоли целый день расхаживал по тому переулку, где произошло ограбление, и напевал одну и ту же мелодию.

Пел он довольно громко и, вероятно, фальшиво, потому что к вечеру жители переулка готовы были дать любые показания, только бы он перестал петь или хотя бы исполнил что-нибудь новенькое.

Японский инспектор Сирихоту обошел всех городских дантистов и, вежливо улыбаясь, составил список лиц женского пола, посещавших зубных врачей за последнюю неделю.

А частный детектив Трильби прямо из аэропорта отправился на знаменитый рыцарский мост и до вечера стоял там, рассеянно глядя в мутные воды Суарры. Потом он купил сандвич, зачем-то слетал на денек в Гонконг и снова вернулся смотреть на речку.

И чем загадочней действовали прославленные детективы, тем яснее становилось: преступникам не уйти.

Преступники, видимо, тоже чувствовали это. Ну подумайте, какого черта этому Трильби торчать на мосту? Что-то в этом есть!

И действительно, непонятные на первый взгляд методы знаменитостей вскоре дали первые результаты. Стало точно известно, что в ограблении участвовали трое, а именно: Большой Бен, Коротышка Стос и Лазарь Голландец.

Все облегченно вздохнули. Ведь каждый понимал, что если эти парни хотят поскорей отсидеть свои тридцать лет и вернуться к своим занятиям, то нечего тянуть резину: пора сдаваться. Но, видать, чувство меры покинуло их, и они зачем-то продолжали играть в прятки. Газеты призывали их к благоразумию. Президент их корпорации выступил по телевидению и сказал, чтоб они кончали валять дурака, потому

что над ними уже смеются, а это подрывает авторитет всей корпорации. Но, конечно, президент не знал, какое отчаянное дело задумал Большой Бен. Да и никто, кроме тех трех, не знал об этом.

Казалось, похитителям королевских сокровищ некуда деться. Таможенники на границах, в аэропортах и космодромах с небывалой дотошностью обшаривали каждый чемодан, заглядывали в портфели и не оставляли без внимания дамские сумочки.

— Если я хоть что-нибудь понимаю в психологии преступников, — сказал репортерам всемирно известный инспектор Мегрэ, — не сегодня-завтра они себя обнаружат. Должны обнаружить!

— Коллега Мегрэ говорит верно, — согласился не менее известный сыщик Пуаро. — Ведь преступники все-таки люди, и они тоже нервничают.

И оба великих детектива оказались, как всегда, правы. Через два дня преступники и вправду дали о себе знать. Но совершенно неожиданным образом.

2

Честно говоря, я очень удивился, когда начальство приказало мне отправляться в этот самый Бусолон. Чего я там не видел — в Бусолоне? Я в это время как раз должен был везти в Древний Египет ученых, которые осваивали опыт строительства пирамид. А Древний Египет это вам не какой-нибудь Бусолон. Но мы, времяпроходцы, народ дисциплинированный, и раз приказано — едем. Тем более кого-кого, а меня зазря гонять не станут: заслуженные водители времяходов всем нужны.

Ну ладно. Прилетаю я в Бусолони. Встречают меня один генерал, один адмирал и сразу в машину. «Хау ду ю ду?» — «Отлично». — «Как летели?» — «Отлично». — «Как погода?» — «Отлично». А насчет дела они молчат, и я молчу. Да и как разговаривать, когда четыре мотоциклиста машину сопровождают и такой треск от их мотоциклов, что просто оглохнуть можно? Но ничего не поделаешь: почит!

Наконец приехали. Вводят меня в какой-то кабинет. Наверное, в кабинет министров.

— Ну наконец-то, наконец-то! — говорит главный министр и идет мне навстречу. — Очень рад видеть вас. Господа, разрешите представить: господин Николай Ложкин. Тот самый. Полагаю, вам все известно об этом замечательном человеке.

— Как же, как же! Что за вопрос! — говорят присутствующие. — Кто же не знает Ложкина!

Ну я, конечно, как смог покраснел.

— Разрешите, — говорю, — переадресовать ваши приветствия всем времяпроходцам и водителям времяходов.

Они опять пошумели, и мы расселись.

— Вы, по-видимому, слыхали, господин Ложкин, — говорит главный министр, — о том печальном происшествии, которое имело место в Бусолоне. Но на днях наглые грабители снова дали о себе знать, совершив второй отчаянный поступок. Они похитили времяход и бесследно исчезли во времени.

Я внутренне ахнул, но тут же спохватился.

— Простите, насколько мне известно, Бусолония не имеет времяходов?

— Совершенно верно. Эти гангстеры похитили ваш времяход, который демонстрировался у нас на международной выставке.

И тут уж я ахнул не внутренне, а, как говорится, в полную силу. Хотя и с соблюдением дипломатического этикета. Теперь-то я понял, почему именно меня сюда послали. Мне всегда поручали выполнять самые невыполнимые задания!

А главный министр продолжал:

— Мы, разумеется, понимаем, что Бусолония обязана возместить вашей стране все материальные убытки. Но не это тревожит нас. И не потеря трех миллиардов беспокоит нас, хоть, конечно, такие деньги тоже на дороге не валяются. Основная беда в том, что из-за этого проклятого ограбления возникло особое дело — дело государственной важности и чрезвычайной секретности.

Тут главный остановился, и я заверил его, что кто-кто, а времяпроходцы умеют держать язык за зубами.

— Так вот, — сказал он, — вместе с фамильными драгоценностями была похищена знаменитая королевская корона, принадлежавшая некогда создателю Великого Королевства Бусолонии, основателю династии Паприкотов — Филиппу Везунчику. Более пятисот лет корона переходила от одного Паприкота к другому, являлась как бы символом неиссякаемости династии и талисманом, приносящим удачу. И теперь эта историческая корона исчезла. Король Альфред опечален. Король считает это дурным предзнаменованием и тает буквально на глазах. Только возвращение короны может вернуть королю спокойствие. И лишь вы, господин Ложкин, способны по-

мочь нам в данной ситуации. Не отвечайте «нет», господин Ложкин, подумайте...

— Я не могу ответить «нет», потому что обязан найти принадлежащий моей стране времяход! — сказал я. — Но, господа, вы, очевидно, не представляете всей сложности этого дела. Если вы не смогли найти преступников в своем собственном городе, то есть на ограниченном пространстве, то как разыскать их в беспредельном времени? Ведь совершенно неизвестно, куда они сбежали: в прошлое или будущее, далеко или близко...

— Это не совсем так, — заметил министр полиции. — Какова цель преступников? Скрыться от преследования и сбыть похищенные ценности. Ни для первого, ни для второго ближайшее будущее не подходит, ибо там не могут не знать, а точнее — не помнить о таком сенсационном ограблении. Подобные события так быстро не забываются, и даже через пятнадцать-двадцать лет сбежавшие не смогут считать себя в безопасности и, конечно же, не рискнут продавать драгоценности. Следовательно, бежать туда им незачем.

— Согласен: ближайшее будущее отпадает.

— Скорей всего эти наглецы прячутся в прошлом десятилетии. Ведь там еще ничего не знают об ограблении, а связи с преступным миром того времени у сбежавших обширные, что значительно облегчит им сбыт похищенных сокровищ. Но это же и наведет нас на их следы. Так что искать этих грабителей и следовало бы в первую очередь там, в прошлом десятилетии.

— Ну что ж, это не лишено... — согласился я. — Однако, господа, я полагаю, необходимо с самого

начала наших откровенных и дружеских переговоров внести ясность. Моя задача — найти украденный времяход. И я хотел бы повернуть эту операцию поскорей, потому что трудно представить себе, что могут натворить гангстеры со всей историей цивилизации, имея в своем распоряжении такую машину. Но я не умею и не собираюсь вылавливать самих гангстеров и разыскивать какие-то короны!

— О, насчет этого можете не беспокоиться! — улыбнулся главный министр. — С вами отправится наш лучший агент, выполнивший немало особо деликатных и важных заданий. Имя его Джеймс Бонд-младший.

И в кабинет вошел стройный светловолосый парень в самом модном костюме из самого модного журнала мод. Он был на голову выше меня и приветливо улыбался на все тридцать два зуба. А глаза у него были такие голубые, бездумные и честные, что сразу было видно: этот парень способен на все.

— Агент 003, — представился он, протягивая руку.

— Времяпроходец 001, — так же серьезно ответил я. — Но раз уж нам вместе работать, вы можете называть меня просто Николаем.

(Ничего я поддел его, как вы считаете?)

— Очень приятно, Ник, я люблю когда без церемоний, — улыбнулся агент 003. — Зовите и вы меня просто Тройкой.

Министры весело засмеялись.

— Ну вот и хорошо, — сказал главный. — Я вижу, вы отлично сработаетесь.

И как только самолетом доставили мой времяход дальнего радиуса действия, мы начали работать.

В первый раз мы отъехали чуть-чуть и, остановившись в прошлом году, сняли номер в лучшем бу-солонском отеле «Астория».

Джеймс надел вечерний костюм, сунул в карман бесшумный пистолет, ловко замаскированный под портсигар, и зажигалку, имевшую вид пистолета, после чего пожелал мне спокойной ночи и удалился.

Когда он пришел утром, от него пахло настоящим арманьяком, французским шампанским, коллекционными винами и черной икрой.

— Ну что? — спросил я.

— Надо подумать, — серьезно сказал 003. Думал он часов пять, а когда проснулся, сказал: — Здесь их нет. Поехали дальше!

Через час мы остановились в позапрошлом году и отправились в захудалую, подозрительного вида гостиницу «Галеры».

Джеймс напялил на себя потрепанную матросскую форму, приклеил рыжую шкиперскую бородку и, расставив по карманам доллары и кастеты, пожелал мне спокойной ночи.

Утром от него несло дешевым виски, пивом, портером, портвейном, кальвадосом и сидром.

Преступников не было и здесь.

На следующий день мы отъехали еще на год и остановились в шикарном отеле «Амбасадор», который находился рядом с «Казино де Бу-солон».

Джеймс надел элегантный костюм для игры в покер, сунул в карман чековую книжку, восьмизарядный кольт, имевший вид самопишущей ручки, ручку, похожую на стилет, и пожелал мне спокойной ночи.

Утром от него пахло только духами «Мицуко» и пудрой «Шанель». Но на этот раз он еле стоял на ногах.

«Однако, нелегкая работенка у этих агентов по особо деликатным поручениям, — подумал я, — но дело есть дело».

И так мы кочевали из года в год, и Джеймс, словно ночной сторож, ежевечерне отправлялся на работу. Каждый вечер он переодевался, гримировался и, ловко применяя только ему известные хитрости, шел искать следы преступников.

А утром он глотал пирамидон и соду, проклиная тех, кто придумал алкогольные напитки, а также бифштексы, антрекоты, омары, кальмары, шпикачки, спагетти, миноги, шашлыки и многие другие блюда.

Профессиональные заболевания агентов по особым поручениям — гастрит и переутомление — давали себя знать. Хоть, правда, к вечеру Джеймс отходил и снова становился как огурчик.

Но к тому времени, когда мы прошли все минувшее десятилетие и уже приканчивали второе, я убедился, что так дело не пойдет.

— Послушай, Джеймс, — сказал я однажды, когда он уже успел прийти в себя и опять собирался в ночное. — Послушай, Джеймс, так у нас ничего не получится. Мы обшарим еще полвека, ты выдуешь

еще полцистерны виски — и все! Так поиски во времени не ведутся!

— А как же они ведутся, Ник?

— По системе. Например, уже ясно: гипотеза о том, что гангстеры спрятались в ближайшем прошлом, оказалась несостоятельной. Значит, нужна новая гипотеза.

— Насчет гипотез, Ник, я могу тебе посоветовать только одно: на меня не рассчитывай. (Ну этого 003 мог бы и не говорить.)

— Но, Джеймс, до того, как продолжать поиски, нужно еще раз прикинуть: куда скорей всего могли наши гангстеры податься? Ведь была у них какая-нибудь идея, когда они уводили времяход?

— Конечно, была. Смыться и продать драгоценности.

— Вот именно — продать. А теперь представь себе, что в один из прошлых веков в Бусолоне появляются странные, никому не известные люди и открывают торговлю алмазами, бриллиантами и прочими камешками. Причем продают они их по дешевке, чтобы поскорей разделаться и уехать. Должно было такое событие оставить хоть какой-нибудь след в истории. Отметил бы это хоть один житель Бусолонии в своих мемуарах!

— Ник, ты гений! — торжественно сказал 003 и крепко пожал мне руку. Пальцы у этого парня, черт его побери, были железные.

— Так вот, Джеймс, ты можешь пригласить на совещание десять самых лучших историков Бусолонии?

— Десять? — ответил Джеймс. — Хоть полсотни! И мы тут же вернулись в настоящее.

Совещание с выдающимися историками происходило оживленно и бестолково. Узнав, что именно меня интересует, историки начали припоминать все, что им было известно по данному вопросу. Но, во-первых, им ничего не было известно. А во-вторых, каждое событие из истории Бусолонии вызывало ровно столько трактовок, сколько историков участвовало в совещании. В одном только сходились все ученые. В том, что лишь при основателе династии Паприкотов — Филиппе Везунчике — Бусолония стала такой могущественной, и лично Филипп Везунчик присоединил к ней обширные земли своих менее удачливых соседей.

Я слушал эти бесполезные для наших поисков рассказы и печально думал, что просто зря теряю время. Надежды мои не оправдались: никаких следов похитители сокровищ в истории не оставили.

И вдруг у меня мелькнула странная мысль. Она была настолько странной, что я сразу же отогнал ее. Но потом все-таки решился задать один наивный и глупый вопрос.

— Я прошу прощения за свое невежество, — сказал я, — но объясните мне, пожалуйста, почему именно королю Филиппу удалось победить своих соседей?

— Он был великим полководцем! — сразу же ответил главный филипповед.

— И гением! — подхватил другой историк.

— И потом на его стороне была правда, и ему помогало провидение... — объяснил третий историк, бывший, как видно, историком-идеалистом.

— При чем здесь провидение?! — вскочил с места историк-материалист. — Просто у Филиппа была армия, состоявшая из ландскнехтов, наемных солдат...

— А почему же другие короли не завели себе ландскнехтов, если все дело в этом? — не сдавался идеалист.

— А потому, что у других королей не было денег — вот почему! — пояснил материалист.

— Не в деньгах счастье! — выкрикнул идеалист, но тут же понял, что переборщил, и, покраснев, замолчал.

— Значит, Филипп побеждал не столько умением, сколько, так сказать, бил своих врагов рублем? Так, что ли? — уточнил я.

— Вы, молодой человек, пользуетесь ненаучной терминологией, — строго заметил мне самый старый ученый. — Но суть вопроса ухвачена вами верно.

— Спасибо, — сказал я. — И еще раз извините, но я не ученый, а простой водитель времяхода. Так что, если можно, я задам еще один наивный вопрос. Вот эта самая корона, которая переходила от Паприкота к Паприкоту, откуда она взялась у самого первого Паприкота, то есть у того же Филиппа Везунчика?

Главный филипповед задумался.

— А мне, — говорит, — этот вопрос никогда прежде в голову не приходил. Ну взялась и взялась. Откуда у всех королей короны берутся? Заказывают, наверное. Или покупают... Право, не знаю...

— Но, во всяком случае, Филипп не получил ее от своего предшественника?

— Конечно, нет. У последнего представителя династии Сандунов, предшествовавшей династии Паприкотов, у короля Забора Одиннадцатого, была совсем другая, треугольная корона, которая и сейчас хранится в кабинете его величества короля Альфреда. Корона Сандунов гораздо беднее и, да простят меня Сандуны, безвкусней короны Паприкотов. А корона Паприкотов, молодой человек, это же целое состояние!

— Ай-я-яй! — сказал я. — Вот так Филипп! И ландскнехтам он платил, и земли скупал, и корону отгрохал. Ну, откуда у людей такие деньги берутся? Хотя бы у того же Филиппа...

— Во-первых, король Филипп был чрезвычайно бережливым человеком, — пояснил идеалист, — а во-вторых, существует предание о том, что он нашел клад, за что, кстати, и получил прозвище Везунчика. Я лично этому преданию верю.

— Ха-ха! — закричал материалист. — Я лично больше верю преданию о том, что Филипп имел дело с нечистой силой! — Этот материалист был, видать, непоследовательным материалистом.

Но тут между историками началась такая ученая свалка, что совещание пришлось окончить. А нас с Джеймсом сразу же вызвали к главному министру.

— Ах, господа, господа, неужели у вас нет никаких утешительных известий? — спросил главный, нервно расхаживая по кабинету. — Его Величество вне себя от горя. Король говорит, что, если не найдут корону, он отречется от престола и подастся в йоги. Неужели вы не спасете его?

— Мы делаем все, что в наших силах, — сказал 003, — но нам трудно: бежавшие не оставили никаких следов во времени, и даже лучшие историки не могли помочь нам.

— Агент 003, как всегда, скромничает, господин главный министр, — возразил я. — Джеймсу Бонду-младшему удалось уже кое-что узнать. Вы можете обнадежить Его Величество! — И мы покинули кабинет.

— Послушай, Ник, я понимаю, как много ты сделал сейчас для меня: мои акции поднялись на тысячу пунктов. — И он крепко пожал мне руку. — Чем я могу отблагодарить тебя?

— А вот чем: когда тебе еще раз захочется пожать мне руку, делай это поосторожней!

(По-моему, я неплохо намекнул ему, а? Иногда у меня это здорово получается!)

— А теперь, Ник, объясни, мне, ради бога, что нам с тобой удалось узнать?

— Разве ты не понял, что нам теперь точно известно, где искать гангстеров? Разве ты не понял, откуда у Везунчика вдруг появились деньги, чтоб платить ландскнехтам, и бесценная корона?

— Откуда же?

— От тех, кто ограбил короля Альфреда, — от них-то, как ни странно, он и получил свою собственную корону и драгоценности! Об этом невольно рассказали мне филипповеды, когда я так дотошно расспрашивал их о загадочных нетрудовых доходах Везунчика.

Джеймс оторопело уставился на меня. Потом в его голубых честных глазах появились проблески мысли. Он захохотал и хлопнул меня по плечу с та-

кой силой, что дактилоскопический отпечаток его пятерни сохранился на моем плече до сих пор.

— Я всегда говорил, Ник, что ты гений! — заорал он. — А теперь подбрось-ка меня во времена этого самого Филиппа, а остальное я беру на себя!

5

Ко двору короля Филиппа Паприкота мы прибыли в качестве послов Великого султана Амбулатория. Конечно, ни король, ни его приближенные понятия не имели ни о каком Амбулатории. Но дары, привезенные от его имени, были такими щедрыми, что существование Великого султана Амбулатория стало само собой разумеющимся. Ну подумайте сами: разве может присылать подарки султан, которого нет! Это же абсурд?

Прием послов был обставлен со всей подобающей торжественностью. Король Филипп (тогда еще не называвшийся Везунчиком) восседал на троне.

Мы низко поклонились, и Джеймс передал Великому королю Филиппу пламенный привет и пожелания успехов, здоровья и счастья в личной жизни от Великого султана Амбулатория. Затем я преподнес королю такие сувениры, как зажигалка, карманный фонарь, двенадцатицветная шариковая ручка и безразмерные носки.

После этого король милостиво пригласил нас погостить в Бусолоне, сколько мы пожелаем. А именно этого мы и добивались своим визитом. Теперь мы могли бродить сколько угодно по Бусолону и окрестностям, не вызывая подозрений.

— Ты знаешь, Ник, — удивился 003, когда окончилась аудиенция. — Я бы не сказал, что Филипп выглядит таким уж богатым. И корона на нем старая, сандуновская.

— Так это же хорошо. Значит, мы прибыли сюда на несколько дней раньше Большого Бена с компанией. И мы успеем захватить драгоценности, прежде чем они попадут к Филиппу. Мы их заберем у Большого Бена, как только он здесь появится.

Но агент 003 не был времяпроходцем, и ему не так-то просто было втолковать простейшие вещи, понятные любому начинающему водителю времяхода.

Однако я как мог все-таки объяснил ему, что времяход способен передвигаться только во времени, но не в пространстве. На этой машине можно оказаться в другой исторической эпохе, но не в другой географической точке. И значит, времяход теперь появится на том же самом месте, где он стоял на выставке. Но при короле Филиппе Бусолон был небольшим городком. И то место, где через пятьсот лет построили международную выставку, находилось вне Бусолона и было покрыто лесами и болотами.

Именно здесь мы с Джеймсом подкарауливали долгожданную тройку. Мы ждали целую неделю. И в тот день, когда 003 намекнул, что он, кажется, преувеличивал мою гениальность, и полюбопытствовал, нет ли у меня в запасе еще каких-нибудь идей или гипотез, — в тот самый день ровно в 17.00 раздался треск падающих деревьев (одно из них, между прочим, чуть не придавило Джеймса) и неподалеку от нас возник времяход.

Он возник прямо из ничего, из воздуха, с треском и грохотом расчищая себе место в пространстве. Он возник и застыл.

— Ты гений! — шепнул Джеймс, и мы притаились за кустами.

Было тихо-тихо... Потом дверцы открылись, и из машины осторожно вышли двое: Большой Бен и Коротышка Стос. Значит, третий, Лазарь Голландец, на всякий случай остался в машине, и мне это очень не понравилось. Чуть что — и он навсегда мог исчезнуть вместе с времяходом.

Но вот показался и третий. Я с облегчением вздохнул.

— Все в порядке, — сказал Коротышка Стос. — Мы в каком-то лесу. — И они, оглядываясь, медленно пошли по направлению к нам.

Джеймс отполз в сторону и по-пластунски неслышно стал удаляться. Я заметил его опять только тогда, когда он оказался между гангстерами и времяходом, стрезав им таким образом путь к машине.

И тогда я понял, за что ценили Джеймса Бонда-младшего и в чем он действительно был специалистом.

Я сам знаю приемы самбо, джиу-джитсу и дзю-до. Но я никогда не видел, чтобы кто-нибудь действовал так ловко, как 003. Неожиданно налетев сзади, он с силой выбросил правую руку и левую ногу, уложив Коротышку Стоса и Лазаря Голландца. Одновременно с этим он врезался головой в живот Большого Бена, и тот согнулся пополам. Затем Джеймс, сделав пируэт, левой рукой сшиб Коротышку, правой ногой — Голландца и, резко выпятив зад, так толкнул им Большого Бена, что тот всем телом влипился во

временяход, и нам потом пришлось отвечать перед начальством за вмятины на машине. Но дело не в этом. Применяв в течение полутора минут шестьдесят различных приемов, Джеймс сгрел все, что осталось от гангстеров, в кучу и, расслабив мускулы, закурил.

— Ловко! — сказал я.

— Да нет, я что-то сегодня не в ударе... — скромно проговорил 003 и заглянул во времяход. Драгоценности были на месте. Корона тоже. — Ну вот, ты отыскал свою машину, я королевские сокровища. Мы неплохо поработали! Можно и возвращаться.

И тогда мне пришлось повести тот трудный и неприятный разговор, к которому я уже давно готовился. Тот разговор, который из-за определенных интеллектуальных особенностей агента 003 мог иметь для нашей цивилизации самые неприятные и далеко идущие последствия.

— Можно и возвращаться, — согласился я и как бы между прочим добавил: — Джеймс, а ты помнишь, что сказал один из филипповедов, когда я спросил, где Везунчик добыл столько денег, чтобы платить ландскнехтам?..

— Да нет, я ведь не очень прислушивался к вашему трепу.

— Он сказал, что Везунчик якобы нашел клад...

— Это я помню. Ну и что?

— А ведь это, оказывается, правда! Я даже знаю, кто этот клад спрятал!

— Кто?

— Мы с тобой!

— Кто, кто?

— Ты да я, да мы с тобой!

— Я что-то не понимаю, к чему ты клонишь? Ты можешь объясняться как-нибудь попроще?

— Ладно. Ты сам видел, как гангстеры привезли сюда драгоценности, собираясь продать их Филиппу. Так?

— Дальше.

— Ну, Везунчик не дурак. Он бы с Большим Беном и его приятелем как-нибудь разделался, а драгоценности попросту присвоил. Отсюда бы и пошло богатство Везунчика. Он бы одни земли отнял, другие — завоевал. И Бусолония стала бы могучим государством, что и случилось на самом деле. Так?

— Продолжай.

— А что произойдет теперь? Мы увезем эти сокровища, и, значит, они не достанутся Филиппу. Он не сможет нанять ландскнехтов, не сможет скупать земли... Короче, Бусолония не станет Великим Королевством, и вся история цивилизации пойдет по-другому, и наш мир будет другим. Ты это понимаешь?

— Допустим.

— И мы с тобой окажемся виновниками того, что человечество станет не таким, как сейчас. Мы не имеем права делать этого, Джеймс!

— Так что же ты предлагаешь?

— Оставить сокровища Филиппу, и пусть все будет как было.

— Ты все сказал? Теперь послушай меня. Я, агент 003, получил приказ вернуть похищенные королевские драгоценности. И я этот приказ выполняю, что бы там с вашей цивилизацией ни происходило!

— А я времяпроходец. И я не позволю тебе нарушить естественный ход истории. С человечеством экспериментов не делают!

— Ник, ты видел, как я справился с этими тремя?

— Ну и чего ты добьешься? Ты же не умеешь водить времяход и не сумеешь вернуться без меня в настоящее... Как же, в таком случае, ты выполнишь задание, агент 003? Нет, Джеймс, я все продумал: королевские сокровища все равно останутся здесь и попадут к Везунчику.

Джеймс вскочил.

— Ты сам слышал, что король в отчаянии. Он может даже уйти в йоги, если я не привезу его короны!

— Это его личное дело.

Джеймс видел, что со мной ничего не поделаешь. Ему было наплевать на историю цивилизации. Но на страже ее интересов стоял я, и агент 003 понимал, что он бессилен.

И вдруг у него появилась идея.

— Ну хорошо. Твоей истории необходимо, чтобы у Филиппа появились деньги. А мой Альфред больше всего убивается из-за короны Паприкотов. Корона на ход истории влияет? Не влияет. Значит, мы оставляем Везунчику драгоценности, а королю Альфреду возвращаем корону. Идет?

Я прикинул: а что? Действительно, Везунчик вполне сможет свершить все свои исторические действия без этой короны. Значит, ход истории не будет нарушен. А это самое главное.

Правда, Джеймс не учитывал еще одного очень важного обстоятельства. Но оно касалось су-

губо внутренних дел Бусолонии, а мы, время-проходцы, во внутренние дела, как известно, не вмешиваемся.

На этом компромиссном решении мы и остановились. Драгоценности мы зарыли в землю, и от имени султана Амбулатория под строжайшим секретом сообщили Везунчику, где он может обнаружить несметные сокровища.

Да, не таким уж идеалистом был тот историк, который верил, что Филипп Паприкот нашел клад. Оказывается, бывает и такое.

6

Когда мы вернулись, король Альфред пожелал нас видеть.

Джеймс Бонд-младший выбрал из своего гардероба специальный костюм для посещений Его Величества, уложил корону в специальный футляр для корон, и мы отправились во дворец.

Агент 003 подробно доложил, как нам удалось задержать преступников. А мне лично пришлось дать объяснение, почему мы вынуждены были оставить драгоценности Филиппу.

К счастью, король Альфред оказался толковым парнем и довольно быстро сообразил, что я поступил правильно.

— Ничего не поделаешь, с историей приходится считаться! — проговорил он, разводя руками.

И я подумал: живут же другие без фамильных драгоценностей. Проживет и Альфред. Перебьется как-нибудь.

А Джеймс сказал:

— Ваше Величество, может быть, вас хоть в какой-то степени утешит тот факт, что без ущерба для истории мне все же удалось вернуть вам самое драгоценное ваше сокровище. — И, сделав эффектную паузу, 003 добавил: — Я говорю о короне Паприкотов.

Он вынул корону из футляра, и присутствующие зажмурились от сверкания и блеска великолепной короны.

Король с удивлением посмотрел на корону, а затем на Джеймса. Министры тоже.

— Что это такое? — спросил король.

— Корона Паприкотов, — ответил Джеймс, почуввав что-то неладное.

— Вы что-то путаете... Все Паприкоты, насколько мне известно, пользовались только одной короной — вот этой, — и король указал на стоявшую под стеклянным колпаком треугольную сандуновскую корону. — Она перешла к Паприкотам от их предшественников Сандунов. Никаких других корон у Паприкотов не было.

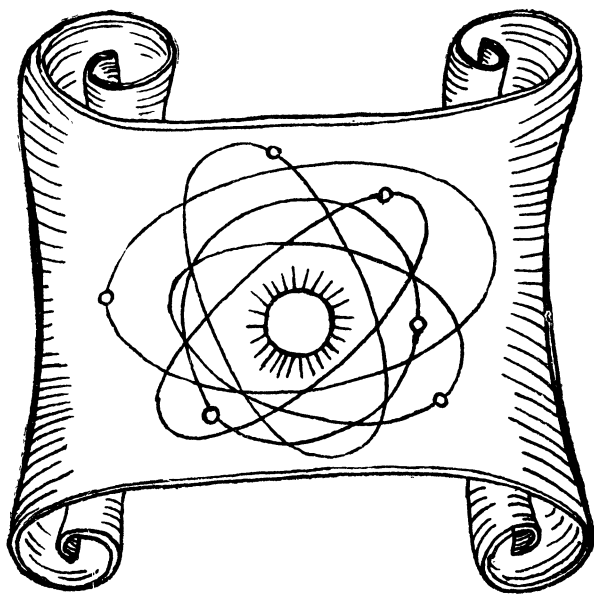
Агент 003 растерялся. А между прочим, еще пятьсот лет назад там, в лесу под Бусолоном, Джеймсу полагалось бы сообразить простую вещь: если он из-за служебного рвения увозит корону, которая исторически должна была достаться основателю династии Паприкотов, то он по личной инициативе лишает этой короны всю последующую династию. Вот ведь как!

И можно понять недоумение короля Альфреда, которому притащили никогда не виденную им чью-то чужую корону.

— Здесь какое-то недоразумение, — повторил король. — Очевидно, эти гангстеры ограбили, кроме нас, еще какого-нибудь монарха. Вот откуда у них эта корона. И благодаря вам, агент 003, эта краденая вещь оказалась в нашем дворце! Какой международный скандал!

Так кончилась карьера Джеймса Бонда-младшего. И ничего не поделаешь! Как правильно заметил король Альфред Паприкот: с историей приходится считаться!

**КАК ПОГАСЛО СОЛНЦЕ,
или
ИСТОРИЯ ТЫСЯЧЕЛЕТНЕЙ ДИКТАТОРИИ ОГОГОНДИ,
КОТОРАЯ СУЩЕСТВОВАЛА 13 лет 5 месяцев 7 дней**

Вселенная так велика, что нет такого, чего бы не было.

ПРОЛОГ

Исторические события, правдиво и объективно излагаемые в этой хронике, имели место на далекой-далекой планете Аномалии, медленно вращающейся вокруг звезды Оо.

Впрочем, если для нас, землян, Оо только звезда 10-й величины, каких много, то для жителей Аномалии Оо — Солнце, дающее свет и жизнь всему живому.

Кроме Аномалии, в системе Оо было еще шесть планет. Аномалийцы летать на планеты не умели, но были уверены, что через каких-нибудь двести-триста лет научатся. А поэтому дальновидные политики во избежание будущих недоразумений и скандалов договорились о следующем:

а) Шесть Великих Диктаторий, а именно: Великания, Гигантония, Грандиозия, Колоссалия, Потрясалия и Огромандия — заранее распределят между собой шесть планет.

б) Каждая Великая Диктатория даст торжественное заверение в том, что она никогда и ни при каких обстоятельствах не станет притязать на принадлежащие другим Великим Диктаториям планеты.

Конечно, договориться об этом было не так-то просто. Споры возникали по каждому вопросу. А нужно отметить, что в то время, как у нас на Земле истина рождается в спорах, на Аномалии любая

истина, наоборот, рождала споры. И если в результате подобных споров и появлялась на свет какая-нибудь истина, то она имела такой чахлый вид, что сразу становилось ясно: эта истина долго не протянет.

Проблемы появлялись одна за другой. Так, скажем, Попечитель Колоссалии спросил, как они поступят в том случае, если в будущем еще какое-нибудь государство станет Великой Диктаторией и тоже захочет иметь в солнечной системе свою планету.

— Ну что ж, — ответил Попечитель Потрясалии, — можно будет, если возникнет такая необходимость, поручить астрономам открыть еще пару планет.

— Но ведь планеты по приказу не открываются!

— Вы думаете? Н-да, подраспустили вы своих ученых... Ну хорошо, мои астрономы откроют...

— И вы согласитесь взять именно такую планету для своей Потрясалии? — поинтересовался ехидный Попечитель Колоссалии.

— Ну знаете, если бы все, что открывают мои ученые, я оставлял только для Потрясалии, мир не знал бы многих величайших открытий. Ученые моей страны работают на благо всей Аномалии! Их единственной целью и заботой является...

Попечители знали, что в таком духе каждый из них способен говорить круглосуточно, и, ступив на эту опасную тропу, совещание легко могло зайти в тупик. Поэтому решили вопрос о будущем с повестки снять и перейти к распределению планет.

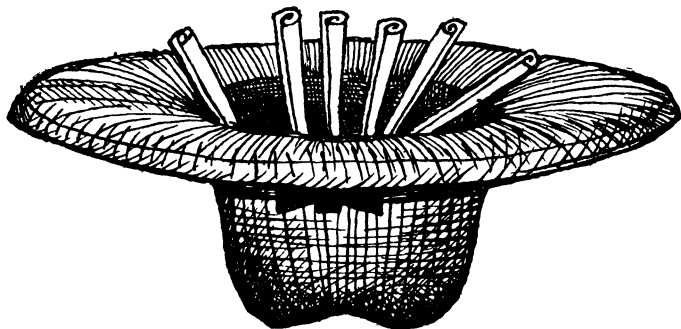
А поскольку ученые всех стран дружно утверждали, что все планеты примерно равноценны, то мудрейший из мудрых государственных мужей внес пред-

ложение положить в шляпу шесть записок с названиями планет и тянуть жребий. Проект был принят единогласно при одном воздержавшемся, и Главы Правительств собственноручно тащили из шляпы Попечителя Колоссалии свернутые в трубочку записки.

Так состоялся этот незабываемый акт, и историческая шляпа до сих пор хранится в Центральном Аномалийском музее, где желающие могут ознакомиться с ней в любое время, кроме понедельников и санитарных дней.

Бесспорно, Попечителям удалось прийти к соглашению только потому, что число Великих Диктаторий соответствовало числу планет. И все думали, что такое совпадение является счастливой случайностью. Но время показало, что случайность эта, увы, не была счастливой, потому что именно из-за нее в дальнейшем произошли столь трагические события.

Само собой разумеется, на Аномалии, помимо Великих Диктаторий, существовали и другие малые и

большие государства. К их числу принадлежала и некогда могущественная страна Огогондия.

Огогондия была огромным, широко раскинувшимся государством и Великой Диктаторией не считалась только по двум причинам: 1) Политический разброд в Огогондии был прямо пропорционален ее географическим размерам, в то время как 2) Международный престиж Огогондии был этим размерам обратно пропорционален.

Великие Державы особого интереса к этой стране не проявляли, потому что стараниями своих собственных правителей Огогондия была доведена до такого состояния, что ее прежде, чем ограбить, надо было хотя бы одеть.

И никто не обратил внимания, как с помощью военной хунты в результате очередного мятежа в Огого — столице Огогондии — к власти пришел генерал Нибумбум.

Впервые о Нибумбуме заговорили тогда, когда дотошные журналисты выяснили, что он президентствует уже целых шесть месяцев, в то время как его предшественникам удавалось продержаться в президентском дворце от трех с половиной часов до пяти недель максимум.

Один Президент, правда, руководил страной на два дня дольше. Но это случилось не по вине военной хунты, а только потому, что в результате неожиданных ливней в Огогондии промок весь порох и хунта вынуждена была ждать, пока он просохнет, ибо, согласитесь, что начинать мятеж без стрельбы просто смешно!

Но Президенту эта отсрочка на пользу не пошла. Он очень томился и нервничал в ожидании неприят-

ностей. И в конце концов он уговорил хунту свергнуть его немедленно, а пострелять из всех видов оружия потом, когда порох просохнет.

А вот Нибумбум жил в Президентском дворце полгода и, по-видимому, даже не собирался нервничать.

Совершенно спокойно он подавил в Огого семь мятежей и раскрыл шесть заговоров. (Три из них были не совсем настоящими, но зато в подлинности остальных сомневаться не приходилось, потому что Президент организовал их сам.)

Тридцать полковников он разжаловал в солдаты, а сто тридцать — произвел в генералы. Роты он переименовал в полки, а батальоны в дивизии, велел считать свою армию самой непобедимой и объявил себя родоначальником бессмертной династии Нибумбумов.

Обо всем этом журналисты поговорили и забыли.

А еще через год о Нибумбуме вспомнили снова. Вернее, он сам напомнил о себе.

Прибыв на очередное международное совещание Великих и Малых (ВиМ), Президент Огогондии выступил со следующим неожиданным заявлением:

— Я солдат и люблю говорить прямо по-солдатски. Ввиду того что за последнее время Огогондия достигла невиданного расцвета в экономическом, политическом и военном отношениях и в результате невероятного подъема духовных сил вышла в ряды передовых государств, я прошу выделить Огогондии какую-нибудь планету.

Это заявление вызвало веселое оживление в зале.

— Господин Президент, — сказал, сдерживая улыбку, Председатель, — согласно историческому со-

глашению все имеющиеся в наличности планеты были распределены между Великими Диктаториями. А насколько мне известно, Огогондия Великой Диктаторией не является.

— Да, господин Председатель, — ответил Нибумбум, — но если дело только в этом, я согласен на то, чтобы Огогондию тоже считали Великой Диктаторией. Я не возражаю.

— Великими Диктаториями по собственному желанию не становятся. Великие Диктатории образуются исторически.

— Хорошо, с этим я не тороплюсь, пусть исторически. Но планету вы нам должны выделить сейчас!

— Что значит — должны?! Свободных планет в нашей солнечной системе нет. Сколько было — все распределили! Вот если ученые откроют новые планеты, тогда пожалуйста! А пока мы вас можем поставить на очередь.

— Черта с два! — сказал генерал. — У всех планеты, а у нас очередь? Да? Не выйдет! Я солдат и буду говорить прямо: пусть лучше мы погибнем в неравном бою, чем будем и дальше жить без своей планеты!

Тут все стали успокаивать генерала: «Ну для чего вам планета?», «Что толку от нее, кроме названия?», «Все равно раньше чем через двести лет туда не полетите!», «Одни только расходы!»

Но Нибумбум стоял на своем.

— Мы не ищем материальных выгод. Нам нужна планета.

— Но ведь у нас нет планет. Понимаете — нет!

Генерал задумался и потом решительно сказал:

— В таком случае закрепите за нами Солнце.

— А зачем вам Солнце? Оно же не планета. Оно же звезда.

— А я не формалист. Я солдат.

Бесспорно, любая Великая Диктатория легко могла в тот день поставить на место зарвавшегося генерала.

Но одна Диктатория готовилась к войне, и Попечитель ее избегал каких-либо неожиданностей.

Другая Диктатория была уже занята микровойной и не знала, как из нее выпутаться.

Третья вынашивала коварные планы, в связи с чем старалась в данный момент показать всем государствам, что она их верный друг и защитник.

В общем обстоятельства сложились так, что Попечители посоветовались между собой и рассудили, что на Солнце все равно никто никогда высадиться не сможет, а следовательно, какая разница, чьим владением оно будет? В конце концов еще смешней, что какая-то Огогондия станет считаться сюзереном самого Солнца!

Казалось, генерал одержал победу. Но, как выяснилось, эта победа в самом скором времени обернулась для него полным поражением.

Едва получив Солнце, Нибумбум почувствовал себя обманутым и обойденным: у всех настоящие планеты, а у него Солнце. Продешевил, явно продешевил!

Он затеял переписку с Попечителями Великих Диктаторий, пытаясь обменять свое Солнце на чью-нибудь планету. Он даже соглашался доплатить. Но Попечители отвечали отказом. И это лишний раз доказывало генералу, что, взяв Солнце, он дал маху.

Правда, огогондские газеты дружно утверждали, что раз планет много, а Солнце одно, значит та страна, которой принадлежит Солнце, и есть самая лучшая. Но эти слова вселяли гордость во всех огогондцев, кроме самого Нибумбума.

Комплекс неполноценности так измучил его, что он стал пить, курить и играть в карты. Пил он так много, а играл так азартно, что однажды проиграл свое президентское место собственному сыну Нибумбуму Второму.

И приблизительно в это время в Огогондии стал функционировать таинственный синдикат Икс...

Прошло много лет. Сменилось несколько Нибумбумов. Огогондия стала седьмой Великой Диктаторией. Очередной Нибумбум превратился из Президента в Попечителя.

Но по-прежнему у всех Диктаторий были настоящие планеты, а у Великой Диктатории Огогондии — Солнце.

И по-прежнему в Огогондии процветал загадочный синдикат Икс.

Глава первая

— Итак, начнем, — сказал пожилой благообразный господин, обращаясь к своим не менее благообразным собеседникам. — Я просил вас, господа директора синдиката, безотлагательно явиться сюда, потому что речь идет о жизни и смерти.

— О чьей смерти, господин генеральный директор? — деловито, но без излишнего любопытства уточ-

нил уzkолицый джентльмен с безукоризненными манерами.

— К сожалению, о нашей. Сегодня вечером у Попечителя Огогондии состоялось чрезвычайно секретное совещание, на котором решено было покончить с нашим синдикатом Икс.

— Покончить? — недоверчиво переспросил тучный господин. — Не представляю, каким образом это можно сделать?

— Самым простым, но в то же время самым коварным и эффективным. Нашему человеку удалось провести видеозапись этого секретного совещания. Посмотрите, господа, выступление Попечителя, и вы убедитесь, насколько мои опасения основательны.

Стена раздвинулась, открывая экран, на котором были видны только стол и ноги сидящих за этим длинным, уходящим в перспективу столом. Еще одна пара ног в башмаках с пряжками нервно расхаживала по экрану, то останавливаясь, то гневно топая.

— Почему здесь только ноги? Что за странная манера вести съемку? — недовольно пожал плечами тот же джентльмен.

— Я напоминаю, совещание было чрезвычайно секретным, ракурса для съемок выбирать не приходилось. Но слушайте, говорит Нибумбум Пятый.

— Это черт знает что! — послышалось с экрана. — Гангстеры в Огогондии распустились до неприличия. Ну разве так можно? Ну так же нельзя! Мало того, что их синдикат Икс торгует запрещенными у нас наркотиками и содержит запрещенные у нас игорные дома и притоны — мало этого! Как нам доложил Департамент импортных дел, синдикат произвел перевооружение своих людей и снабдил их всех загра-

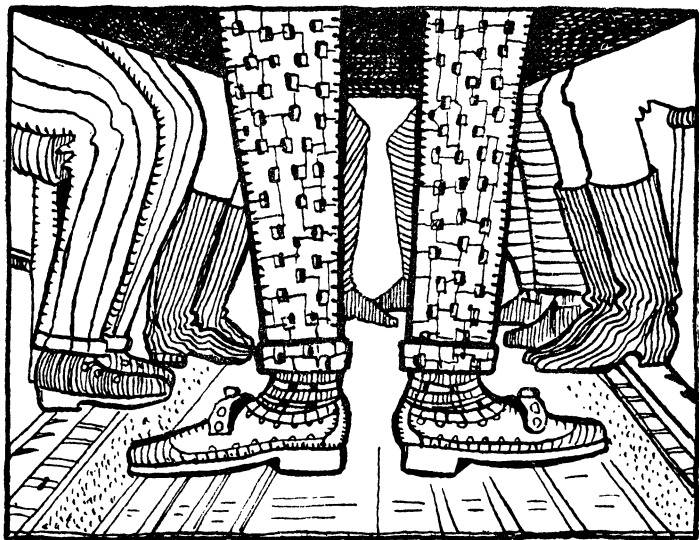
ничным оружием! Наше отечественное оружие этим гангстерам, видите ли, уже не подходит! Вот до чего они докатились!

— Позор! Позор! — дружно затопали сидящие за столом.

— Я всегда знал, что гангстеры нехорошие люди. Но я не подозревал, что они до такой степени непатриоты. Ну разве так можно? Ну так же нельзя!

— Позор! Позор!

— Синдикат Икс забывает, что его доходы целиком зависят от наших законов, — продолжали расхаживать ноги в башмаках. — Стоило нам запретить

наркотики, и синдикат стал их продавать в двадцать раз дороже, нажив на этом не один миллиард игреков. Стоило нам закрыть игорные дома, как синдикат построил тайные игорные небоскребы и снова заработал немалые денежки. Ну, разве так можно? Ну так же нельзя! И пора с этим кончать!

— Господин Попечитель, вы намерены привлечь синдикат к суду за нарушение законов? — спросили, щелкнув каблуками, сапоги.

— Нет, господин управляющий Департаментом преступлений и наказаний. Напротив. Я намерен отменить все запретительные законы и разрешить в Огогондии абсолютно все: наркотики, проституцию, игорные дома. Все! Синдикат останется без дела, лишится доходов, обанкротится, а мы избавимся от гангстеров. Вот!

— Достаточно, — сказал генеральный директор, выключая экран. — Я думаю, джентльмены, вы согласитесь теперь, что положение наше чрезвычайно серьезно?

— Но как же так? — недоуменно и обиженно воскликнул тучный директор. — Сегодня одни законы, завтра — другие... Это же произвол!

— Да, произвол. Но мы живем в Огогондии, где основным законом является беззаконие. И поэтому мы или должны будем надежно застраховать себя от всякого рода неожиданностей, или падем жертвой произвола. Третьего не дано.

— А как мы можем застраховаться?

— Я вижу только один надежный способ: Попечителем Огогондии должен стать наш человек. Малень-

кий, никому не известный человек из нашего синдиката.

— А вы подсчитали, господин генеральный директор, сколько на проведение этого мероприятия понадобится средств? — поинтересовался тощий джентльмен.

— Много, очень много. Но цель, господа, оправдывает затраченные средства.

Спустя два дня после совещания Попечитель Огогондии Нибумбум Пятый издал закон, разрешающий свободную продажу наркотиков и порнографических открыток.

Синдикат пошатнулся.

А на следующий день произошло первое покушение на Попечителя и начался период, получивший впоследствии название Большой Трехлетней Охоты.

Достаточно взглянуть на заголовки пожелтевших газет того времени, чтобы ясно увидеть, что происходило тогда в Огогондии:

«Неудачное покушение на Попечителя».

«Еще одна неудача».

«Удачное покушение на Попечителя».

«Огогондия в слезах».

«Нибумбум Шестой принес присягу».

«Покушение на Нибумбума Шестого».

«2 : 0 в пользу синдиката».

«Огогондия в трауре».

Нибумбум сменил Нибумбума с невиданной быстротой. Род Нибумбумов таял, и в ход пошли троюродные племянники.

Огогондцы устали вывешивать, снимать и снова вывешивать траурные флаги. Поэтому на фасадах домов траурные флаги висели теперь постоянно, а траурные одежды стали- ежедневной спецодеждой огогондцев.

Так продолжалось три года. Синдикат вел самую крупную игру в своей истории и был близок к банкротству.

Но, наконец, династия Нибумбумов иссякла, к власти пришел никому дотоле не известный Дино Динами, и охота на попечителей прекратилась.

Синдикат победил.

Новый Попечитель твердо знал, что нужно делать.

Он снизил цены на пиво, чем сразу завоевал любовь и благодарность верноподданных.

Он начал борьбу за оздоровление расы и строжайше запретил торговлю наркотиками, благодаря чему сразу укрепил материальную базу синдиката Икс.

И наконец, он назначил себя по совместительству генеральным директором синдиката и провозгласил начало новой Тысячелетней Диктатории.

Тот, кто одновременно управлял государством и синдикатом, был застрахован от всяких неожиданностей: Попечитель охранял синдикат; синдикат охранял Попечителя.

Синдикат перестал быть государством в государстве, поскольку стал самим государством.

Поэтому удалось резко сократить полицейский аппарат: гангстеры сами поддерживали порядок в своем государстве. А оставшиеся без работы полицейские устроились благодаря своим давним связям в тот же синдикат Икс.

Время от времени Дино, как глава государства, что-нибудь запрещал, синдикат разворачивал широкую торговлю запрещенным товаром, и Дино, как глава синдиката, клал в карман солидный куш.

Число запретов росло. Могло случиться так, что в Огогондии было бы запрещено абсолютно все. Но государственный ум подсказывал Дино, что этого делать не следует. И, подчиняясь здравому смыслу, Попечитель перед каждым новым запретом отменял какой-нибудь свой прежний запрет, что у благодарных огогондцев вызывало новую вспышку любви и обожания.

И не удивительно. Ведь для каждого запрета Динами находил объективные причины, а любую отмену запретов объяснял исключительно личным стремлением сделать приятное своему народу.

И чем хуже огогондцы жили, тем они больше любили Дино.

Прошло десять лет. Государство-синдикат процветало, и Попечитель уже подумывал, не пора ли переименовать Тысячелетнюю Диктаторию в миллионолетнюю, чтобы на этом основании снова потребовать перераспределения планет. Но тут начались самые интересные события нашей хроники.

Глава вторая

По мрачным улицам Огого двигался туристский автобус. От обычных автобусов он отличался только тем, что был без окон и из него туристы могли

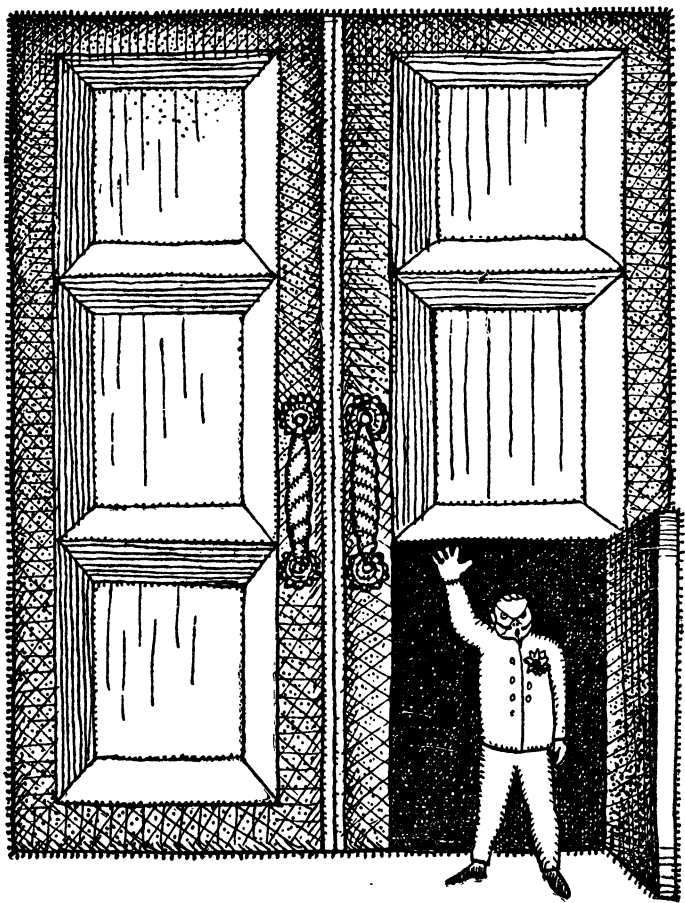
увидеть не больше, чем из запаянной консервной банки.

— Господа иностранные туристы! — профессионально бодрым голосом выкрикивал гид в то время, как экскурсанты мерно покачивались в уютных креслах. — Мы проезжаем сейчас по залитой солнцем древней столице Великой Диктатории Огогондии. Пусть вас не удивляет, господа туристы, что в нашем автобусе нет окон. Благодаря свойственному нам гостеприимству иностранцам разрешается свободно передвигаться по улицам столицы. Но из соображений государственной безопасности запрещается на эти улицы смотреть. Однако это не страшно. Поверьте мне, я лично буду рассказывать вам самым подробнейшим образом обо всех городских достопримечательностях, мимо которых нам доведется проезжать. Вот сейчас, — и гид одним глазом заглянул в специальное, величиною с замочную скважину, смотровое отверстие, — вот сейчас мы едем по бульвару, носящему имя нашего Великого Попечителя Дино Динами. Ах, ах, какой красивый бульвар!

А теперь мы проезжаем Дино-сквер, пересекаем площадь Динами и выезжаем на самую длинную в мире Дино-Динамиевскую улицу. Теперь справа находится памятник Динами, едущего на коне, а слева — монумент Дино, переплывающего реку.

Гид восторженно описывал красоты столицы, а мимо замочной скважины проплывали то громадный бронзовый сапог, то колоссальное конское копыто, то окна с решеткой.

— Но вот уже видна, — и голос гида стал еще более торжественным, — да, вот уже видна скромная резиденция Великого Попечителя Великой Диктатории

Огогондии. Резиденция, которую огогондцы с любовью называют «хижина дядюшки Дино». Ах, ах, какая хижина! Браво, Динами!

И, словно эхо, из хижины донеслось:

— Браво, Динами! Слава Динами! Браво, брависсимо, Дино Динами! — Это дружно кричали солидные ученые мужи.

Они кричали, и взоры их были обращены на массивные, высотой с трехэтажный дом двери. Сейчас они распахнутся, и к ученым выйдет сам Дино.

Но вопреки ожиданиям двери не распахивались. Только в нижнем левом углу этих гигантских дверей для парадных приемов открылись небольшие обычные двери — так сказать, двери на каждый день, — и из них выскочил маленький юркий человек, чей облик никак не вязался с представлением о том самом Дино Динами.

И все же это был он. Тот самый. Великий.

Усики, борода и даже улыбка на лисьей мордочке Попечителя казались не настоящими, а приклееными. Но этого никто не замечал. Наоборот, всех умиляло, что Величайший из Великих такой, как все, и носит такую же бородку, как любой огогондский мужчина старше двадцати пяти лет. Всем это нравилось, и никто не вспоминал, что в Огогондии усы и бородки вошли в моду только после того, как их стал носить Дино.

Впрочем, как мы увидим, здесь часто путали причину и следствие.

— Браво, Дино! — еще неистовей заорали ученые, увидев Попечителя. — Слава Солнцеподобному!

— Ну что это такое? — добродушно попытался остановить их Дино. — Ну что вы заладили: «Браво, браво»? Так и зазнаться можно. (Смех в зале.) А я такой же, как все. Равный среди Равных!

— Да здравствует Равный среди Равных! — подхватили присутствующие. — Сто тысяч лет жизни самому Равному!

— Да ну вас, хватит! — махнул рукою Дино.

— Не хватит! — завопили строптивые. — Слава Равнейшему! Ух ты-ы!

(Нужно сказать, что огогондцы вообще любили горячо приветствовать своих попечителей. А тут был особый случай. Сегодня в резиденции собрались представители двух враждующих течений огогондской науки. Справа расположились гуманитарологи, слева — конструктории. И каждая сторона пыталась кричать как можно громче, стараясь, во-первых, заглушить своих противников, а во-вторых, наглядно продемонстрировать свои верноподданнические чувства.)

— Ну ладно, ладно. Попрыгали, повеселились и будет, — Дино произнес эти слова почти так же добродушно, но чуткие ученые, прервав на полуслове приветствия, сразу умолкли. — Что же там у нас на повесточке? О чем толковать будем?

— Сегодня вы, Ваше Равенство, хотели поговорить с учеными гуманитарологами и конструкториями о массовом производстве искусственных солдат, — напомнил вежливый безликий секретарь.

— Ага, понятно. Так вот, дорогие мои гуманитарологи, конструктории и всякое такое. Мне нужны солдаты. То есть не мне лично. Мне лично ничего не нужно. Солдаты нужны нашей родной Огогондии. Вы сами знаете, что Колоссалия, Потрясалия и другие Дикта-

тории, отхватив себе настоящие планеты, подсунули Огогондии Солнце. Прибыли от этого Солнца никакой, высадиться на него все равно никто никогда не сможет, так что, скажем прямо, облапошили нашу любимую Огогондию будь здоров!

Конечно, до планет раньше чем через двести лет тоже никто не доберется. Но дело не в этом. Дело в принципе! (Аплодисменты.) Я терпеть не могу исторические несправедливости и никому не позволю обижать мой горячо любимый народ. (Бурные аплодисменты.) Себе, понимаете, планеты, а нам, понимаете, Солнце. Ишь, жулики! (Смех.) Но я добьюсь того, что Огогондия получит все, что ей причитается. Все! И даже больше! Но для этого мне нужны солдаты, солдаты и еще раз солдаты. Мне нужны солдаты, способные пройти сквозь огонь, воду и медные трубы!

И я хотел бы знать, чем конкретно вы, гуманитарологи и конструктории, собираетесь помочь нашей Огогондии?

— Разрешите вам напомнить, Ваше Равенство, — тихо сказал секретарь, — что между гуманитарологами и конструкториями существуют разногласия.

— Разногласия? — удивился Дино Динами. — Это даже интересно...

И наступила такая тишина, что казалось, можно было услышать, как Главный конструкторий молится:

«Господи, покарай гуманитарошек!»

А Предводитель гуманитарологов, полагаясь на более реальные силы, мысленно восклицает:

«О Равный среди Равных, почему конструктории до сих пор не отправлены на перевоспитание?»

А сидящий в задних рядах молодой ученый Котангенс, с преданным обожанием глядя на Попечителя, думал:

«Сегодня, сейчас вот, наконец-то выяснится, на чьей стороне Дино и правильно ли я сделал, став конструкторием. Прогадал я или не прогадал?»

— Ну что же вы молчите? — нетерпеливо спросил Попечитель.

— Мы не молчим, — одновременно откликнулись Главный конструкторий и Предводитель гуманитологов.

— Так говорите!

— Мы говорим, Ваше Равенство, мы, конструктории, считаем...

— Ваше Равенство, мы, гуманитологи, полагаем...

— Дорогие ученые, — перебил их Дино, — хоть у меня и два уха, я попросил бы вас выступать поодиночке. (Почтительный смех в зале.) Пусть начнет гуманитолог.

«Почему гуманитолог первый? — вздрогнул молодой ученый. — Неужели я прогадал?»

— Впрочем, нет, пусть сначала выскажется конструкторий.

«Ух, слава богу», — облегченно вздохнул Котангенс.

— Ваше Равенство, мы, конструктории, считаем, что для того, чтобы непобедимая армия Огогондии стала еще более непобедимой, нужно создать таких искусственных кибернетических солдат-роботов, которые ничем не отличались бы от людей, но в то же время не ведали бы ни страха, ни сомнений, ни прочих штук-дрячек.

— Это хорошо. А гуманитологи что думают?

— А мы, гуманитарологи, полагаем, что для того, чтобы наша непобедимая армия стала совершенно непобедимой, следует уделять внимание не каким-то там кибернетическим устройствам, а людям. Живым людям! И доводить вышеупомянутых людей следует до такой степени совершенства, чтобы они ничем не отличались от роботов и, следовательно, тоже не знали ни страха, ни сомнений, ни прочих фиглей-миглей.

— Это тоже хорошо, — отметил Дино.

— Причем наш, гуманитарологический, способ получения солдат-роботов гораздо экономичней, потому что полуфабрикаты для их производства нам совершенно бесплатно поставляет сама природа.

— Да, изготавливать роботов по вашему способу гораздо дешевле, — снова вскочил Главный конструкторий. — А прокормить? Не забывайте, что даже в мирное время ваших солдат-роботов нужно как кормить-поить, так и обувать-одевать. А наши киберы в этом не нуждаются. Уложенные в аккуратные штабеля или построенные в боевые порядки, киберы могут, не требуя никаких дополнительных затрат, годами дожидаться сигнала боевой тревоги, чтобы тут же броситься в бой, не испытывая ни малейшего желания сохранить свою искусственную жизнь.

— Но киберы не испытывают также ни любви к Огогондии, ни (да простят мне эти слова!) преданности Великому Дино Динами.

— Вы ошибаетесь. Эти чувства в киберах программируются в первую очередь.

— Допустим. Но ваши киберы не могут стремиться пролить свою кровь за нашего Попечителя, ибо у них этой крови нет.

— Да, у киберов нет стремления проливать свою кровь. Но в них запрограммировано более важное стремление: проливать кровь врага!

— Все ясно! — провозгласил Дино. — Я подумаю. А вы, гуманитарологи и конструктории, продолжайте работать. Пусть, как говорится, цветут все цветы и скачут все кони. Но скачут побыстрей, я люблю большие скачки! Браво, брависсимо!

В едином порыве вскочили деятели науки. И хотя Дино уже успел нырнуть в те самые маленькие двери на каждый день, ученые долго кричали ему вслед.

— Браво, Дино Динами! Слава Равному среди Равных! — выкрикивали гуманитарологи и конструктории, бросая друг на друга яростные взгляды.

И сквозь этот рев пробивалась пытливая мысль молодого ученого Котангенса:

«Прогодал я или не прогадал?»

Глава третья

Как мы уже знаем, на Аномалии, кроме Огогондии, существовало еще шесть Великих Диктаторий, из которых каждая считала себя Самой Великой. Правила Великими Диктаториями Великие Попечители, и каждый из них в пределах своей страны именовался Самым Великим, или, попросту говоря, Величайшим.

Казалось бы: все Великие, все Самые — следовательно, все в порядке. Но нет! Каждый Попечитель ревниво следил за успехами других попечителей, и не

столько радовался своим достижениям, сколько огорчался достижениями своих коллег.

— Вот, читай! — кричал, например, нервный Попечитель Колоссалии Отдай Первый, который даже среди попечителей считался самодуром. Выкрикивая, он совал под нос своему Управляющему Наукой газету. — Читай вслух!

— У-у-ученые По-потрясалии, — читал испуганный Управляющий, — с помощью спектрального анализа обнаружили на своей планете богатейшие алмазные россыпи.

— Видал? Она, Потрясалия, может обнаруживать, а мы, Колоссалия, не можем? Ступай и вели ученым что-нибудь обнаружить! Живо!

И цепная реакция начинала действовать.

— Ах, министры, вы мои министры! — с грустью произносил томный Попечитель Гигантонию Ну-и-ну. Подперев рукой голову, Ну-и-ну лежал на уютной тахте, а министры в полной форме, при орденах и портфелях живописным полукругом возлежали перед своим владыкой. — Ну что с того, что Потрясалия нашла на своей планете алмазные россыпи, а Колоссалия — брильянтовые залежи. Пусть их! Разве в этом счастье? Разве в этом смысл жизни?

— Никак нет! — единодушно отвечал кабинет министров.

— Да, никак нет! — печально повторял Попечитель. — Вот, например, параллельные линии. Как они до нашего появления на свет не могли встретиться друг с другом, так не встретятся и после

нас. А в таком случае для чего мы? Зачем мы? Неизвестно...

С этими словами Попечитель перевернулся на другой бок, и министры, быстро обежав тахту, снова расположились полукругом.

— Или, скажем, вещие сны. — И Попечитель решил на шепот: — Вы верите в них, министры?

— Так точно, — прошептали министры. — Верим.

— И правильно делаете. А снилось мне, будто смотрю я на принадлежащую нам планету и вижу на ней... знаете, что?

— Что? — полюбопытствовали министры.

— Горы из чистого золота — вот что! — подумав, объявил Ну-и-ну. — К чему бы это, интересно?

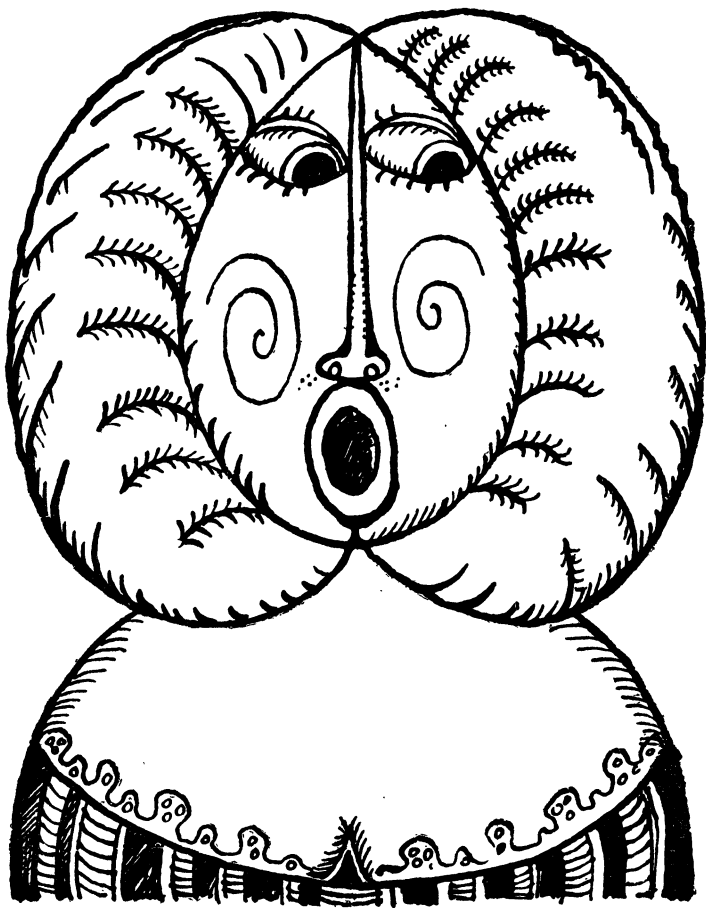
— Поздравляю! — злорадно сказала Брунгальда, супруга Великого Дино. — Поздравляю! Так я и знала! Вот уже Гигантония открыла на своей планете золотые горы. А ты? Что ты можешь открыть на своем паршивом Солнце? Пятна?

— Дай мне спокойно поесть, — попросил Дино.

— Ешь, ешь. Люди со своих планет будут привозить драгоценности, а ты — пятна!

— Ну что ты заладила: пятна, пятна... Я, что ли, Солнце выбирал? Так уж получилось... Дура!

— Ну конечно, я дура. Но если ты такой умный, почему ты не можешь добиться, чтоб тебе тоже выделили планету, как всем людям? Тряпка! Тряпка! — И чтобы ее слова звучали убедительней, дородная Брунгальда грохнула об пол чашку.

В Огогондии самой засекреченной тайной являлось то, что Дино, Великий Дино, нагонявший страх на врагов и друзей, сам безумно боялся своей супруги Брунгальды. Конечно, этот подрывающий авторитет Попечителя факт следовало держать в секрете и хранить в тайне. И в Огогондии существовало два специальных Департамента — Департамент секретов и Департамент тайн, — следивших за тем, чтобы страшная правда оставалась в узком семейном кругу.

И мы не стали бы касаться этих чисто семейных отношений, если бы в дальнейших трагических событиях они не сыграли роковой роли.

А пока мы рассказывали об интимных подробностях из жизни Великого Попечителя, Брунгальда, побросав и перебив все, что стояло на столе (благо посуда в резиденции была казенная!), гневно удалилась. На прощанье госпожа Попечительша так хлопнула дверью, что из рук Дино выпала последняя чашка, и работа над сервисом окончилась.

— Приближенные, приблизьтесь! — тихо позвал Динами.

— Мы здесь, Ваше Равенство! — тотчас откликнулись два господина — тощий и тучный, с которыми мы уже встречались у бывшего генерального директора синдиката Икс.

Они не вошли, а именно возникли, каким-то необъяснимым образом появившись прямо из стен. Но способ их появления несколько не удивил Попечителя.

— Видали, приближенные, что творится? — беспомощно сказал он, указывая на битую посуду. — Для таких разговоров никаких сервизов не хватит.

А приближенные деликатно развели руками: мол, что поделаешь, Ваше Равенство. Бывает...

— Кто-нибудь находился в зоне слышимости?

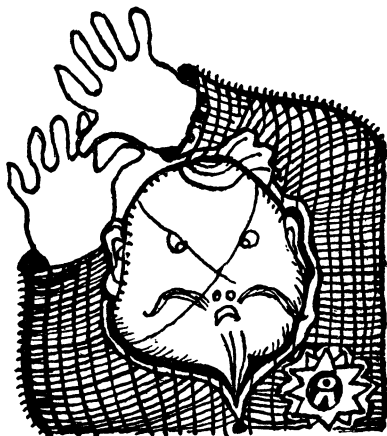
— Двое слуг и три офицера охраны, — доложил тучный приближенный Баобоб. — Все замеченные надежно изолированы.

— Нет, не все, — мягко возразил тощий приближенный по имени Урарий. — Мой наблюдательный друг, — и он нежно улыбнулся Баобобу, — видимо, чисто случайно не заметил, что в пределах слышимости находился также Ара...

— Кто?

— Ара. Так называемый попугай. И если этот попугай вздумает повторить то, что услышал...

— Ах, Ваше Равенство, мой осторожный друг, — и Баобоб нежно посмотрел на Урария, — видимо, запомнил, что наши талантливые ученые вывели специальную породу немых попугаев, которые молчат как рыбы...

— Нет, дружок, я не забыл этого, — ласково ответил Урарий. — Но бывают моменты, когда и так называемые рыбы заговаривают. А мы не имеем права рисковать.

— Точно! — согласился Попечитель. — Не имеем. Ты совершенно прав, Урарий. Распорядись!

И тощий приближенный, ехидно улыбнувшись тучному, исчез в стене.

А Попечитель в сопровождении Баобоба последовал из столовой в кабинет.

— А я, между прочим, тебя казнить собираюсь, — сообщил Дино приближенному по дороге.

— За что, Ваше Равенство? — спросил не без интереса Баобоб.

— А вот казню, тогда узнаешь, за что. Вопрос: кто начальник секретного департамента? Ответ: ты, Баобоб.

— Я, Ваше Равенство.

— Вопрос: кто отвечает за строительство секретного объекта $(a + b)^2$? Ответ: ты.

— Я.

— Вопрос: когда будет готов объект? Ответ: а шут его знает! Вот за это я тебя и казню.

— Но, Ваше Равенство, объект $(a + b)^2$ уже готов.

— Так какого черта ты мне его не показываешь?

— Не могу, Ваше Равенство. В секретный объект, который построил мой Департамент секретов, можно попасть только через тайный ход, находящийся, естественно, в ведении Департамента тайн. А начальник Тайного департамента Урарий категорически отказывается показать мне, где находится тайная дверь

в тот тайный ход, который ведет к секретному объекту.

— И правильно делаю! — сказал Урарий, появившись из стены. — Если Ваше Равенство распорядится тайну открыть, тогда пожалуйста.

— Распоряжаюсь! — нетерпеливо приказал Попечитель.

Начальник Тайного департамента, погрузив указательный палец в одну из стоявших на столе чернильниц, нажал невидимую кнопку. И тотчас стоявшая в углу кабинета статуя Попечителя (бывшая в полтора раза выше своего оригинала) сошла с постамента. Плита сдвинулась, открывая тайный ход, а затем снова стала на место. После этого статуя вернулась на постамент и заняла исходное положение.

— Потрясно! — закричал Динами. — А ну-ка я! — И он так же ткнул пальцем в чернильницу. Но статуя даже не шелохнулась. — Ты это что же? — грозно спросил Динами Урария, разглядывая испачканный чернилами палец. — Шутки шутишь?

— Никак нет, Ваше Равенство, вы просто ошиблись чернильницей. Разрешите. — Урарий бережно опустил палец Попечителя в нужную чернильницу, и статуя сработала быстро и четко. — Вот видите!

— За мной! — скомандовал Динами и решительно полез в тайный ход, ведущий к секретному объекту.

Вся Аномалия знала, что в резиденции, или, как ее называли, в «хижине дядюшки Дино», насчитывалось ровно тысяча и одна комната, включая спальни,

кабинеты, приемные залы, искусственные лужайки для игры в гольф и небольшие помещения для военных маневров, которыми в минуты грусти тешил себя Великий Попечитель.

И каждое помещение, независимо от его назначения, непременно украшала какая-нибудь статуя Великого Попечителя: Дино с мечом, Дино с веслом, Дино — роденовский мыслитель, Дино — дискобол, Дино — Аполлон и даже Дино — сфинкс...

Но никто, конечно, не ведал, что по личному заданию Дино Динами в его резиденции была построена еще одна комната, именуемая объектом $(a + b)^2$. О существовании и назначении этого объекта знали только начальники тайн и секретов. И сейчас Баобоб с гордостью показывал Попечителю этот таинственный объект.

— Согласно вашему распоряжению объект строился с учетом того, что в моменты наивысшей нервной деятельности госпожи Брунгальды Ваше Равенство сможет в полной безопасности и недосыгаемости проводить здесь свое свободное время.

Вот экран, на котором вы сумеете наблюдать за всем, что происходит в любом месте вашей резиденции, а также смотреть телевизионные передачи. А это радиопульт. На нем, как видите, ровно тысяча кнопок.

— Тысяча? Не многовато ли? — усомнился Урарий.

— Нет, дружок. Как раз по числу микрофонов, тайно установленных вашим Департаментом тайн в стенах «хижины». Думаю, Ваше Равенство, с по-

мощью этой трансляционной сети вы услышите немало интересного.

— Да, я вижу, мне здесь скучно не будет. А как насчет питания?

— В этом холодильнике находится месячный запас продуктов и коллекционных вин. — И Баобоб, самодовольно улыбаясь, открыл холодильник.

Но холодильник был пуст.

— Ах, какие продукты! — восхитился Динами. — Ах, какие коллекционные вина!

— Ваше Равенство, я здесь ни при чем, — потопился оправдаться тучный приближенный. — Тайной доставкой продуктов должен был заниматься Тайный департамент.

— Это почему же? — возразил Урарий. — Раз продукты секретного назначения, значит отвечает за них Департамент секретов.

— Э, нет! Вы должны были сделать тайные запасы.

— Пардон! Запасы не тайные, а секретные.

— Нет, не секретные, а тайные.

— Молчать! — прикрикнул Попечитель. — Вы оба правы. И я вас обоих пересажу с министерских кресел на электрические стулья, если завтра же холодильник не будет наполнен.

А еще скажите мне, приближенные, вот что. Допустим, Брунгальда рассердится; допустим, я уйду в подполье и проведу в этом уютном гнездышке недельку-другую... А что потом? Как я объясню Брунгальде свое отсутствие? А?

— Вы сможете сказать, что вас послали в срочную заграничную командировку... — посоветовал Баобоб.

— Меня? Послали? Да кто, кроме Брунгульды, посмеет меня, так сказать, послать? Думайте, 'приближенные, думайте! Я, Величайший из Великих, не могу прятаться от собственной супруги, когда хочу и где хочу! Фантастика!

Глава четвертая

— К сожалению, господин Главный конструкторий, последние опыты не принесли ничего нового, — докладывал Котангенс. — Опять как только мы усиливали нагрузку на мозговые центры, так у киберов появлялись симптомы безумия.

— А сколько опытов вы поставили? — спросил седобородый ученый, сидевший рядом с Главным конструкторием.

— Три.

— И все три кибера сошли с ума?

— Увы! — развел руками Котангенс.

— Вы свободны, — сказал Главный конструкторий. — Можете идти.

— Вот видишь, — седобородый вскочил со стула и нервно заметался по комнате. — Мы не можем в таком виде показывать Попечителю наших киберов.

— Не можем, но должны. И покажем. Мы обязаны убедить Попечителя в том, что обогнали проклятых гуманитарологов.

— Но ведь киберы не готовы. Они требуют доработки.

— Да, да, да. Однако дефект заложен в самой схеме. Для его устранения нужно не меньше года.

А за это время гуманитошки убедят Попечителя, что мы вообще не нужны. И тогда...

Конструкторий замолчал. А Котангенс, подслушивавший этот разговор в соседней комнате, судорожно перевел дыхание и снова припал к замочной скважине.

— Мы вынуждены рискнуть. Ты сам знаешь, что дефект у киберов проявляется только при повышенной нагрузке, если им приходится решать какие-нибудь трудные задачи. А мы постараемся продемонстрировать киберов при нагрузке минимальной, что обеспечит им абсолютно нормальную деятельность. И если Попечитель ничего не заметит и одобрит опытный экземпляр, у нас будет достаточно времени для устранения любых недоделок. А жалкие гуманитошки...

— Ну, а если Динами все-таки обнаружит, что мы ему подсовываем брак, что тогда?

— Об этом варианте я предпочитаю не думать.

Котангенс испуганно отшатнулся от скважины и, покинув на цыпочках наблюдательный пункт, стремительно зашагал по длинному коридору, стягивая с себя на ходу белый халат.

— Ну нет, хватит! Наука требует жертв, но у нее есть большой выбор и без меня. К черту конструкториев!

— Bravo, Дино! — выкрикнули, войдя в кабинет Попечителя, Главный конструкторий и человек в шляпе.

— Bravo, брависсимо! — небрежно ответил Дино и, взбежав по ступенькам, уселся в огромное кресло за громадным столом. — Ну-с, докладывайте.

— Ваше Равенство, я рад сообщить вам, что упор-

ные поиски конструкториев увенчались успехом... — начал Главный конструкторий.

— А конкретнее?

— Если вы разрешите, я продемонстрирую вам опытный образец универсального киберы УК-1.

— Разрешаю. Где он?

— Он здесь, Ваше Равенство.

— Не говори загадками. Где здесь?

— Вот он. — И конструкторий указал на стоявшего рядом с ним молодого человека в шляпе.

— Bravo, Динами! — щелкнул каблуками кибер. — Слава Великому Попечителю!

— Ты смотри! — удивился Дино. — Это кибер?

— Кибер.

— А как же это все у него получается?

— Очень просто, Ваше Равенство: кибернетика...

— А-а, — удовлетворенно кивнул Дино. — Скажи пожалуйста! — и он осторожно дотронулся до киберы. — А кожа-то какая! Прямо как настоящая!

— Кожа, Ваше Равенство, первый сорт. Не какой-нибудь эрзац-дерматин.

— Ну, а ходить он умеет?

— Кибер, покажи Великому Попечителю, как ты движешься, — со сдержанной гордостью приказал конструкторий.

И кибер, продемонстрировав несколько па огогондского твиста, ловко стал на руки, а затем, перевернувшись, проделал ряд головокружительных кульбитов и колесом выкатился из кабинета.

— Артист! — восхитился Динами. — Просто артист! Приближенные, видали?

— А как же! — появились из стен приближенные.

— И что скажете?

— Нет слов! — ответили приближенные и, отступив назад, снова растворились в стенах.

— А много у тебя таких киберов?

— Пока еще нет. Но если вы прикажете, — серийное производство может быть налажено в самое ближайшее время. Причем следует учесть, что по желанию заказчика мы можем изготавливать киберов любых размеров, обличий, способностей и профессий.

— Ну, а, скажем, офицера из кибера сделать можно?

— Безусловно.

— А генерала?

— И генерала.

— А начальника департамента? Говори, говори, я разрешаю.

— Ах, Ваше Равенство, боюсь, что можно и начальника.

— Так, так, так! — возбужденно проговорил Попечитель, бегая по широким просторам своего кабинета. — Так, так, так! Урарий!

— Я здесь, — откликнулся Урарий, наполовину высовываясь из стены.

— Нас никто не подслушивает? Проверь.

— Минутку! — И исполнительный Урарий нырнул в одну стену и тут же вынырнул из противоположной. — В зоне слышимости никого.

— Хорошо. — И Дино Динами вплотную подступил к Главному конструктору. — Ну, а такого кибера, который был бы похож на меня, наука в состоянии сделать?

— Не могу знать! — испуганно залепетал конструкторий.

— Можешь знать. Я тебе разрешаю.

— Ваше Равенство, в силу технических причин киберы не могут быть гениальными.

— Ну и черт с ними! Пусть мой двойник будет только ярко талантливым. А впрочем, и это не обязательно. Мне же не надо, чтобы он управлял Диктаторией. Пусть появляется на приемах, встречается с моими подданными и всякое такое...

— Но, господин Попечитель, я не совсем понимаю...

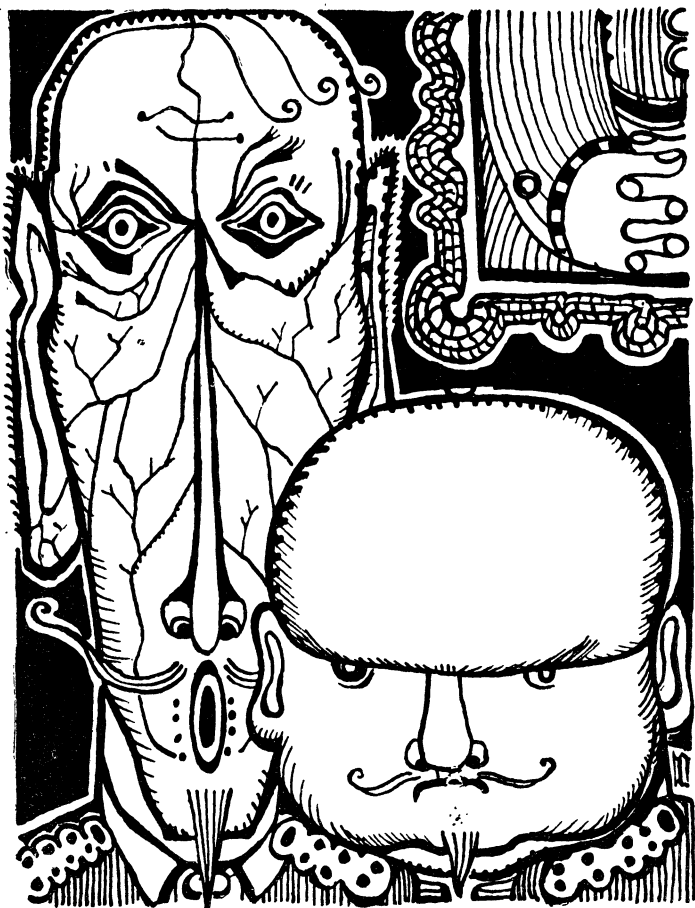
— А ты пойми. Думаешь, мне, Великому Попечителю, хорошо? Нет, не хорошо. Только появлюсь где, все «ух ты-ы» начинают кричать. Просто неудобно получается. Хоть не выходи. Вот для этих дел мне двойник-то и нужен. Пусть «ух ты-ы» выслушивает. Для этого особой гениальности не требуется. Ясно? Вот и хорошо. И не тани с этим делом. Не советую. Даю тебе три дня. Браво, брависсимо!

— Браво, Динами! — растерянно попрощался ошарашенный конструкторий.

Ничего не видя перед собой, он направился к выходу и по дороге наткнулся на стену, из которой тут же появился Баобоб.

— Простите, вам не сюда, — вежливо остановил он конструктория и, взяв под руку, нежно вывел его из кабинета.

— Значит, так, приближенные, — скомандовал Дино, снова взобравшись в кресло. — Пишите. Первое. Объявляю задание, данное мною конструкториям, государственной тайной чрезвычайной секретности. Второе. О ходе выполнения задания докладывать лич-

но мне. Все! Ну, приближенные, теперь вы понимаете, кто будет находиться с Брунгальдой, пока я буду отдыхать в секретном объекте?

И закипела работа.

Главный конструкторий, словно портной, снимал мерку с Дино Динами и диктовал данные своему седобородому коллеге, старательно регистрировавшему каждую цифру. Рост... Объем талии... Размер обуви... Длина носа... Угол падения носа на губу... Высота и общая площадь лба... Ширина улыбки... Диаметр родинки за правым ухом... Глубина морщин...

— Видите ли, господин Попечитель, — объяснял конструкторий, — при создании копии важно учесть каждую мелочь, чтобы не пропустить какой-нибудь характерной приметы. Например, обладаете ли вы какой-либо редкой способностью?

— А как же! Я умею шевелить ушами.

— О, это очень важная деталь! Запишите, коллега: шевелит ушами.

И, наконец, наступил самый ответственный момент.

В святая святых института, в так называемой «копировальной», происходил таинственный процесс выкопировки.

Дино Динами и кибер, предназначенный стать его двойником, лежали, погруженные в электросон, на операционных столах. На голову каждого было надето странное приспособление, напоминающее одновременно шлем космонавта и куполообразный фен для просушки волос в дамских парикмахерских. От ори-

гинала к копии тянулись многочисленные провода, а осциллографы, индикаторы, кардиографы, энцефалографы и прочие приборы чутко регистрировали и отражали все, что им положено было отражать и регистрировать.

Приближенные Баобоб и Урарий с уважением и трепетом поглядывали на эту загадочную аппаратуру, а Главный конструкторий давал им необходимые пояснения.

— Сейчас, как видите, происходит процесс передачи информации. Вся информация, хранящаяся в мозговых клетках оригинала, с помощью вот этого усилителя биотоков и копировальной машины передается в запоминающее устройство копии и там надежно фиксируется. Таким же образом копии передаются не только знания оригинала, но также его моральные качества, привычки, склонности и так далее.

— Разрешите вопросик, — перебил ученого Баобоб. — А недостатки оригинала копии передаются тоже?

— Вообще-то передаются... — подумав, ответил тактичный конструкторий. — Но в данном случае этого не случится, поскольку весь мир знает, что оригинал лишен каких бы то ни было недостатков.

— Еще бы! — сказал Урарий и неодобрительно посмотрел на Баобоба. — А долго эта процедура будет продолжаться?

— Нет. Как видите, стрелка на информацииографе пошла вниз. Следовательно, копия уже усвоила весь объем информации, переданной оригиналом. Сеанс окончен.

Конструкторий защелкал тумблерами и осторожно снял с пациентов шлемы. Еще минуту Дино и кибер

лежали с закрытыми глазами, затем одновременно проснулись, прыгнули с операционных столов, потянулись и, только теперь заметив друг друга вместе, восхищенно воскликнули:

— Надо же!

И действительно, оригинал и копия были до того похожи друг на друга, что казалось, будто Попечитель просто видит свое отражение в зеркале. Усики а-ля Дино, борода а-ля Динами, мимика, жесты, интонация — все-все, как у Дино Динами.

— Хорош! — радовался удовлетворенный осмотром Попечитель. — Если я такой же, как он, то я себе определенно нравлюсь! — И, заливаясь визгливым смехом, он игриво толкнул кибера.

— Хи-хи-хи! — подхватила копия. Но хоть кибер смеялся так же, как Дино, в его смехе слышалось и желание угодить, и стремление подчиненного показать своему патрону, как ему, подчиненному, приятно, что он, шеф, изволит с ним шутить. И хоть копия смеется вроде бы на равных со своим оригиналом, но знает свое место и никогда не позволит себе чего-либо этакого.

Вот как много способно уместить в себе короткое «хи-хи-хи». Потому что смех подобен песне без слов, в которой иной раз удается сказать гораздо больше, чем в песне со словами.

— Молодец, киберуша! — хлопнул его по плечу Дино.

— Рад стараться, Ваше Равенство.

— И ты, Главный конструкторий, молодец. Не обманул моих надежд. Жалую тебе звание Лощман Огогондской науки и награждаю орденом «Ай да я!» первой степени.

— Браво, Динами! — возликовал конструкторий.

— И представь мне списки всех, кто помогал тебе делать этого молодца. Всех награжу! Никого не обижу! Ух ты! — выкрикнул Попечитель.

— Ух ты! — подхватили приближенные и конструктории.

— Ух ты-ы! — заорал во всю свою искусственную глотку старательный кибер.

Глава пятая

Не считая пива и Попечителя, огогондцы больше всего любили конкурсы на звание мисс Огогондия.

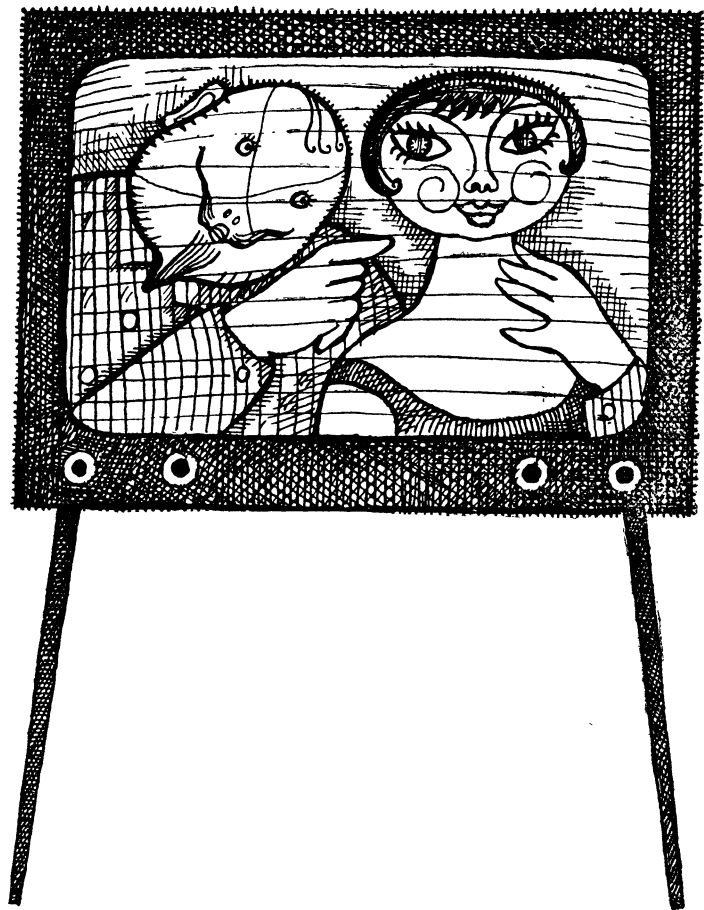
Согласно правилам самой красивой женщиной Огогондии считалась та, которая занимала на этом конкурсе второе место, ибо первое место было пожизненно закреплено за госпожой Попечительшей.

Участницам конкурса полагалось быть красивыми, упитанными, целомудренными, обаятельными и образованными.

Красота измерялась приближенностью к идеалу.

Целомудренность — площадью и густотой румянца, который должен был — по идее — появляться на лицах претенденток после прослушивания определенных, отобранных лично Попечителем анекдотов.

А образованность определялась количеством зубренных наизусть изречений из цитатника Дино Динами. Причем наибольшее число баллов за образованность получали те красавицы, которые настолько хорошо знали цитаты, что умели произносить их не

слово за словом, а через слово, через два и даже из конца в начало.

И вот теперь чемпионат красоты подходил к финишу. Под звуки марша лучшие красавицы Огогондии, покачивая лучшими в Огогондии бедрами, вышли на сцену и очаровательно склонили набитые цитатами головки.

— Итак, леди и джентльмены, — объявил ведущий, — я имею честь сообщить вам, что второй красавицей Огогондии в этом году выбрана очаровательная Ора Тория.

Аплодисменты, свистки и крики болельщиков заглушили ведущего, и он, прося тишины, поднял руку.

— Но я не сказал вам самого главного. Радость наша не поддается описанию! Поздравить юную победительницу прибыл сам Великий Попечитель. Браво, Динами!

Зрители вскочили, и под неистовые вопли Великий Попечитель в сопровождении приближенных появился на сцене.

Самые стройные в Диктатории ноги подкоились.

Увидев Попечителя, ошарашенная красавица попыталась упасть в обморок. Но опытные приближенные подхватили ее и поставили на место.

— Поздравляю тебя, мисс Огогондия! Ты вправе носить это гордое имя! — прочувствованно сказал Попечитель и трижды поцеловал Ору Торию.

Ора Тория не смогла сдержать счастливых слез. И операторы телевидения показывали эти самые счастливые во всей Огогондии слезы крупным планом.

А телевизионную передачу с интересом смотрел, спрятавшись в секретном объекте $(a + b)^2$, настоящий Дино Динами.

— Но помни, Ора Тория, — говорила копия, — что высокое звание мисс Огогондия накладывает на тебя такую же высокую ответственность, ибо вся Аномалия глядит и не может наглядеться на твою типично огогондскую красоту.

Нет никаких сомнений в том, что конкурс на звание мисс Огогондия явился ярким свидетельством высокой породистости нашей расы и еще раз продемонстрировал всему миру, как мы красивы. И думается мне, что брак мисс Огогондия с мистером Огогондия, которого мы выбрали на прошлой неделе, послужит хорошим начинанием для выведения новой расы Огогондия-люкс.

— Послушайте, вам не кажется, что он говорит что-то не то? — спросил Главного конструктора его пожилой коллега.

— Нет, не кажется. Вы только посмотрите, как ему аплодируют. — И Главный конструкторий показал на экран наполненной коньяком рюмкой. — Он говорит то же, что сам Великий Попечитель. И так же, как Великий Попечитель. И если бы вы, коллега, не знали, что это кибер, вам бы и в голову не пришло, будто в его речи что-нибудь не так и не то. Будьте здоровы!

— Ваше здоровье! Но я все время боюсь, что у него откажут сдерживающие центры, которые мы так и не смогли отрегулировать, и тогда...

— Не бойтесь. Он уже принимал парад, выступал

на вегетарианском обеде, произносил речь на открытии клуба закрытого типа... И все обошлось. Давайте лучше припомним, не забыли ли мы кого-нибудь вставить в список?

— Нет, нет. Я два раза проверял: всех вставили. Кроме этого бездарного Котангенса.

— И правильно не вставили его. Сбежал от нас в самый критический момент. Пусть теперь поплачет! А представляете, что будет с Предводителем гуманишек, когда он узнает, как нас наградили?

— Кондрашка, не меньше.

— Никак не меньше. На меньшее я просто не согласен!

Прошло две недели. Испытательный срок подходил к концу.

— А теперь, дорогуша, — сказал Дино своему двойнику, — теперь тебе предстоит самое главное испытание. Сейчас ты пойдешь завтракать с моей супругой Брунгульдой. Постарайся вести себя так, чтобы она ничего не заметила. Не нервничай, будь спокоен, сдержан...

— И старайся не бояться госпожи Брунгульды, — вставил Баобоб.

— Болван! Если он не будет ее бояться, она сразу поймет, что это не я. Бойся, но не трусь. Ясно? Всем своим видом показывай, что ты сам себе хозяин. Но показывай так, чтобы Брунгульда этого не заметила. А теперь ступай. А то чай остынет.

Кибер покинул секретный объект и, пройдя анфиладу комнат, вошел в столовую, где его уже ждала прелестная Брунгульда.

— Доброе утро, дорогая, — проговорил кибер, целуя Попечительшу в лоб. — Как ты себя чувствуешь?

— Как обычно, — недовольно ответила Брунгульда. — А между прочим, я так и предполагала. Ты знаешь, что Великания открыла на своей планете?

— Нет, дорогая, не знаю.

— И я не знаю. Но это как раз и подозрительно. Раз мы ничего не знаем, значит они ничего не сообщают. А раз они ничего не сообщают, значит им есть что скрывать.

— Почему ты так думаешь?

— Потому что, если бы им нечего было скрывать, они бы не молчали. Это же всем ясно!

— Но я не совсем понимаю...

— Еще бы. Это же твое обычное состояние...

— Ну, слава богу, — сказал с облегчением Дино. — Опыт удался. Брунгульда ничего не заметила. Можете выключить экран. Я хорошо знаю все, что будет дальше. Бедный кибер!

— Ничего, Ваше Равенство, у кибера буквально железные нервы, — успокоил Попечителя Урарий. — Он выдержит.

— А молодцы конструктории, не подвели! Кстати, наградные списки они представили?

— Так точно.

— Никого не пропустили?

— Никого, — уверил Баобоб.

— Ну и?..

— Согласно спискам, — доложил Урарий, — все принимавшие участие в создании копии отправлены на перевоспитание.

— Ай-ай-ай! А какие хорошие люди были, — грустно покачал головой Попечитель. — Но раз надо, значит надо... Выходит, теперь про эту копию знаем только мы с вами?

— Только мы! — так же грустно подтвердили Баобоб и Урарий.

— Тогда вопрос, — сразу же перешел на деловой тон Динами. — Сколько при мне находится приближенных? Ответ: два. Вопрос: а при моей копии сколько? Ответ: ни одного. Вопрос: а почему? Ответ: а по халатности. Значит, с сегодняшнего дня один из вас будет дежурить при мне, а второй — при моем двойнике.

— Чрезвычайно правильное решение, — сказал Урарий. — И позволю заметить: существование кибер-а настолько засекречено, что находиться при нем прямая обязанность нашего талантливого начальника Департамента секретов.

— Прошу прощения, но мой дорогой друг не учел следующего обстоятельства: наличие двойника является важнейшей государственной тайной. А кому охранять тайны, как не славному Департаменту тайн?

— Нет уж, извините: кибер засекречен или не засекречен?

— Засекречен. Но любая засекреченная вещь превращается в тайну.

— Пусть так! Но каждая тайна, в свою очередь, становится секретом. Логика!

— Вы меня логикой не пугайте!

— А вы не делайте из тайны секрета.

— Господа приближенные, будьте взаимно вежливы! — прервал их Дино. — Существование копии является государственной тайной, и тут ничего не по-

пишешь. Значит, при кибере будет тайный начальник, а секретный — при мне. Все. Точка!

— Ваше Равенство, вы отдаляете меня от вас? — обиженно спросил Урарий.

— Нет, я только приближаю тебя к моей копии.

И Урарий успел заметить злорадную улыбку своего тучного соперника.

Гуманитологи нервничали... А неясные слухи об успехах конструкториев обрастали невероятными подробностями, в которых было все, кроме правды.

В этот день Предводитель гуманитаров вызвал своих заместителей и заперся с ними в кабинете.

— Я должен сообщить вам крайне удручающую новость! — сказал Предводитель. — К сожалению, мои опасения оказались не напрасными. Бесчестным конструкториям удалось-таки втереться в доверие к Попечителю.

— Да что вы говорите!

— Откуда это известно?

— Может быть, все не так страшно?

— Нет, страшно! И именно так! Не далее как вчера ночью всех конструкториев собрали и увезли. А вы понимаете, что это значит? Это значит, Попечитель признал работу конструкториев настолько важной и перспективной, что приказал немедленно отправить их в более тихие места и создать им такие условия, чтоб никто не мешал их деятельности.

— Вот везунчики!

— Я всегда говорил, что эти проходимцы умеют устраиваться!

— Но что же нам теперь делать?

— Нужно пойти к Попечителю, — твердо сказал Предводитель. — Пойти и добиться такого положения, какого добились пройдохи конструктории. Мы заслужили это, господа, и получим. Я верю в справедливость Великого Попечителя!

— Десять... девять... восемь... семь... — отсчитывал кто-то напряженно и четко.

Загадочный, напоминающий сложную счетную машину аппарат шевелил стрелками приборов... Загорались и гасли разноцветные лампочки, и стремительные зигзаги изменяли очертания на его голубых экранах.

Что это за фантастическое достижение науки и техники?

И кто этот человек в белом халате? Он сидит за пультом управления, нажимая на многочисленные кнопки и не отрывая взгляда от тревожно вспыхивающих цифр...

— Шесть... пять... четыре... — продолжал отсчитывать голос.

Пальцы сидящего у пульта человека все ближе подбирались к красной кнопке...

— Три... два... один... ноль!

Человек нажал кнопку.

Взвыла сирена...

И из никелированной трубки тонкой струйкой потекла в маленькую чашку темная жидкость.

Загадочный аппарат, именуемый в просторечии кофеваркой, сделал свое дело.

— Кофе для Попечителя готов! — торжественно возвестил голос.

Человек, сидевший у пульта, поставил чашку на поднос и передал вошедшему офицеру охраны.

— Кофе для Равного среди Равных, — сказал он. Офицер пересек коридор и с теми же словами отдал поднос следующему офицеру.

Так, переходя из рук в руки, поднос попал, наконец, к тому, кому доверено было вручать кофе самому Попечителю.

Облеченный доверием офицер вошел в кабинет, где на высоком-высоком кресле за высоким-высоким столом восседал Равный среди Равных, и, взойдя по ступенькам, поставил перед ним кофе.

— Слушаю вас, господа гуманитологи, — сказал, прихлебывая кофе, Попечитель. — Просите все, что вам требуется, и не бойтесь. Ибо вы имеете такое же полное право просить, как я отказывать.

— Ваше Равенство, — поднялся Предводитель гуманитологов. — Наши опыты по превращению людей в роботов подходят к концу. И теперь нам требуются только полуфабрикаты.

— А разве в Огогондии мало населения? Берите, сколько нужно.

— Но кого брать, Ваше Равенство? По какому принципу?

— Н-да, принцип должен быть. Это верно. — И Попечитель задумался. — А вам не кажется, господа гуманитологи, что в Огогондии развелось много рыжих, а? Ходят тут, понимаете. Все не рыжие, а они, видите ли, рыжие. Нескромно даже как-то получается. И что мы с ними ни делаем, а они все есть и все такие же рыжие!

— Совершенно справедливо, Ваше Равенство.

— Так вот вам и принцип. Все рыжие в вашем распоряжении. А не хватит, мы вам еще каких-нибудь подыщем. Только работайте! — И Попечитель встал, показывая, что аудиенция окончена.

— Браво, Динами! — выкрикнули дружно ученые и удалились.

— Секретный! — позвал Динами, когда гуманитологи вышли.

— Начальник Департамента секретов здесь! — возник посредине кабинета Баобоб.

— Насчет рыжих слыхал?

— Так точно!

— Набросай секретный закон. Я подпишу. А как с бомбами?

— Все в порядке. Моим людям удалось по секрету купить десять бомб. Правда, не то чтобы ультра-современных, но...

— Ничего, ничего, я за модой не гонюсь. Мне лишь бы взрывались. И почему брали?

— Дешевле грибов, Ваше Равенство. Всего по миллиону за каждую...

— Орлы! Хвалю! Урарий!

— К вашим услугам! — ответил, мгновенно материализуясь в воздухе, начальник Тайного департамента.

— А Секретный департамент тебя обскакал. Бомбочки-то они купили! — сообщил Динами.

— Да, Ваше Равенство, я уже знаю, — развел руками начальник тайн. — Молодцы секретники. И всего по полмиллиона за штуку отвалили. Просто поразительно!

— А ты говорил: по миллиону за каждую? — строго обратился Дино к начальнику секретов.

— Ну да, по миллиону за каждую... за каждую пару, — уточнил Баобоб и, едва улыбнувшись, взглянул на Урария: «Ну что, съел?!»

— Bravo, Динами! — выкрикнул Урарий, появляясь в дверях секретного объекта.

— Bravo, брависсимо! — нехотя ответил кибер, лениво поднимаясь с дивана. — Небось опять поведешь меня завтракать?

— А что делать? Я человек маленький...

— Господи! Сто раз я уже завтракал с госпожой Попечительшей! И если бы ты знал, что самое страшное в этих завтраках...

— Догадываюсь.

— Нет, не догадываешься. Манная каша с изюмом — вот чего я не могу терпеть. И вот что мне приходится есть каждое утро. Как только я сажусь за стол, так мне подсовывают эту проклятую кашу!

— Но вы можете ее не есть!

— Да? Черта с два! Мой оригинал обожает это блюдо, и, значит, я, чтобы не вызвать подозрений, тоже должен его обожать. Манная каша с изюмом! — содрогаясь, повторил кибер. — И зачем меня сделали копией Попечителя? Я бы с удовольствием умер, но не знаю, как это делается. Как ты думаешь, приближенный, если я попрошу Попечителя казнить меня, он уважит мою просьбу?

— Честно говоря, не уверен. Доброта нашего Попечителя не знает границ, и он всегда рад в таких вопросах пойти навстречу. Но боюсь, что этой просьбы он не исполнит...

— Так что же мне делать? Неужели нет способа избавиться от манной каши?

Урарий оглянулся по сторонам.

— Если позволите, я мог бы дать вам совет. Но боюсь, что вы не согласитесь...

— Соглашусь, соглашусь...

— Тогда слушайте: сегодня вечером в резиденции состоится грандиозный прием...

Глава шестая

В «хижине» был грандиозный прием. Ожидая появления Дино, послы больших и малых держав, важные государственные мужи и их еще более важные жены, мультимиллионеры и миллионеры среднего достатка неторопливо прохаживались вокруг установленного в центре зала монумента.

Монумент состоял из трех частей: глыба, на глыбе лев, на льве Дино Динами, одобрительно рассматривающий свой занимающий всю стену портрет.

А изображенный на огромном портрете Попечитель с доброй улыбкой и нежностью взирал на каменного всадника. И было ясно, что портрет и монумент весьма довольны друг другом.

Церемониймейстер громко выкрикивал имена вновь прибывающих, объявляя согласно огогондскому этикету реальную стоимость каждого нового гостя.

— Король жевательных резинок господин Андексин-младший, цена пятьдесят миллионов. Вдовствующая королева искусственных заменителей госпожа Химида, восемьдесят миллионов. Король безалкоголь-

ных напитков с супругой, общая стоимость сто пятьдесят миллионов.

Согласно установленному Дино порядку гостей на приемах угощали не слуги, а стоящие вдоль стены железные роботы. И чтобы получить из рук робота, например, бокал шампанского, следовало опустить в щель автомата соответствующую монету.

Вот только что какой-то генерал бросил монету, но увы, шампанское не появилось, и робот, негодяй, делал вид, будто он здесь ни при чем. Генерал безрезультатно нажимал на все кнопки, потом исподтишка пнул робота ногой, но тут же получил ответный пинок.

— Я же заплатил! — тихо зашипел генерал. — Прошу вернуть деньги! — Но робот только навесил на себя табличку «Автомат не работает» — и все!

А в другом конце зала два старых сановника вели неторопливый разговор

— Подумайте только, еще в прошлом году чашка риса стоила десять игреков, а теперь уже двадцать!

— Да, да. Как быстро растет наше благосостояние!

И так, занимаясь самообслуживанием, высшее общество ожидало выхода Великого Попечителя.

А Дино Динами в домашнем халате и шлепанцах, уютно развалившись на тахте, давал облаченному в полную парадную форму киберу последние инструкции:

— На шампанское не налегай: алкоголь — это яд.

Послам ничего не обещаю. Ограничивайся ответами вроде «следует подумать» или «надо посоветоваться». Дамам говори: «Вы все хорошеете». Миллионерам: «Вы все богатеете». А с остальными вообще не разговаривай. Ясно?

— Так точно!

— Через час вернешься незаметно сюда, а я выйду к моему любимому народу.

— Господин Попечитель, а стоит ли вам себя утруждать? Вы достаточно поработали. Почему бы вам не отдохнуть?

— Ах, киберуша, разве есть у меня время отдыхать?

— А почему бы нет? Отдыхайте год, пять лет, всю жизнь. Вы это заслужили.

Но Великому Попечителю подобная забота о его здоровье почему-то не понравилась.

— Что это за разговоры, черт побери? — строго сказал он, вскакивая с дивана. — Что за чушь ты придумал?

— Я просил бы называть меня на «вы».

— Этого еще не хватало!

— И при обращении ко мне не забывайте добавлять «Ваше Равенство».

— Ха-ха! Да кто вы такой?!

— С этой минуты и навсегда я Великий Попечитель Великой Огогондии.

— Приближенные! — заорал Дино Динами. — Эй, приближенные!

— Я здесь, Ваше Равенство, — сказал Урарий, обращаясь к киберу и не глядя на Дино. — Разве сегодня вы сами изволите быть на приеме? А ваша копия будет отдыхать?

— Болван! — завизжал Дино. — Это я — мое Равенство! А он кибер! Оригинала от копии отличить не можешь, недоучка?! А ты что молчишь? — набросился он на Баобоба.

— Я не молчу, господин Попечитель. Я молниеносно соображаю. Ваше Равенство, я должен вас огорчить: произошел государственный переворот.

— Твой толстячок прав, — подтвердил кибер. — И не будем играть в прятки. Я забрал власть! И все! Не надо было отдавать.

— А ты думаешь, я отдал? Дудки! Я обращаюсь к моим верноподданным, к армии. Я позвоню в полицию!

— Послушай, приближенный, — обернулся кибер к Урарию. — Сделай одолжение, объясни этому свергнутому истерику реальную ситуацию.

— Слушаюсь, Ваше Равенство. Понимаете, свергнутый, вы никуда и ни к кому не можете обратиться. Это во-первых. А во-вторых, вам все равно никто не поверит. Посмотрите на него и на себя. Разве, например, Попечители ходят в шлепанцах? Нет, свергнутый, будем объективны: ваше дело проиграно.

— Эх, не ожидал я от тебя такой неблагодарности! — сказал экс-попечитель копии. — Нехорошо! Некрасиво!

— Конечно, некрасиво, — легко согласился кибер. — Даже подло, грязно и бесчестно. Я интриган, предатель, лихоимец, прохвост, жулик. Не отрицаю. Но ведь я твоя копия. И все мои низкие качества перешли ко мне непосредственно от тебя. Меня никто не испортил: ни школа, ни родители, ни дурные товарищи. Только ты. А ведь я мог быть копией какого-нибудь честного, благородного человека. Я мог

бы иметь основания для того, чтобы гордиться своими высокими моральными качествами. Но ты лишил меня этой возможности. И стоит мне только подумать об этом, как я готов тебя казнить! Но к этому вопросу мы еще вернемся. А пока я должен идти к моим любезным верноподданным. Пойдем, дорогой приближенный. И запири этих свергнувших на замок.

Они удалились. И на экране телевизора было видно, как растворились гигантские парадные двери и под звуки огогондского торжественного марша в зал вошли госпожа Попечительша и приятно улыбающийся Великий Попечитель.

— Так обвести вокруг пальца! И кого? Меня! Нет, если даже такого, как я, можно объегорить, значит мир устроен несправедливо! Позор! Позор на мою голову! — закричал Дино, едва его враги вышли.

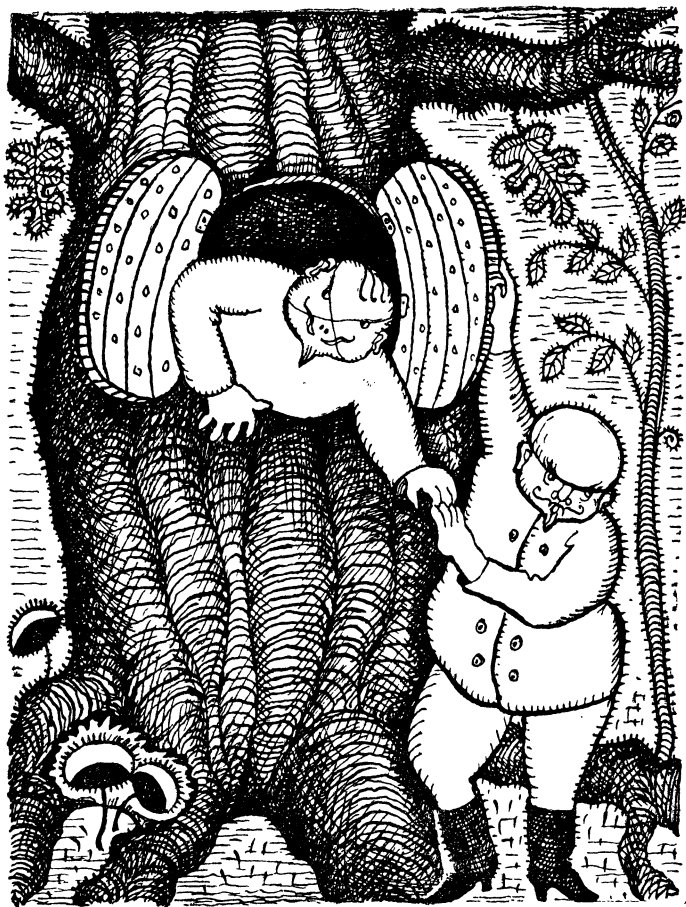
— Ваше Равенство! — прервал причитания Дино Баобоб. — Разрешите дать вам совет. Мне кажется, для отчаяния у нас будет еще много времени. А сейчас нам следует срочно решить, что делать.

— Как что? Восстановить торжество справедливости и вернуться к власти.

— Это само собой. Но для этого, как минимум, надо остаться в живых. Потому что когда к власти возвращаются мертвые, справедливость не торжествует.

— А почему ты уверен, что моя копия нас того... надежно изолирует?

— Именно потому, что узурпатор — ваша копия. Что бы вы с ним сделали?

— Я? — воодушевился Дино. — Да я бы!..

— Вот и он то же самое. Нам надо немедленно бежать. Из этого объекта есть один никому, кроме меня, не известный выход в городской парк.

В старом парке на окраине Огоро луна освещала безлюдные аллеи, раскидистые дубы, каштаны, вязы и прочие деревья, названия которых автору, к сожалению, неизвестны.

Внезапно из дупла столетнего дуба, отдуваясь, выкарабкался Баобоб и, внимательно оглядевшись, прыгнул на землю.

— Угу-гу! — подал он условный сигнал, долженствующий изображать крик филина.

— Угу-гу! — раздалось в ответ, и из того же дупла вылез Дино.

— На дворе трава, на траве дрова... — тихо произнес начальник секретов, и вход в дупло надежно закрыли автоматические створки, неотличимые от грубой коры дерева.

Стараясь держаться в тени, пугливо прижимаясь к стенам домов, беглецы направились в город.

Всю ночь экс-попечитель и приближенный занимались уголовными деяниями.

Сломав замок, они забрались в магазин готового платья и похитили два костюма.

Разбив окно, они проникли в парикмахерскую и наголо остригли и побрили друг друга.

Теперь их нельзя было узнать. Они изменились до того, что Баобоб, взглянув на безусое, безбородое, до неприличия обнаженное лицо Динами, по-

зволил себе даже непочтительно хихикнуть. Но Дино не обратил на это внимания.

— Ничего, ничего! — с угрозой сказал экс-попечитель, поглаживая бритую лысую, как бильярдный шар, голову. — Они мне за все заплатят. И за усы, и за бороду, и за каждый волос, который упал с моей головы и, черт его побери, попал мне за шиворот!

— Несомненно, господин Попечитель! — поддержал его приближенный. — У меня есть все основания полагать, что ваша копия долго у власти не продержится. Дело в том, что мне, как начальнику Департамента секретов, уже давно известно о том, что ваш двойничок с брачком. Просто я не хотел вас огорчать. — И Баобаб рассказал Динами, что у копии есть один не известный ей самой дефектик. И стоит киберу хоть один раз над чем-нибудь серьезно задуматься, как у него что-то там перегреется, выйдет из строя, и он, попросту говоря, свихнется.

— Это точно? — спросил, не веря такой удаче, Дино.

— Абсолютно!

— Так почему же он до сих пор не свихивался?

— А когда ему приходилось задумываться? На конкурсах красоты, что ли? Причем, Ваше Равенство, учтите: конструктории хранили этот факт в страшной тайне и, следовательно, доложить вам об этом должен был Департамент тайн. Но разве это департамент? Урарий до сих пор даже не подозревает о существовании дефекта.

— Ну и конструктории, ну и молодцы! — возликовал Дино. — Кибера с недоделками сдали. Ах, благодетели! Значит, кибер сходит с ума, а мы опять при-

ходим к власти? Вот как даже халтура может приносить пользу человечеству.

Это историческое заявление было сделано под мостом, сооруженным в честь дня рождения Дино Динами и носившим имя Великого Попечителя.

Новый Попечитель действовал решительно, энергично, с характерным для Дино размахом.

Правда, вначале, узнав, что свергнутые исчезли, он решил было впасть в бешенство и устроить скандал с мордобитием. Но тут же взял себя в руки и здраво рассудил, что скандал от него никуда не уйдет, а сейчас необходимо в первую очередь выловить Динами.

— Оцепить весь город, — приказал он Урарию. — Прочесать каждую улицу, каждый дом. Задерживать всех мало-мальски похожих на меня.

— Слушаю. Но как объяснить полиции, кого мы ищем?

— Скажите, что появился самозванец, утверждающий благодаря случайному сходству, что он — это я... то есть что я — это он. То есть что я не он, а он не я. В общем, ты меня понимаешь... Действуй! Стой! Чуть не забыл: немедленно издай закон о повсеместном запрещении манной каши с изюмом!

Так, казалось бы, совершенно безопасная нелюбовь к манной каше положила начало тем трагическим событиям, о которых пойдет речь в дальнейшем.

И следует полагать, что когда-нибудь произведут серьезные научные исследования о влиянии субъективных вкусовых ощущений на объективный ход истории.

Глава седьмая

Город проснулся от воя сирен. Включив сирены, полицейские машины мчались по улицам, и вскоре на каждом углу появились усиленные патрули.

Бдительные полицейские, снабженные точной инструкцией, внимательно вглядывались в лица прохожих.

— Эй ты, в шляпе! — окликнул полицейский какого-то старичка. — Иди-ка сюда!

— Слушаю вас... — торопливо засеменил старичок.

— А ну-ка сними шляпу. Похож? — спросил полицейский у своего младшего напарника.

— Вроде бы нет... — неуверенно ответил напарник, сравнивая старичка с возвышающейся на перекрестке статуей Дино.

— А бородка?

— Вроде бы да...

— Марш в машину! — приказал старичку полицейский, и дисциплинированный гражданин послушно полез в автобус, где уже теснились обладатели модных в Огогондии усов и бородок а-ля Динами.

— А ты давай побдительней! А то — «вроде бы нет, вроде бы да», — передразнил старший напарник, и они продолжали нести свою нелегкую службу.

— Мадам! — остановил младший полицейский пересекавшую улицу женщину. — Попрошу вас на минутку.

— В чем дело?

— Сейчас узнаете. Станьте в профиль. Ну, что скажешь?

— Так она вроде бы не совсем того пола... — засомневался старший полицейский.

— А усы?

— Усы действительно налицо. Мадам, попрошу вас в машину.

Над перекрестком повис вертолет, и из него по веревочной лестнице спустился дежурный офицер.

— Ну как, много на этом перекрестке задержали? — осведомился он.

— Тридцать с бородками и шестьдесят с усами, — бодро доложил старший полицейский и вдруг испуганно умолк, поймав на себе подозрительный взгляд начальства.

Офицер молча переводил взгляд с одного подчиненного на другого, а полицейские смотрели на офицера, и каждый видел на лицах своих собеседников те самые сакраментальные подозрительные усы а-ля Динами.

— В машину за мной шагом марш! — мужественно скомандовал офицер, и три бдительные жертвы верноподданнической моды строевым шагом направились к полицейскому автобусу.

О нет, не напрасно Дино приучал своих граждан к бездумному исполнению приказов. Вот сейчас было приказано ловить похожих на Попечителя. Похожих ловили, а на безбородых и безусых не обращали внимания, ибо любое отклонение от приказа считалось вольнодумством.

Экс-попечителя и приближенного ни разу не остановили.

Но день подходил к концу, где-то нужно было

спрятаться на ночь, и тут у Баобоба появилась блестящая идея.

Почему бы им не вернуться в секретный ход и не переночевать там? Более того, по секретному ходу они могли пробраться в секретный объект, где по ночам никого не бывает, и воспользоваться запасами из холодильника.

Это была замечательная мысль.

И поздним вечером экс-попечитель и Баобоб пришли в парк.

— Вот наш дуб, — сказал приближенный. — Теперь нужно постучать по дереву пять раз (три длинных, два коротких), произнести: «Карл у Клары украл кораллы», — и вход в дупло откроется сам собой.

— Так чего ж ты ждешь! Стучи! Произноси!

— Слушаюсь! Раз, два, три, четыре, пять... Карл у Клары украл кораллы. Открылся вход?

— И не подумал.

— Странно. Наверное, это не тот дуб. Попробую постучать по соседнему. Раз, два, три, четыре, пять... Карл у Клары украл кораллы. Ну как?

— Все так же.

— Боже мой, неужели я забыл, в каком именно дереве находится наше дупло?

— Введите задержанных, — произнес дежурный чин, и полицейские втолкнули в комнату Дино и Баобоба. Их изрядно помятый вид и синяки под глазами свидетельствовали о том, что времени даром они не теряли.

— За что задержали? — спросил дежурный.

— Да вот, разрешите доложить, бегали эти двое

ночью по парку, хулиганили, стучали по деревьям и кричали про какого-то Карла, который украл у какой-то Клары какие-то кораллы. Фамилии и адреса укравшего и потерпевшей задержанные назвать отказались. И вообще при задержании оказали яростное сопротивление, нанеся различными частями своих тел ряд болезненных ударов по нашим кулакам.

— Назююкались, — определил опытный дежурный и не без профессионального любопытства уточнил: — А что пили?

— Все пили, — быстро ответил Баобоб. — Все подряд смешивали.

— И даже не закусывали, — добавил Дино. — Вот дураки!

— Отведите их в камеру, пусть проспятся! — решил дежурный. — А впрочем, подождите! — И, подойдя к задержанным, он начал подозрительно осматривать их. — Вы почему лысые?

— Как почему? От природы, — нашелся Дино.

— Врете! Лысыми с детства не бывают. Значит, вы свои шевелюры сбрили. Так? А какого цвета у вас были волосы до бритья? А?

— Черного. Мы брюнеты.

— Жгучие брюнеты.

— Опять врете! Брюнетам незачем бриться наголо. Вы оба рыжие!

— Нет, нет! — испуганно закричали задержанные.

— Тогда назовите имена десяти свидетелей, которые подтвердили бы, что вы никогда не были рыжими. Есть такие свидетели? Ага, молчите? В таком случае я обвиняю вас в том, что вы рыжие. И согласно личному приказу Равного среди Равных отправляю вас туда, куда теперь свозят всех рыже-

мордых! Думаю, из вас там сделают пару отличных роботов. Ха-ха-ха!

А Дино Динами посмотрел на свой висевший в простенке портрет, и ему почудилось, будто Великий Попечитель на портрете в ужасе схватился за голову.

Помещение, куда ввели Дино с приближенным, было похоже на небольшой клубный зал. И если бы не стоявшие у стен странные личности с автоматами, нацеленными на сидящих в зале, можно было подумать, что собравшиеся пришли сюда послушать популярную лекцию. Тем более что здесь был и так называемый лектор.

— Вы счастливые люди, вам просто повезло, — говорил он, обращаясь к слушателям. — От чего более всего страдает человек? От несбыточных желаний и неудовлетворенных потребностей. А вы, превратившись в роботов, не станете испытывать никаких желаний, а это значит, что все ваши потребности будут полностью удовлетворены. Могли вы когда-нибудь мечтать об этом?

Человека гнетут заботы, мучает совесть, терзает зависть, раздирают противоречия. Это не жизнь, это ад. А вы, превратившись в роботов, не будете знать ни забот, ни волнений, ни страхов. И если не это, то что же тогда можно назвать райской жизнью? Процедура превращения в роботов проста и безболезненна. Вам размагнитят память, как размагничивают записи на магнитофонных лентах, и вы забудете все, что знали. Затем на свежую голову вас обучат нужному ремеслу — и все! Посмотрите на них, — и лектор указал на вооруженных субъектов, — разве мож-

но сказать, что им плохо? А ведь они роботы. Так что не бойтесь. Кто желает пойти вне очереди первым?

— Я, — поднялся рослый мужчина.

— Вот молодец! А почему вы хотите быть первым?

— Вы говорили, что роботов лишают памяти?

— Да.

— Так вот я хочу поскорей забыть, что живу в проклятой Огогондии! — И, ударом ноги отворив дверь, человек вошел в кабинет.

— Ишь ты какой! — возмутился лектор. — Мало этому рыжему, что его без очереди пропустили, так он еще выражается! Кто следующий? Пожалуйста, у нас однсврременно работают несколько мастеров. Теперь ваша очередь. — Это относилось к Дино и Баобобу.

— Нет, нет, я подожду своего мастера, — сказал Динами.

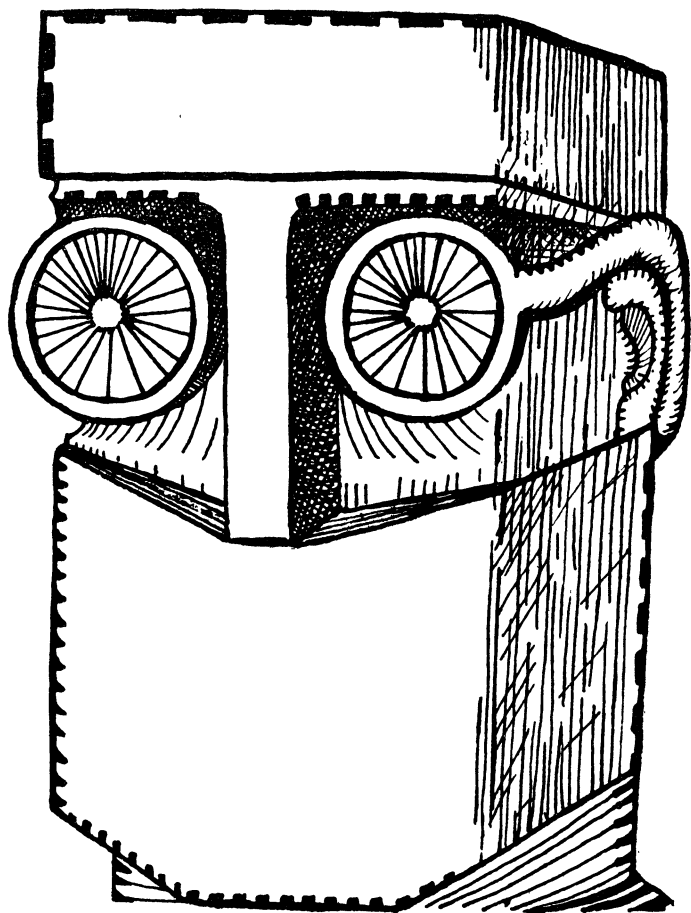
— У нас все мастера хорошие. Проводите их!

И, подчиняясь приказу, дюжие роботы, подхватив под руки Дино и приближенного, потащили их в разные процедурные.

— Браво, Динами! — закричал, прощаясь, Баобоб.

— Браво, брависсимо! — ответил, дрыгая ногами, экс-попечитель.

Через минуту Дино был накрепко привязан к приспособлению, напоминающему зубоврачебное кресло, и роботы вышли. А в кабинете появился гуманитолог. Пациент и ученый посмотрели друг на друга (первый со страхом, а второй с безразличием) и, конечно же, друг друга не узнали. А между тем они уже встречались. Только тот, которому сейчас предстояло превра-

таться в работа, был тогда Величайшим из Великих, а теперешний гуманитаролог Котангенс считался в те дни еще конструкторием и, с благоговением внимая каждому слову Динами, думал: «Прогадал я или не прогадал?»

И когда ученый начал опускать на голову Дино куполообразный размагничивающий дроссель, пациент вдруг заговорил.

— Доктор, — торопливо сказал Дино, — я хочу вам назвать свое имя.

— Меня это не интересует, — ответил Котангенс.

— Я должен открыть вам страшную тайну. Я Дино Динами.

— Очень приятно.

— Нет, я тот самый Дино Динами. Настоящий. Равный среди Равных. Величайший из Великих.

— Вы очень интересно рассказываете. А теперь держите голову неподвижно. Я включаю размагничиватель.

— Одну минуту! Вы успеете его включить. Выслушайте меня. Я Дино Динами! Попечитель. А в моей резиденции сидит сейчас кибер, моя проклятая копия, мой двойник!

— Копия? — насторожился Котангенс. Уж ему-то хорошо было известно, что о копиях знал только самый узкий круг конструкториев.

— Да, копия. Только она долго не продержится у власти, потому что у нее есть дефект и она вот-вот сойдет с ума.

— Дефект? — еще больше удивился Котангенс, прекрасно знавший о пресловутых недоделках и дефектах. — Откуда вы вообще знаете о копиях? Это же государственная тайна.

— Какие могут быть тайны от меня?

— Да кто вы такой в конце концов?

— Я целый час твержу тебе, что я Дино Динами. Конструктории сделали мою копию, а она захватила мою власть. И сними с меня этот дурацкий набалдашник! А то еще размагничусь!

— Не нервничайте! Я слушаю всю вашу болтовню именно потому, что могу в любой момент нажать на кнопку, и вы забудете все, в том числе и этот разговор. И если даже вы в самом деле были бы Дино Динами, я все равно не знал бы, как с вами поступить.

И Котангенсом снова овладели мучительные колебания.

— Есть только два выхода, — быстро заговорил, пользуясь замешательством ученого, Дино. — Первый: ты можешь превратить меня в робота. Второй: ты можешь оставить меня человеком. Рассмотрим оба варианта. Ты превращаешь меня в робота, и все остается по-прежнему. Ты ничем не рискуешь, но ничего не выигрываешь, до конца своей жизни оставаясь обычным заурядным ученым. Правильно я говорю? Правильно! А если ты рискнешь и оставишь меня человеком, я выведу тебя в люди. Я вернусь к власти и присвою тебе звание адмирал-кормчего! Я сделаю тебя Главнокомандующим академией наук, старшим приближенным и его заместителем одновременно. Я назначу тебя главой школы и светочем науки. Я отдам за тебя замуж свою дочь.

— У вас же нет дочери.

— Неважно! Удочерю кого-нибудь. Рискни! Ни у одного человека в мире не было шансов сделать такую потрясающую карьеру. Рискни, тебе говорят!

— Ну что вы меня мучаете! — завизжал Котангенс. — Что вы меня терзаете! Всю жизнь я прикидывал, как бы не прогадать, и каждый раз прогадывал и расстраивался. А тут я только махнул на себя рукой, только успокоился, так черт вас принес на мою голову, мучитель проклятый! Вот сейчас как нажму кнопку, как размагничу вас, так узнаете!

— Ну и нажимай! — закричал Дино. — Размагничивай! Ну, долго я ждать буду?

Может быть, ученый привык, чтобы на него кричали. Во всяком случае, он прекратил истерику и сразу успокоился.

— Но если я оставлю вас человеком, вам все равно придется притворяться беспамятным роботом, — предупредил он, развязывая Дино.

— Ну и что? Ты меня не знаешь. Я одаренный, я все могу. И все стерплю! Только бы моя копия скорее... того... задумалась!

Глава восьмая

— Господин Попечитель, — докладывал Урарий. — Только что получен ответ Великих Диктаторий на ваше предложение собраться для перераспределения планет.

— Ну, ну?

— Категорически отказываются. Это, говорят, вопрос решенный и пересматривать его нет оснований. Как за Огогондией Солнце закрепили, так оно и будет.

— Эх, мне бы побольше бомб! Они бы, Попечители, со мной так не посмели разговаривать.

— Есть бомбы, Ваше Равенство. Самые модные, импортные. И продать их согласны.

— Так чего ж ты не покупаешь?

— Вот он, министр финансов, денег не дает.

— Как не дает? — удивился Попечитель. — Ты что ж это, министр, человека обижаешь?

— Нет у нас финансов, Ваше Равенство, — прижал руки к груди министр. — Да неужели бы я на такое святое дело, как бомбы, денег пожалел? Ни одного игрека в казне не осталось, честное министерское!

— Интересная петрушка в Огогондии получается. Министерство финансов есть, министр финансов есть, а финансов нету?! Чем же твое министерство занимается?

— Государственные долги подсчитывает. Работы хватает!

— Вот и одолжите у какой-нибудь Диктатории требуемую сумму, — подсказал Урарий.

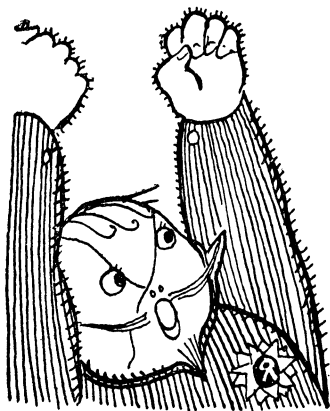
— Пробовал. Не дают. Колоссалия сама у Потрясалии одолжила. А Грандиозия из-за безденежья половину своей планеты Великании продала!

— Вот видишь. А мы можем Солнце продать, — предложил Попечитель.

— А кто его купит, Ваше Равенство, когда оно и так всем светит?

— Это он верно говорит, — подтвердил Урарий.

— Вы мне надоели! — грохнул по столу кибер. — Этот прав, тот прав... Никакой инициативы проявить не можеге! Катитесь отсюда, я сам что-нибудь придумаю!

И исполняющий обязанности Великого Попечителя начал думать.

Нахмурившись, он шагал по своему просторному кабинету.

Торопливо листал и отбрасывал какие-то внушительных размеров книги.

Что-то подсчитывал на бумаге и, разорвав свои записи, снова думал и шагал, шагал и думал.

И внезапно предметы в кабинете сами по себе стали меняться местами. Ковер, оторвавшись от пола, всплыл к потолку, а свисавшая с потолка люстра, словно причудливое дерево, выросла из пола. Диван сдвинулся с места и на собственных ножках принялся шагать из угла в угол, иногда сталкиваясь с Попечителем, когда их пути пересекались, а иногда предупредительно уступая дорогу.

— Приближенный! — заорал кибер, и Урарий тотчас возник рядом. — Приближенный, я нашел выход! У нас будут деньги! Какая маленькая страна граничит с нами?

— Липеция, Ваше Равенство, — недоумевая, ответил Урарий.

— Липеция? Очень хорошо. Пиши: «Нота». Написал? Теперь с новой строки: «Попечитель Огогондии свидетельствует свое глубочайшее уважение Президен-

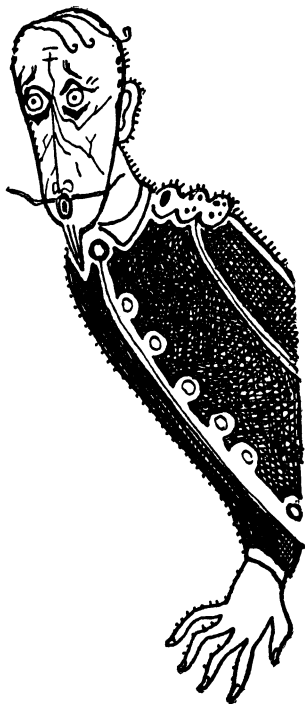
ту Липеции и просит его принять во внимание следующее:

Учитывая, что на Липецию круглый год падают солнечные лучи и, таким образом, Липеция, по самым скромным подсчетам, потребляет не менее одного миллиарда киловатт-часов солнечной энергии в год,

а также принимая во внимание, что на основании исторического Соглашения Попечителей Великих Диктаторий Солнце, а следовательно, и солнечная энергия являются собственностью Огогондии,

Огогондия настоящим извещает Липецию, что последняя за пользование солнечной энергией обязана выплатить Огогондии миллиард иксов из расчета 2 игрека за 1 киловатт-час вышеназванной энергии». Написал? Я тебя спрашиваю, написал?

Но приближенный не

мог ответить: потрясенный беспрецедентным требованием, он упал в обморок.

— Встать! — скомандовал кибер, и четкая команда заставила Урария мгновенно прийти в себя. — Пиши дальше:

«Деньги должны быть внесены в банк в месячный срок. За каждый день просрочки платежа будут начисляться пени в размере 0,1% от всей суммы».

— Не станут они платить, Ваше Равенство, — осмелился сказать приближенный. — Такого еще не бывало.

— Заплатят. Я все продумал. Пиши: «Если же, господин Президент, Липеция в течение полугода долга не выплатит, Огогондия вынуждена будет сбросить на нее весь свой скромный запас ядерных бомб». Точка. «Обнимаю вас. Привет вашей супруге. Дино Динами».

— Бред! Типичный бред сумасшедшего! — радостно кричал, размахивая газетой, настоящий Дино. — Ни один нормальный человек не додумался бы выдвинуть такое нелепое требование.

— Да, мозг кибера явно не выдержал перегрузки. Индекс логики вышел из строя, — подтвердил Котангенс.

— Представляю, как вся Аномалия хохочет над Огогондией! И тем лучше. Все поймут, что я не мог написать такого бредового послания! Все увидят, что здесь что-то неладно, и я вернусь к власти и сделаю тебя, кем ты только захочешь!

— Большое спасибо, Ваше Равенство. Но пока, умоляю вас, будьте осторожны. Не забывайте, что...

— Об этом не беспокойся. — И Дино тотчас снова превратился в робота и, тупо глядя перед собой, покинул процедурную, где происходил этот разговор.

— Господа Великие Попечители, мы собрались, чтобы немедленно решить, как нам следует реагировать на беспрецедентные и непонятные требования Попечителя Дино Динами. — Так начал совещание в верхах Председательствующий Попечитель. — Я уверен, что обмен мнениями будет носить откровенный характер и пройдет в дружественной, теплой обстановке.

Участники совещания согласно закивали, и даже несдержанный Попечитель Колоссалии Отдай Первый изобразил на своем лице нечто среднее между улыбкой и нервным тиком.

Для обсуждения важных вопросов главам Великих Диктатурий отнюдь не нужно было съезжаться со всех концов Аномалии, они пользовались телевидением, и совещания на высшем уровне следовало бы скорей назвать телесовещаниями.

В главных резиденциях имелись специально оборудованные комнаты, в стенах которых каждый раз загоралось столько экранов, сколько стран принимало участие в телесовещании. Таким образом, любой участник совещания мог видеть на экранах своих коллег и решать с ними вопросы войны и мира, не снимая комнатных туфель.

— Кто просит слова?

— Я! — закричал Отдай Первый. — Я объявляю войну Огогондии — и все!

— Разрешите, — сказал холеный Попечитель Потрясалии. — Я совершенно согласен, что иск, предъявленный Огогондией Липеции, является беспрецедентным в истории государств и народов. Но беспрецедентность того или иного иска не является достаточным свидетельством его незаконности и юридической необоснованности. Возможно, несколько поспешным было решение, делавшее Солнце собственностью Огогондии. Возможно. Но поспешность принятия какого-либо решения не может отменить законность последнего. Следовательно, Солнце принадлежит Огогондии. Так?

— Так.

— Мы сами это на днях категорически подчеркнули. Так?

— Так.

— А теперь представьте себе, что у вас есть корова...

— Корова?!

— Какая корова?

— Что вы подразумеваете под словом «корова»? — недоумевали Попечители.

— Повторяю: представьте себе, что у вас есть обычная корова, которая дает вам молоко. Является ли это молоко вашей собственностью?

— Конечно.

— Должны ли вам потребители за это молоко платить?

— Еще бы!

— Ну вот. А солнечная энергия так же принадлежит владельцу Солнца, как молоко владельцу коровы.

— М-да...

— А раз так, то почему за молоко, например, платить нужно, а за солнечную энергию — нет? Где логика? Где закон? Сегодня кто-либо отказывается платить за солнечную энергию, завтра — за молоко, послезавтра — вообще за продукты и товары! А там вместе с товарами начинают бесплатно присваивать фабрики и заводы, выпускающие эти товары. Вот к чему ведет нарушение буквы закона. Закон есть закон!

Попечитель Потрясалии замолчал, а его высокие коллеги задумались.

Слова о законе показались им весьма убедительными. Тем более что лучше потерять чужую Липецию, чем свои заводы.

— Ай да Динами! Хитер, собака! — четко сформулировал общую мысль Попечитель Грандиозии.

— И согласитесь, что нужно быть гениальным человеком, чтобы додуматься до такого небывалого требования, как плата за Солнце.

— Да, Дино Динами — это штучка!

— Я всегда знал, что он ловкач, но чтобы этак!..

— И главное, на законном основании. Придется Липеции раскошелиться.

— А если завтра он потребует плату за Солнце с нас?

— Не потребует. Он прекрасно понимает, что мы не Липеция.

— Но мы должны безотлагательно получить от него официальный документ о праве Великих Диктаторий на вечное бесплатное пользование солнечной энергией.

— Вот это верно. И не сомневаюсь, что Дино такую декларацию издаст. Он достаточно умен, раз сумел так ловко обвести всех нас вокруг пальца!

И наавтра вся Аномалия узнала, что Попечители сочли претензии Огогондии законными и требуют от Липеции беспрекословного соблюдения закона, ибо несоблюдение последнего ведет к анархии.

Правда, в Липеции нашелся один юрист-правдолюб, который попытался плыть против течения. «Я согласен, — писал этот смельчак в газете «Голос в пустыне», — что от законов, какими бы они ни были, нельзя отступать ни на йоту. Однако известно, что не Солнце вращается вокруг Аномалии, но Аномалия вращается вокруг Солнца и находится в полной зависимости от последнего. И следовательно, назначение любого государства планеты Аномалии владельцем Солнца является с юридической точки зрения незаконным. Не может вассал быть хозяином своего сюзерена. А раз так, Огогондия не имеет права требовать уплаты за пользование имуществом ей, Огогондии, не принадлежащим. Закон есть закон».

Но Великий Попечитель послал правдолюбцу письмо, из которого следовало, что так как правдолюбец провел два месяца на южном курорте под южным солнцем, то на него лично было израсходовано в этом году более 100 тысяч киловатт-часов солнечной энергии.

И если он не прекратит блистать эрудицией, то ему из собственного кармана придется уплатить Огогондии за амортизацию Солнца все до последнего игрека.

А коль ему так уж необходимо проявить свою образованность, пусть переезжает в Огогондию, где его таланту будут отданы все почести, вплоть до бесплатной квартиры и надбавки за принципиальность.

Так юрист-правдолюб стал просто юристом. Или, говоря точнее, личным юрисконсультom Великого Попечителя.

Глава девятая

Нельзя сказать, что при настоящем Дино Динами его приближенные жили спокойной, способствующей долголетию жизнью. Нельзя утверждать, что они были уверены в своем безоблачном будущем.

Но теперь прежняя работа у Дино казалась Урарию санаторным отдыхом. Потому что действия Лжединами невозможно было ни понять, ни тем более предугадать.

Вот, например, к Попечителю прибыла очень важная делегация.

— Ваше Равенство, — торжественно доложил Урарий, — разрешите представить вам делегацию союза королей-промышленников: король нефти, король стали, король уцененных товаров.

— Очень приятно, — буркнул кибер.

— Господин Попечитель, от имени нашего союза, — сказал король нефти, — мы хотим поздравить вас с тем, что Липеция начала вносить в огогондский банк плату за Солнце. Короли-промышленники восхищены вашей смелой и гениальной идеей. Собственность есть собственность. И пусть Липеция платит!

А кибер, вместо того чтобы обрадоваться, вдруг застонал, нескладно размахивая руками, заметался по кабинету. А затем упал в кресло и, обхватив голову, стал горестно раскачиваться из стороны в сторону.

— Господин Попечитель, что с вами? — решился спросить король стали.

— Ах, короли, меня мучает совесть, — ответил, продолжая раскачиваться, кибер. — Некрасиво поступаю я, короли, несправедливо. Понятно?

— Ваше Равенство, мы в невероятно затруднительном положении. С одной стороны, мы не можем усомниться в абсолютной правдивости ваших слов, а с другой — не можем поверить, чтобы вы поступали несправедливо.

— А я вам говорю, что я несправедлив! — упрямо повторил кибер. — И не спорьте! Я несправедлив по отношению к Липеции. Почему она должна платить нам деньги за Солнце?

— Потому что...

— Не перебивайте! Почему она должна платить нам деньги за Солнце, а другие не должны? Пусть все платят!

— Но, господин Попечитель, вы сами дали Великим Диктаториям право на бесплатное пользование Солнцем, — вставил Урарий.

— И пусть пользуются. А другие страны все должны платить, чтоб Липеции не было обидно. Я никому не позволю обижать Липецию. Она не виновата в том, что она маленькая!

— А сколько должна платить каждая страна?

— Строго по закону. Приказываю поставить во

всех малых странах счетчики солнечной энергии. Сколько каждая страна будет потреблять, столько будет платить! Счетчики научат их экономить нашу родную солнечную энергию, а не транжирить ее по-чем зря!

В прокуренной пивной стояла невероятная тишина. Забыв про пиво, верноподданные с благоговением слушали выступление своего обожаемого Попечителя.

А на огромном экране телевизора бесновался кибер.

— Если же какие-нибудь государства откажутся поставить у себя счетчики, — кричал он, — плата за пользование Солнцем будет этим странам начисляться по количеству проживающих там подданных. А это странам с большой плотностью населения обойдется значительно дороже! Но сие, как говорится, дело хозяйское. А мы во внутренние дела других стран не вмешиваемся. Огогондия хочет получить только то, что ей полагается. И не будь я Дино Динами, если Огогондия этого не получит. Я заставлю всех бережно относиться к Солнцу и экономить нашу солнечную энергию. Пусть почаще устраивают пасмурную дождливую погоду без прояснений — вот и меньше платить придется. Пусть делают у себя подлиннее ночи и покороче дни. Отдельные государства пытаются утверждать, что это, мол, от них не зависит. Ерунда! Научились же северные страны организовывать у себя ночи, которые длятся по полгода. Пусть и другие научатся. Учиться никогда не позд-

но. Учение — свет, а неученье — тьма. Спасибо за внимание!

Дино Динами исчез, и тут же появился диктор.

— Вы прослушали очередное историческое выступление нашего Великого Попечителя, — торжественно произнес он. — Браво, Динами!

— Браво, брависсимо! — дружно вскочили за-всегдатаи пивной и, покричав минут десять, снова на-легли на пиво.

— Все же крайне любопытно, профессор, — говорили за одним столиком, — каким образом, путем каких логических построений Динами пришел к такой, казалось бы, невероятной и в то же время простой мысли, как плата за Солнце?

— Гений, — коротко объяснил профессор.

— И теперь уже кажется странным, как это раньше никто не додумался до этого. Почему его первого озарила эта идея?

— Гений! — повторил профессор. — И не ищите, коллега, иных объяснений. Честно говоря, я прежде позволял себе в глубине души безмолвно критиковать некоторые действия Дино. А теперь я убедился: Дино знает, что делает. Ох знает! И если мы не всегда можем проследить внутреннюю логику его поступков, то это только потому, что он гений, а мы простые смертные.

— Да, господа, повезло нам, что мы родились в Огогондии! — кричали за другим столиком. — За Солнце платить не надо — раз. Рыжих истребили — два. Самого лучшего Попечителя имеем — три. И вообще мы лучше всех — четыре!

— Вот ты меня спроси, за что я уважаю Дино? — громко просил пьяный. — Спроси!

— За что ты его уважаешь?

— За все я его уважаю. Вот!

— Нет, вы мне скажите, почему все за Солнце платят, а Диктатории нет? Чем они лучше других?

— Ничего, мы еще до них доберемся. Дино знает, что делает. Солнце наше. А Дино — Властелин Солнца. Понятно? — И мордастый детина, сказавший это, поднялся, расплескивая пиво. — Эй, вы все! Я предлагаю выпить за Дино Динами — Властелина Солнца!

Властелин Солнца! Так в пропахшей пивом и табачным дымом пивнушке появились эти нелепые и страшные слова — Властелин Солнца.

С тех пор как Дино стал Великим Попечителем, ему довелось услышать применительно к себе немало самых лестных определений. Один огогондский ученый составил даже двухтомный «Словарь эпитетов, связанных с именем Дино Динами» (за что, между прочим, получил звание Главного Фонетика, дающее право на орфографические ошибки). В этом словаре такие прилагательные, как солнцеподобный и солнцеликий, были чуть ли не самыми скромными.

Но еще никогда ни одного Владыку не называли Властелином Солнца. Бывали империи солнца, бывали короли-солнце. Но Властелинов Солнца еще не бывало.

А теперь вся Огогондия, а за ней и другие страны стали именовать Дино Динами только так — Властелин Солнца.

От частого употребления всякого рода словосочетания или теряют смысл, или, наоборот, приобретают его. И как раз последнее случилось с этим образным выражением — Властелин Солнца.

Сначала Попечителя так только называли, а потом стали верить, что раз его так называют, значит так оно и есть.

На далекой планете Аномалии часто путали причину со следствием.

И по улицам Огого начали шагать упитанные молодчики. Распевая воинственные песни, они призывали вступать в Союз солнцепоклонников (в дальнейшем именуемый СС) и в честь Властелина Солнца устраивали по ночам факельные шествия под аккомпанемент марша солнцепоклонников.

Гениален наш Дино
И непобедим.
Лишь ему
Подчиняется Солнце...

Иго-го,
И горды славным кормчим своим,
Ого-го, ого-го,
Огогондцы!

Мы идем, и победа
Нас ждет впереди.
Вся планета
От страха трясется.

Ты го-го,
Ты, горячее Солнце, свети,
Ого-го, ого-го,
Огогондцам!

Глава десятая

А тому, кого величали Властелином Солнца, с каждым днем становилось все хуже. Координация движений у него все больше разлаживалась. И теперь, когда он шел, правая рука его беспрерывно крутилась, напоминая вращение пропеллера. И чем быстрее кибер шёл, тем пропеллер быстрее вращался.

В его речи появился так называемый «эффект испорченной пластинки», и он мог без конца повторять одно и то же слово.

Он все чаще хандрил, и беспричинная злость перемещалась только вспышками ярости.

Сочетание собственных технических дефектов с моральными, перешедшими к копии от оригинала, давало себя знать.

— Вот что, приближенный, — мрачно сказал однажды кибер во время очередного приступа меланхолии. — Мне все надоело! Зачем ты втравил меня в эту историю?

— Простите, я не понимаю, о чем вы говорите, Ваше Равенство, — осторожно ответил Урарий.

— Прекрасно понимаешь. Зачем ты научил меня свержать правительство? У, интриган! Я не хочу быть оригиналом! Я опять только ко... пятьтолькоко... пятьтолькоко, — кибер нетерпеливо стукнул себя в грудь, — я опять только копией хочу быть.

— Но, господин Попечитель...

— Я тебе не Попечитель. Я копия! Копия — и все! Где мой оригинал? Это из-за тебя он исчез! Верни мне его сейчас же!

— Это невозможно! Как я его могу вернуть?

— Не мое дело!

— Ваше Равенство, ну зачем вам какой-то оригинал? Вы же самый настоящий Дино Динами. Властелин Солнца, Великий Попечитель, — ласково пытался уговорить кибера приближенный. — Вы же мудрейший из мудрых, величайший из великих, равный среди равных.

— Нет, я не равный! — упорствовал кибер. — Я не Дино, я не Динами! Я вообще не человек!

— Но этого же никто не знает!

— Так будут знать! Пусть знают. Я хочу, чтоб знали! — И, вращая правой рукой, он бросился к дверям кабинета и распахнул их. — Эй, приближенные! — заорал он. — Все ко мне!

— Приближенные, к Попечителю! Приближенные, к Попечителю! — разнеслось по коридорам, и со всех сторон «хижины» устремились к кабинету приближенные.

И странное дело: у каждого приближенного, словно пропеллер, вращалась правая рука, и поэтому казалось, что приближенные не сбегаются, а слетаются к своему владыке.

Вот увешанный аксельбантами офицер выскочил из комнаты и тоже побежал. Но бежавшие рядом смотрели на него с таким удивлением и недовольством, будто он допустил какую-то бестактность. Да и сам офицер чувствовал, что ведет себя как-то не так, как нужно. В чем дело? Ах, боже мой, он почему-то не знал, что теперь принято вращать рукой. Ну конечно. И офицер тоже начал вращать и, слившись со всеми, свой среди своих, полетел на зов любимого Попечителя.

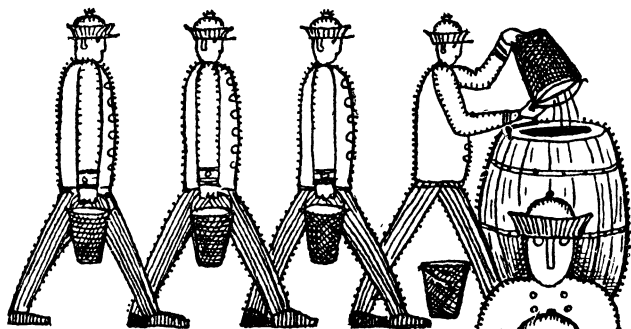

— Слушайте все! — закричал кибер, когда кабинет наполнился приближенными. — Слушайте все и сообщите всем: я вообще не че... обще не че... — И кибер с яростью стукнул себя в грудь. — Я вообще не человек! Вами правит не человек. Не человек!

Даже привыкшие ко всему приближенные растерянно молчали.

— Не человек! — кричал кибер, и крик его гулко разносился по всей резиденции.

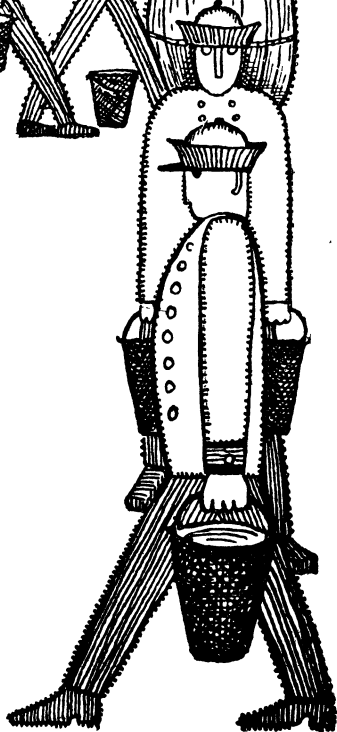
На обнесенном высоким забором плацу в этот день,

как обычно, происходили учения роботов. Глядя на них, можно было подумать, что это манекены, которые сбежали с витрин и собрались здесь для своих манекенных дел.

А впрочем, нет. Любой стереотипный манекен выгодно отличался бы от робота своей индивидуальностью.

А роботов делали одинаковыми не только одинаковые синие спецовки, одинаково размеренные движения и одинаково обесмысленные лица. Было что-то еще, что заставляло роботов становиться неотличи-

мо похожими друг на друга. Может быть, отсутствие чувств. А скорее всего отсутствие воспоминаний. Видимо, человеку все время нужно чувствовать и помнить, что он человек! Человек! Даже если ему стараются внушить, что он сверхчеловек или просто пыль на ветру, он все равно должен быть человеком.

Сегодня роботы приобщались к труду. Делалось это так: в противоположных углах плаца стояли две бочки. Каждый робот, сначала набрав ведро воды из одной бочки, бережно переносил воду во вторую, а затем, зачерпнув из второй бочки, переливал воду обратно в первую. Таким образом, работа не прекращалась, и круг роботов неторопливо и непрерывно вращался по часовой стрелке.

— Робот 17 дробь 15, в процедурную, — раздался голос по радио. — Повторяю: робот 17 дробь 15, в процедурную!

И, подчиняясь приказу, из круга вышел ничем не отличающийся от прочих робот и, не выпуская ведра, тупо глядя перед собой, размеренным шагом направился к зданию.

— Робот 17 дробь 15, — бесцветным голосом доложил он, входя в процедурную и закрывая за собой дверь.

— Здравствуйте, господин Попечитель, — торопливо подбежал к вошедшему Котангенс.

И только теперь Дино Динами разрешил себе стать похожим на человека.

— Зачем ты меня вызвал? — недовольно спросил он. — Конспирации не соблюдаешь!

— Ваше Равенство, потрясающая новость! Кибер сам признался, что он не человек!

- Не может быть! Сам?
- Да, да, признался. При всех. В газетах даже написано.
- Ну, теперь все! Теперь Урарию не выкрутиться!

Давным-давно, еще в первые годы своего попечительства, Дино создал Комитет по углублению и толкованию своих высказываний.

Работа членов Комитета напоминала состязания опытных искателей жемчуга: кто глубже нырнет и вытащит больше перлов.

Нужно отметить, члены Комитета настолько овладели искусством толкования и углубления, что даже в таких кратких высказываниях Дино, как «м-да...» или «ну, ну...», легко находили стройную философскую концепцию, а простейшие междометия Попечителя «О! У-у! А!» ухитрялись разбить на две-три цитаты.

И теперь Урарий в срочном порядке созвал этот уникальный Комитет.

— Нам следует безотлагательно уяснить, какой именно глубокий смысл вложил Властелин Солнца в свою исчерпывающую формулировку «Я не человек», — сказал Урарий. — Кто сегодня дежурный философ?

— Я, господин приближенный, — с достоинством произнес убеленный сединами философ. — По-моему, все ясно. И гениальное высказывание Попечителя можно было предвидеть. Еще древние мудрецы утверждали: все течет, все меняется. Это истина. А человек, как был много тысяч лет назад человеком, так

им и остается, что явно противоречит вышеу... чит-вишеу... читвишеу... («эффект испорченной пластинки» тоже вошел в моду) противоречит вышеуказанному мной постулату. Вот и все!

— Как все? Попрошу вас, философ, выразаться поясней. Вы не Дино Динами и должны свои мысли выражать ясно и понятно.

— Слушаюсь. Человечество развивается, и нечеловек — это следующая, более высокая ступень в развитии человека. Таким образом, прогрессируя и превращаясь из человека в нечеловека, человечество тем самым доказывает ту истину, что все течет и все меняется. А истина превыше всего.

— Нет, господа, конечно, «нечеловек» это звучит. Но хотелось бы, чтобы кто-нибудь из вас попытался еще глубже нырнуть в глубокий смысл этого высказывания нашего дорогого Попечителя. Господин дежурный оптимист, ваше слово.

— Как хорошо, господа. Хорошо, как никогда!

— Я сам знаю, что хорошо. Давайте конкретные примеры.

— Пожалуйста. Сколько раз нам с грустью приходилось слышать: человек человеку враг. И даже я, оптимист, опасался, что так будет всегда. Но нет! Вдумайтесь в слова «я не человек». Какой потрясающий вывод можно сделать из... лать из... лать из...

— Господа, — нетерпеливо перебил Урарий. — Я прошу вас сегодня обходиться без этих... заскоков: время не ждет.

— Слушаюсь. Какой потрясающий вывод можно сделать из этих слов? Человек человеку враг? Хорошо. А нечеловек нечеловеку кто? Невраг! Вот! Раз-

ве это не говорит о замечательных изменениях в человеческих отношениях?

— Говорит, говорит, — согласился приближенный, обрадованный тем, что Комитет подсказал ему выход из этой, казалось, безвыходной ситуации. — Молодец, оптимист, умница. А теперь для объективности послушаем и дежурного пессимиста. Неужели он и на этот раз чего-нибудь боится?

— Да, господа, боюсь, — печально подтвердил пессимист. — Я боюсь, что на всей планете Аномалии не найдется ни одного человека, который мог бы с таким правом и уверенностью, как наш гениальный Властелин Солнца, сказать о себе: «Я не человек».

— И это верно, — кивнул головой приближенный. — Что ж, вопрос, по-моему, ясен. — И он взял в руки телефонную трубку: — Алло, дайте мне Главное управление по организации стихийных шествий. Господин управляющий, у вас все готово? Можете начинать...

И мимо резиденции широким потоком двинулись толпы огогондцев. Бесперывно скандируя «Браво, Дино», демонстранты высоко поднимали многочисленные портреты Великого Попечителя и плакаты, среди которых, кроме традиционных приветствий и здравий в честь Властелина Солнца, были и такие, как «Слава нечеловеку!», «Да здравствует первый нечеловек!», «Хотим быть нечеловеками!» и «К черту все человеческое!».

Дойдя до первого перекрестка, демонстранты сворачивали в переулок и, обойдя резиденцию с

тыла, снова появлялись на площади перед окнами «хижины». А поскольку круг, как известно, не имеет конца, то шествие могло продолжаться бесконечно.

— Вот видите, Ваше Равенство, — говорил Урарий киберу, — видите, как ваши подданные радуются тому, что вы нечеловек. Так они вас любят еще больше, хоть больше, казалось бы, любить невозможно.

— Да? — мрачно переспросил кибер. — А ты знаешь, что мне заявила сегодня Брунгальда?

— Что, Ваше Равенство?

— Она сказала: «Нечеловек — это ты хорошо придумал. Ты стал настоящим человеком».

— Ах, эти женщины! — шутливо развел руками приближенный.

Все-таки ему удалось хоть на время выбраться из такого катастрофического положения, и он был в хорошем настроении.

А демонстранты все шли и шли. И все чаще мелькали плакаты: «Будем нечеловеками!», «Вступайте в Лигу нечеловеков!», «Солнце для нечеловеков!», «Книги — в огонь!», и опять же: «К черту все человеческое!»

Еще днем были разгромлены библиотеки, а вечером запылали первые костры из книг. И парни из Союза солнцепоклонников, первые кандидаты в нечеловеки, радостно прыгали вокруг костров, подбирая в них все новые и новые книги. Все больше горело костров. А нечеловеки плясали у огня и с помощью тех же костров, которые вывели человечество из пещер, пытались загнать его обратно в пещеры.

Глава одиннадцатая

Властелин Солнца принимал парад роботов. Известно, почему кибер надумал вдруг посетить это учреждение. Может быть, ему просто захотелось побыть с настоящими нечеловеками. И теперь, сидя на балконе, выходившем на огороженный плац, Попечитель принимал парад.

Справа от кибера расположилась Брунгульда, слева — Урарий, а Предводитель гуманистов почтительно стоял за спиной, готовый в любую минуту дать необходимые пояснения.

Роботы четко маршировали под звуки оркестра. Они высоко поднимали ноги и старательно вытягивали носки.

А Попечитель и его свита в такт шагам роботов весело хлопали в ладоши. Правда, движения кибера уже настолько разладились, что он чаще попадал по Урарию, чем по собственной ладони, но все делали вид, будто ничего не замечают.

— Вот что можно сделать из обыкновенных рыжих! — довольно произнес кибер. — Настоящие солдаты!

— Спасибо, Ваше Равенство. Мы горды вашей похвалой, — проникновенно ответил Предводитель. — Роботы, как вы предельно точно сформулировали, настоящие солдаты. Разве их можно сравнить с киберами!

— Нельзя! — резко сказал Попечитель. — Нельзя сравнивать роботов с киберами!

— Абсолютно согласен. Нельзя сравнивать роботов с киберами.

— А я тебе говорю: нельзя сравнивать роботов с киберами!

Предводитель расгерьянно замолчал, а Урарий, понимая, что именно задело кибера, быстро вмешался в беседу:

— А скажите, Предводитель, что еще могут делать ваши роботы?

— Да, да, — поддержал его раздраженный Попечитель, — помнится, ты говорил, что роботы способны ради меня в огонь, в воду и медные трубы. Нам интересно было бы посмотреть это в натуре. Не правда ли, Брунгальда?

— Слушаю, Ваше Равенство! — с готовностью ответил Предводитель и тут же скомандовал в мегафон: — Роботы, стой! Разжечь костры! Наполнить рвы водой!

Хлынула вода. Запылали костры. А роботы, стоя по стойке «смирно», безучастно смотрели на эти приготовления. И таким же безучастным старался казаться робот 17/15. Но он чувствовал, что волосы дыбом встают на его голowe, несмотря на то, что он, как известно, был лыс.

— На две группы разделись! — послышалась команда. — Во имя Великого Дино Динами первая группа в огонь, вторая в воду шагом марш!

И роботы без колебаний пошли в огонь и воду. Не испытывая ни страха, ни желания жить, они послушно тонули во рву и спокойно всходили на костры. Им было все безразлично. Даже то, что они гибнут ради Великого Попечителя.

И лишь один из них не хотел ни гореть, ни тонуть во имя Дино Динами. Это был сам Дино Динами.

Но для него и подчинение приказу и неподчинение означало одно — смерть.

Уставившись в затылок шагавшего перед ним бывшего приближенного Баобоба, он шел на ватных ногах и понимал, что выхода нет.

И вот уже Баобоб прыгнул в ров и, пуская пузыри, дисциплинированно пошел ко дну! Все! Дино закрыл глаза.

И Котангенс, стоявший среди зрителей, отвернулся.

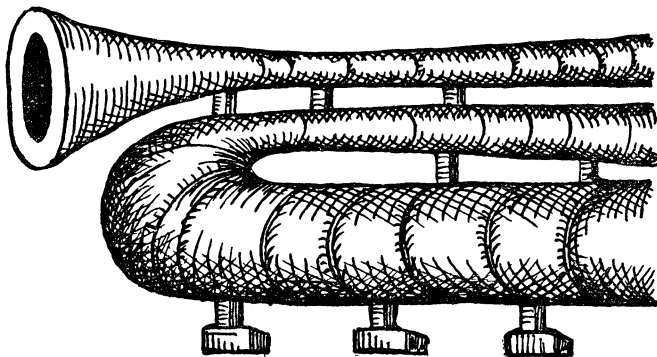
Еще секунда...

— А медные трубы? — спросил вдруг подозрительно кибер.

— В каком смысле медные трубы? — не понял Предводитель.

— Ты говорил, что роботы пройдут сквозь огонь, воду и медные трубы. Почему же они не проходят сквозь медные грубы? Халтуришь?

— Простите, Ваше Равенство, забыл. Роботы,

стой! — дрожащим голосом командовал Предводитель. — В медные трубы шагом марш!

И эта команда спасла Дино Динами!

Еще не веря в свое спасение и боясь, как бы начальство не передумало, он бросился к трубе и первым из роботов совершенно необъяснимым образом забрался в нее.

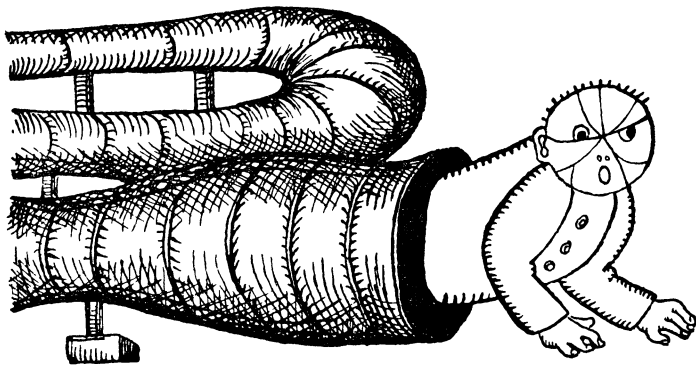
Только чудо могло помочь ему пролезать через эту узкую трубу. Но он полез. Было видно, как под его неистовым напором труба пузырится и деформируется.

И когда Дино, наконец, выбрался из трубы, он оказался заметно сузившимся и вытянутым.

— Орел! — сказал кибер. — Сокол! Люблю старательных. Мне он нравится.

— И мне тоже! — сказала Брунгильда. — Динчик, давай возьмем этого робота в «хижину». Он такой смешной!

— Беру! — согласился кибер. — Заверните!

Таким образом Дино Динами вернулся в свою резиденцию. Правда, это произошло не совсем так, как он мечтал, и занимал он не ту должность, что прежде. Но все-таки он снова был в «хижине».

Теперь его обязанности заключались в неотлучном пребывании при Попечителе (так, на всякий случай) и прислуживании за традиционным семейным завтраком.

Робот 17/15 получил новое имя: его называли теперь «Эй». («Эй, подай! Эй, убери!») А поскольку Эй был всего-навсего роботом, его не стеснялись и говорили при нем так свободно, будто его не было вовсе.

И нужно заметить, что среди многочисленных изменений, происшедших в резиденции, Дино более всего поразила метаморфоза, случившаяся с Брунгульдой. Некогда грозная госпожа Попечительша ныне буквально робела в присутствии Лжепопечителя и боялась его не меньше, чем когда-то Дино боялся своей благоверной. А узурпатор вел себя так, словно разговаривал не с Брунгульдой, а с каким-нибудь министром.

Да, в кибере явно что-то разладилось. И Дино понимал, что если даже трепет перед Брунгульдой, унаследованный копией от оригинала, так ослабел, значит от кибера следовало ожидать чего угодно.

Это же учитывал и осторожный Урарий. Вот почему он решился однажды на очень рискованный разговор.

— Ах, господин Попечитель, я просто опасаюсь за ваше здоровье. У вас столько дел, столько дел! Вот, например, сегодня вы обещали быть на параде Союза солнцепоклонников, выступить на слете юных

нечеловеков, принять три делегации зарубежных не-людей и произнести какую-нибудь историческую речь на ужине, который вы даете в честь самого себя. И это не считая таких повседневных дел, как интриги, политические заигрывания и вмешательства во внутренние дела других стран. Вы просто не жалеете себя, Ваше Равенство!

— А кто виноват? Ты виноват! Ты втравил меня в это дело.

— Ну что ж, раз я виноват, я готов нести наказание. Накажите меня: назначьте меня исполняющим обязанности Попечителя, и я за вас буду делать все-все. Так мне и надо!

— А это видал? — сказал Властелин Солнца, с трудом складывая непослушные пальцы в кукиш. — Хитрый какой!

— Неужели вы мне не верите?

— А ты как думал? Конечно, не верю!

— Тогда мне лучше умереть! — с пафосом воскликнул приближенный.

— Это я тебе помогу! Эй! — обратился он к стоявшему в углу роботу. — Позови гвардию!

— Не нужно, Ваше Равенство, — быстро сказал Урарий. — Я еще подумаю. Знаете, семь раз отмерь, один отрежь.

— Ну, ты отмеряй, а насчет того, чтобы отрезать, положишься на меня.

— Большое спасибо. Но почему, почему вы мне не верите?

— Потому что потому кончается на «у», — откровенно объяснил Попечитель и добавил, указывая на робота: — А вот ему я верю. Он наш нечеловек. Эй, тебе можно верить?

— Я робот 17 дробь 15, — безучастно ответил Эй, — к вашим услугам.

— Молодец. Пусть он будет за меня исполнять обязанности Попечителя.

Роботу пришлось прислониться к стене, чтобы удержаться на ногах.

— Как он?! — закричал Урарий. — Он же робот! Он же не справится!

— Справлюсь, — поспешно заверил робот и, спохватившись, равнодушно добавил: — Если мне прикажут.

— Я приказываю. И пусть Эй станет моей копией. У Дино была копия, а я что — хуже?

— Но Эй совершенно не похож на вас.

— Так загрядируй его! Раз я по твоей вине лишился своего оригинала, так сделай мне хоть копию. И знать ничего не желаю.

И приближенный, почувствовав, что кибер вот-вот сменит гнев на бешенство, торопливо согласился.

В секретном объекте закипела работа. Эй сидел перед зеркалом, а Урарий в качестве гримера старался сделать его похожим на Дино Динами. И вопреки ожиданиям Урария это удавалось.

Едва он напялил на робота парик, приклеил усы и прикрепил бородку, как сходство стало бесспорным.

— Черт возьми! — изумился Урарий. — А ну-ка надень этот мундир.

Робот облачился в мундир Попечителя, и Урарию

стало как-то не по себе. Ему даже померещилось, будто Эй, посмотрев на себя в зеркало, как-то знакомо хихикнул.

— Робот 17 дробь 15 ждет ваших приказов, — четко произнес Эй, и его бесцветный голос успокоил приближенного.

«Нервы, — подумал он. — Нервишки!»

В старом парке так же, как и в прошлый раз, было темно и безлюдно.

Из дупла выбрался Дино и, притаившись в ветвях, многозначительно загугукал. И так же многозначительно где-то откликнулась собака. Дино срыгнул с дерева и пошел на лай.

Какое-то время заговорщики, гугукая и лая, продирались сквозь кусты и кружились возле деревьев, разыскивая друг друга. Но, помимо всего, поискам мешало то обстоятельство, что лай раздавался сразу со всех сторон, ибо городские бродячие собаки не знали, что, завывая, они подражают чьему-то паролю, и невольно мешали деловой встрече.

И все-таки Дино и Котангенс встретились.

— Сейчас мы с тобой проникнем в резиденцию, — сказал Дино, — и дело будет сделано.

— Сейчас? Уже? Но, Ваше Равенство, я никогда еще не делал дворцовых переворотов...

— Так учись. И учти, мы не делаем переворотов. Мы идем восстанавливать справедливость.

— Но уже полночь. Поздно.

— Восстанавливать справедливость никогда не поздно. Иногда даже чем позже, тем лучше. Пошли!

До утра ты посидишь в проходе. А утром, когда я отправлюсь завтракать с Брунгальдой и узурпатор останется в объекте один, ты сделаешь следующее...

Некоторые события, увы, имеют не ахти какую приятную привычку повторяться. И если верить Конфуцию, которому мы, конечно, не верим, это случается довольно часто.

Во всяком случае, теперь в объекте $(a+b)^2$ не Дино киберу, а, наоборот, кибер давал наставления своему двойнику.

— За завтраком держись уверенно. Побольше ешь, поменьше разговаривай. И вообще не во... щенево... щенево...

— Пардон-с, — извинился Урарий и стукнул кибера по спине.

— И вообще не волнуйся, — окончил кибер.

— Робот 17 дробь 15 не волнуется.

— Забудь, что ты робот, — прервал Урарий. — Ты Дино Динами, Властелин Солнца. Запомни!

— Запомнил: я Дино Динами, Властелин Солнца.

— Ну, ступай, Властелин, — приказал кибер. — А то чай остынет. А ты, Урарий, на всякий случай будь при нем.

И вот настоящий Дино Динами, играющий по приказу Лжединами роль Дино Динами, шел по длинному секретному ходу, невольно замедляя шаги.

Его хитроумный план близился к благополучному завершению. И лишь одно обстоятельство тревожило Дино. Он опасался, что при виде Брунгальды в нем может проснуться многолетний привычный

страх перед благоверной, и тогда сразу разоблачится подлог.

«Я Брунгальды не боюсь! — старался внушить себе Властелин Солнца. — Я Брунгальды не боюсь!»

И, зная, что лучшей защитой является нападение, Великий стратег решил применить это на практике.

— Доброе утро, — мрачно буркнул он, входя в столовую. — А где Эй?

— Я не знаю, — испуганно ответила Брунгальда.

— Ты никогда ничего не знаешь! Хозяйка называется! И почему мне, черт побери, не дают мою кашу?

— Какую кашу? — удивилась супруга.

— Ясно какую: манную, с изюмом.

— Но ты же сам...

— Что сам? Что сам? Опять я во всем виноват! — распаляясь, заорал Дино.

— Ух дает! — удовлетворенно хихикал кибер, глядя на экран. — Как в кино!

Увлеченный интересным зрелищем, он не заметил, как за его спиной бесшумно развернулся холодильник и появившийся из-за холодильника человек в маске стал на цыпочках подкрадываться к киберу.

По дороге неизвестный, правда, зацепился за электрический шнур и, опрокинув настольную лампу, испуганно нырнул за диван, но крайне заинтересованный происходящим на экране кибер даже не оглянулся.

— Нельзя ли потише! — только и сказал он. — Видите, я занят.

— Извините, — пробормотал неизвестный. Но потом все-таки решился и, тихо подобравшись к киберу, стукнул его по голове чем-то тяжелым.

Так никогда и не узнал кибер, чем кончился этот завтрак.

А жаль. Потому что кончился завтрак довольно неожиданно.

— Динчик, успокойся! Ты ведь сам запретил кашу... — робко напомнила Брунгальда.

— Я? Сам? Кто тебе сказал?

— Урарий.

— Ах так! Приближенный!

— Слушаю! — откликнулся, возникая посредине комнаты, Урарий.

— Вызови гвардию. Гвардия, слушай мою команду. За самовольные действия приказываю самого приближенного Урария разжаловать в самые отдаленные. В тюрьму шагом марш! — И гвардейские офицеры, быстро и умело выполнив приказ, вывели Урария. — А с тобой мы еще поговорим! — пообещал Дино Брунгальде и, схватив со стола хрустальную вазу, швырнул ее на пол. — Совсем распустилась! Хозяйство вести не умеешь! — И он громко хлопнул дверью.

Ох, уж эта Аномалия! Из-за какой-то манной каши дважды устраивать дворцовые перевороты — это уж, знаете ли, слишком!

Но никто не знал, что звон разбиваемой вазы и грохот захлопнутой двери возвещали о наступлении новой эпохи в истории Огогондии.

Глава двенадцатая

— Ну, наконец-то, наконец-то, наконец-то! — радовался Динами, расхаживая по кабинету. Он то взбирался в свое кресло и подпрыгивал на мягком сиденьи, то перескакивал с кресла на гигантский стол. — Как я и предсказывал, дорогой мой Котангенс, мы победили. Пиши: «За потрясающее никому не известное изобретение и вообще назначаю с сегодняшнего числа Котангенса моим самым-самым близким приближенным». Подпись: «Великий Попечитель, Властелин Солнца и прочая и тому подобная».

— Благодарю вас, Ваше Равенство!

— Пустяки! Ах, Котангенс, наконец-то справедливость восторжествовала! И теперь подумаем, как сделать, чтобы этого никто не заметил.

— Зачем, Ваше Равенство? Ведь власть снова в ваших руках.

— В моих. Но ни один человек не должен догадываться, что она побывала в чужих. Не могу же я признаться, что Огогондией вместо меня управлял ненормальный кибер и никто даже разницы не заметил!

— Это верно.

— Еще бы! Мои подданные — они ж как дети. Узнают, что у власти временно был не я, и начнут подозревать, что и теперь я тоже не я. Чувствуешь?

— Так что же делать?

— А ничего. Власть преемственна. Значит, будем вести себя так, как вел себя наш предшественник, — и Дино забегал по комнате, вращая правой рукой. — Похоже?

— Абсолютно!

— Но это внешнее сходство. А сейчас подумаем, как нам до... емкак нам до... емкакнамдо... емкакнам до... стичь сходства внутреннего. Что бы это такое придумать поненормальной, а?

— Провозгласите себя богом.

— Старо.

— Ну обвините какое-нибудь государство в том, что оно в агрессивных целях собирается устроить солнечное затмение.

— Пресно. Мне нужны сумасшедшие идеи помасштабней. Вроде платы за Солнце или установки счетчиков. А кстати, счетчики мы установили, а деньги-то нам платят? Министра финансов! Срочно! — распорядился Дино, нажав кнопку диктофона.

И министр финансов тотчас влетел в кабинет, даже не успев остановить вращение правой руки.

— Браво, Динами!

— Браво, брависсимо. Как поступает плата за Солнце?

— Самым аккуратным образом, Ваше Равенство.

— И платят строго по показанию счетчиков?

— Абсолютно. Вот только в Игралии какие-то хулиганы разбили два счетчика.

— Разбили? — обрадованно переспросил Дино.

— Так точно, разбили.

— Так что же ты раньше молчал? — И Попечитель расцеловал оторопевшего финансиста. — Военного министра! Мигом!

И министр так стремительно вбежал в кабинет, что вынужден был по инерции пробежать еще целый круг, прежде чем смог затормозить и остановиться.

— Ты что же это? — набросился на него Дино.

— Не могу знать.

— Наши враги, понимаешь, громят наши счетчики, а армия бездействует? Приказываю тебе срочно организовать надежную охрану счетчиков.

— Но, Ваше Равенство, счетчики находятся в других странах.

— Тем более! Ввести в эти страны войска. По одному полку на каждый счетчик.

— У нас нет столько полков.

— Провести мобилизацию! Военизировать всю Огогондию! Все огогондцы — солдаты! Вперед!

И министры наперегонки побежали из кабинета.

— Видал? — самодовольно спросил Дино Котангенса. — Вот та сумасшедшая идея, которую мы искали. Похож я был на сумасшедшего?

— Точь-в-точь, Ваше Равенство!

— Ну погоди, то ли еще будет!

Тысячи огогондцев толпились у «хижины».

— Мы никому не позволим! — кричал Великий Попечитель с балкона резиденции перед многотысячной толпой. — Мы никому не позволим, чтобы наши солнечные счетчики, построенные на деньги наших налогоплательщиков, громили и уничтожали!

— Не позволим! — подхватывала толпа.

— Мы видим, что правительства некоторых государств не могут или не хотят гарантировать нам сохранность нашего имущества, находящегося на их территории. Поэтому мы вынуждены для охраны вышеназванного имущества посылать в эти страны своих солдат. Правильно я говорю?

— Правильно! — орала толпа.

— Все огогондцы — солдаты! В Огогондии нет несолдат! Несолдатам не место в Огогондии!

— Bravo, Динами! — бесновались огогондцы. — Сто тысяч лет жизни Солнцеподобному!

В этот раз телесовещание на высшем уровне было необычайно деловым и коротким.

— Господа попечители, — сказал Председательствующий, — ввиду чрезвычайной важности и срочности обсуждаемого нами вопроса есть предложение называть вещи своими именами.

— Правильно! — зашумели разом попечители. — Зачем нам эти цирлихи-манирлихи? Подумаешь, интеллигенция!

— Предложение считаю принятым. А теперь поговорим по душам.

— Какого дьявола Динами отхватил Малявию? — сразу же закричал нервный Попечитель Колоссалии. — Я же еще в прошлом году собирался ее оккупировать!

— А Игралия всегда граничила с Великанией. Значит, именно Великания имеет историческое право захватывать Игралию, а не какая-то там Огогондия.

— Каждому приятно этими делами заниматься.

— Это же черт знает что такое! Прямо из-под носа страны утаскивает. На минутку отвернуться нельзя!

— Себе все, а другим ничего. Эгоист!

— Нахал — и все!

— И нечего с ним церемониться. Предлагаю сбросить на Огогондию бомбу и начать войну.

— А я предлагаю сбросить две бомбы и начать переговоры о мире.

— А лучше всего сбросить три и вообще ничего не начинать.

— Господа, господа, не забывайте: у Огогондии тоже есть бомбы. Правда, подержанные, но все же...

— Это верно. Так что же вы предлагаете?

— Предлагаю послать этому выскочке ультиматум со строгим выговором и последним предупреждением. Или он немедленно отдает нам все захваченные им страны...

— ...или мы их сами захватим.

Но Дино Динами ничего еще не знал о близящихся неприятностях. И настроение у него было превосходное.

— Все идет как надо! — уверял он нового приближенного. — И войска движутся, и диктаторишки молчат. Говорил я тебе, Котангенс, что все будет в порядке?

— Говорили. Три раза говорили, Ваше Равенство. Даже четыре.

— Вот видишь. А ты меня чуть не размагнитил.

— Так ведь...

— Знаю, знаю. Пойди в наградной департамент и награди себя чем хочешь. Потом оформим. Ступай!

— Браво, Динами!

А Дино, оставшись наедине, задумался:

«Гм... Почему все попечители так меня боятся? А? Кибера называли Властелином Солнца. Но он не мог быть Властелином Солнца, потому что он не я.

А я почему не Властелин Солнца? Потому что я не он. Нет, я что-то путаю... Начнем сначала. Кибер был Властелином Солнца. Но он не был Властелином Солнца. А кто был Властелином? Тот, кто не был? Нет, я опять где-то ошибся. Попробуем еще раз, не торопясь, спокойно, логично...»

А в Огогондии происходила тотальная военизация.

Печатающая шаг, по площади прошел батальон Союза солнцепоклонников. Они маршировали, громко распевая:

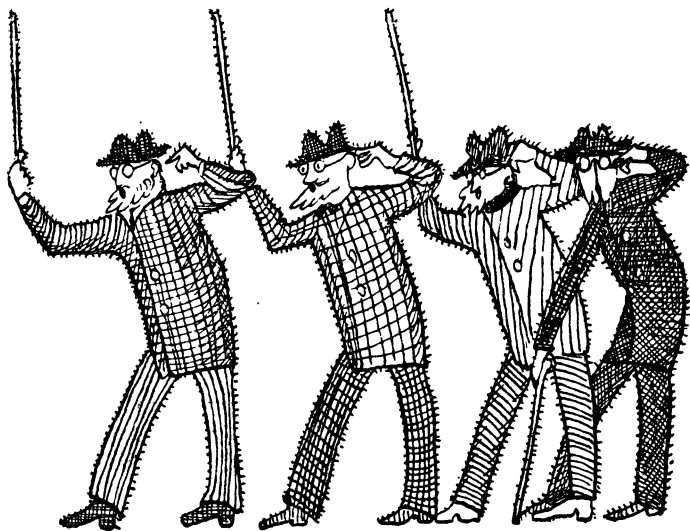
Гениален наш Дино
И непобедим.
Лишь ему
Подчиняется Солнце.

И едва прошли молодые солнцепоклонники, как с другой стороны площади показалась новая колонна. Правда, этот отряд выглядел не так браво, как предыдущий, потому что состоял он из одних стариков. Причем каждый старичок опирался на палочку и шаркал. Но шаркали патриоты-старички, не нарушая строя, и палками взмахивали так ритмично и воинственно, что казалось, шагает взвод престарелых фельдмаршалов.

Иго-го,
И горды славным кормчим своим,
Ого-го, ого-го,
Огогондцы! —

хором шамкали дедушки и прадедушки.

А навстречу им, толкая перед собой коляски, двигалась рота кормящих матерей. Благодаря коляскам их колонна была похожа на моторизованную часть. И когда предки и потомки поравнялись, дедушки разом отсалютовали палками, а внуки, присев в колясках, приложили растопыренные пальцы к чепчикам, отдавая честь.

Иго-го,
И горды славным кормчим своим,
Ого-го, ого-го,
Огогондцы!

А Дино продолжал расхаживать по комнате. Уже наступили сумерки, а он не зажигал света и все шагал, будучи не в силах выпутаться из лабиринта своих логических построений.

— Значит, кибер не Властелин, потому что он не я. А я не Властелин, потому что я не кибер. А может, я кибер? Или, может, кибер — я? Или мы оба — мы?

И тут Дино увидел прямо перед собой своего двойника. Размахивая руками, двойник шел прямо на него.

— А-а-а! — испуганно закричал Дино. — Ты опять пришел? Нет, нет!

И, схватив кресло, Попечитель бросился на двойника. Зеркало разлетелось вдребезги, и Дино облегченно вздохнул.

— Ну вот, теперь все ясно: никакого двойника нет. И не было. А всегда был только я. И значит, я Властелин Солнца! Единственный! Настоящий! Полноценный!

И тут в кабинет вбежал военный министр.

— Ваше Равенство! Господин Попечитель! Диктатории прислали вам срочный ультиматум. Они собираются объявить нам войну.

— Нахалы! Да знают ли они, кто я такой? Да я их!..

— Так и они ж нас, Ваше Равенство! — робко заметил военный министр, имевший более точные представления о могуществе Огогондии. — Лучше с этими бандитами не связываться!

— Молчать! Позвать ко мне Главнокомандующего науками!

И приученный к дисциплине Главкомандующий тут же предстал перед Попечителем.

— Ответь мне, ученый, — сказал Дино, — известно ли современной науке, что у Солнца есть властелин?

— Это аксиома, Ваше Равенство.

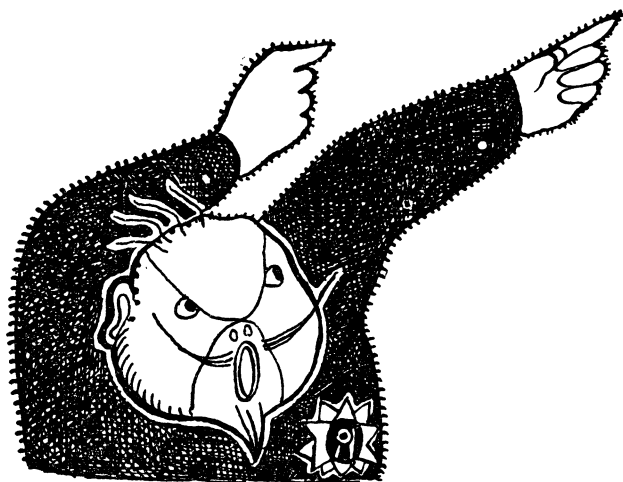
— А ты сам веришь, что Солнце подчиняется лично мне?

— Как бог свят, — отвечал ученый, глядя прямо в глаза Попечителю.

— Хорошо, ступай! — промолвил рассеянно Попечитель, и Главнокомандующий науками ловко проделал кругом шагом марш и четким военным шагом вышел из кабинета.

— Трубить сбор! — приказал Властелин Солнца.

Не нужно забывать, что, кроме самых первых приближенных и министров, у Великого Попечителя было много не самых первых приближенных, вслед за которыми в табели о рангах шли вторые, третьи, четвертые и, наконец, пятые приближенные, которые

приравнивались к дальним родственникам и пользовались теми же правами и привилегиями.

И теперь по сигналу трубы все они собрались в большом парадном зале, и Дино произнес перед ними одну из своих самых исторических речей.

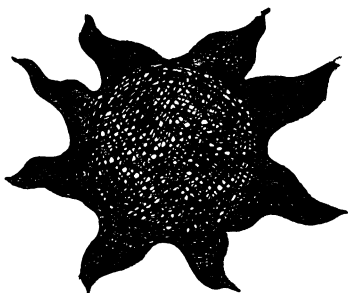
— Так называемые Великие Диктатории, которыми правят сумасшедшие попечители, забыли, с кем они имеют дело, и посмели выступить против меня. Я мог бы сегодня же стереть их в порошок, но я не буду воевать с ними.

Приближенные облегченно вздохнули, но радость их была преждевременной.

— Я могу заставить эти державишки подчиниться мне без единого выстрела, ибо в моем распоряжении есть более грозное оружие, чем жалкие водородные бомбы.

Если бы присутствующие посмели удивленно переглянуться, они бы это сделали.

— Я все обдумал, — торжественно сказал Дино, — и решил приказать Солнцу, чтобы оно перестало светить! Или, может, кто-нибудь сомневается, что Солнце подчинится моему приказу?!

Но, конечно, никто не сомневался.

— За мной! — зычно крикнул Великий Попечитель и, выскочив из зала, подпрыгивая, побежал вверх по широкой дворцовой лестнице.

Приближенные, не смея отстать, хрипя и задыхаясь, бежали за ним.

Пятый этаж... седьмой... десятый...

Великий Попечитель неся все быстрее. Сердца его дряхлых приближенных бешено колотились, бежавшие рисковали умереть на ходу. Но страх перед Попечителем был сильнее страха смерти.

Дино выбежал на крышу и, широко раскрыв глаза, уставился прямо на Солнце.

Он знал силу своего взгляда, потому что стоило ему гневно взглянуть на кого-нибудь — и тот падал замертво.

Дино смотрел на Солнце, вкладывая в этот взгляд всю свою силу воли.

— Солнце! — тихо и уверенно сказал Дино Динами. — С тобой говорит твой властелин. Я приказываю тебе: перестань светить! Перестань светить!!!

И тут произошло нечто невероятное и ужасное: Солнце подчинилось его приказу и погасло.

И Властелину Солнца стало так страшно, что он закричал и рухнул на остывающую крышу своей «хижины».

А когда Дино очнулся, весь мир был погружен в кромешную тьму, такую густую, вязкую, абсолютную тьму, которую невозможно себе представить и которая наступает, когда Солнце гаснет...

— Где я? — спросил Попечитель.

— У себя в «хижине», — отвечали приближенные.

— А почему так темно? Солнце все-таки подчинилось мне и погасло, да?

— Да, — словно эхо, откликнулись приближенные.

— И человечество гибнет, да?

— Да, — повторили приближенные, давно уже разучившиеся говорить слово «нет».

Великий Попечитель закрыл глаза и захихикал, довольный тем, что ему удалось сделать.

Умер Дино Динами через два дня. И до самой смерти никто не осмелился сказать ему, что Солнце погасло только для него одного. Просто потому, что он ослеп.

ОТКРОВЕННОЕ МНЕНИЕ

(Опыт юмористического послесловия
к юмористической книге)

Мне позвонил редактор и попросил написать небольшое послесловие к книге Владлена Бахнова.

Я согласился.

И вот передо мной рукопись. Не скрою — читаю. Более того, читаю с увлечением.

Это фельетонные фантазии. Или фантастические фельетоны.

Небольшие рассказы, где много выдумки, фантазии, юмора, сатиры, иронии, сарказма, умного детектива, очаровательной комедийной путаницы.

«Внимание: ахи!» — так Бахнов назвал свою книгу. И в самом деле тут один «ах!» сменяется другим «ах!».

Сужу по себе: читаю, и все время хочется воскликнуть: «Ах, как хорошо!»

О нескучных произведениях принято говорить — «читается как роман». Но ведь не всякий роман читается. И не всякое послесловие читается. Надо, так мне сказал редактор, сочинить не скучное послесловие. Если надо, то надо. Попробую.

Прежде всего я набрался храбрости и прочитал несколько статей о фантастике.

Я сделал кое-какие выписки:

«В чудесном мире фантазии и фантастическом мире чудес...»

«Небывалые гипотезы и специфические конструкции...»

«Главный элемент — приоритет фантастической находки...»

Подумав, я пришел к выводу, что можно писать иначе. Почему бы не привести две-три цитаты из книги самого Бахнова?

Прежде всего надо сказать несколько слов об ахометре, изобретенном одним из героев книги «Внимание: ахи!».

Вот что говорит автор изобретения:

«Что такое ахометр и зачем он нужен?.. Каждому приходится замечать, что, когда мы видим настоящее произведение искусства, у нас невольно вырывается восклицание — «ах!».

Дальше изобретатель замечает (вполне справедливо), что каждое произведение несет в себе определенный эмоциональный заряд. А любой заряд можно измерить. Ахометр предназначен для точного измерения. Единицей измерения является «ах».

«В некоторых произведениях сто ахов, в других тысячи, в третьих не более десяти».

(Я, как автор послесловия, осмеливаюсь добавить, что порой попадаются такие сочинения, которые не достойны и половины «аха», а иные вполне заслуживают восклицания «ах, как скверно».)

С удовлетворением подчеркиваю, что Бахнов не является сторонником аха ради аха, фантазии ради фантазии, смеха ради смеха.

В каждом рассказе этой книги есть мысль, идея, цель. Каждый рассказ — сатирическая стрела. Ахометр — не просто забавная шутка, не просто игра слов.

Я более подробно останавливаюсь на этом, потому что здесь видна писательская манера автора, его стиль. Видна задача, которая его вдохновила. Ахометр характерен для всей книги.

Поэтому не откажу себе в удовольствии и приведу еще одно высказывание об ахометре. Тем более что возникло новое течение. Оно началось среди романистов, а вскоре охватило в той стране, о которой идет речь, все виды литературы и искусства.

Некий плодовитый автор Иоганн Дамм, чьи романы излучали от 8 до 10 ахов, заявил, что он сознательно пишет низкоаховые произведения — «читателю легче усвоить десять десятиаховых романов, чем один стоаховый».

Короче говоря, в той фантастической стране на фантастической планете литераторы старались писать похуже, но побольше. То же самое делали композиторы и художники.

Бахнов зло высмеивает этих «аховых» деятелей и в рассказе «Тот самый Балабашкин», и — чуточку в другом разрезе, касаясь научных изобретений, — в рассказе «Человек, который был гением». Вместе с ним посмеемся и мы; читатели этой книги и автор послесловия.

Много внимания уделено в книге королям, царствующим особам, диктаторам и разной масти предводителям, орудующим на разных планетах.

Вот, например, король Альфонс Первый. Он одержим «гениальными идеями», которые, по его мнению, должны привести к процветанию его королевство Игриконию. Что его «гениальные идеи» фантастически абсурдны и способны принести стране только несчастья, знают все в Игриконии, кроме короля Альфонса. И если бы не пилот-времяпроходец Ложкин, кто знает, в какие черные дебри бедствий завел бы свою страну этот «энер-

гичный» монарх! Ведь подобных примеров и в истории не искать: читаешь рассказ, и приходят на ум «черные полковники» в Греции...

Есть в книге и короли нового толка: король нефти, король стали, король жевательных резинок, королева искусственных заменителей. А как известно, такие короли могут заключить союз с любым бесноватым Дино, если только это сулит им прибыль.

Остра и интересна повесть «Как погасло Солнце». Действие повести происходит на планете Аномалия в стране Огогондия, где властвует диктатор Дино Динами.

Он учредил Департамент государственных секретов и Департамент государственных тайн и потому чувствовал себя превосходно.

Везде и всюду расставил свои статуи Дино Динами. А образованность под его скипетром определялась количеством вызубренных цитат из произведений Дино. Если прибавить к этому, что здесь ретиво жгли книги, то Огогондия напоминает нам в наши дни географическую точку, где действует знакомый, к сожалению, нам вождь хунвэйбинов, превративший свою страну в Аномалию.

* * *

В одном из рассказов Джером К. Джерома некий джентльмен говорит романисту: «Только что прочел вашу последнюю книгу, хотелось бы сказать вам свое откровенное мнение». Романист быстро ответил: «Честно предупреждаю: если вы только попытаетесь, я трахну вас по голове».

Я не боюсь, что Владлен Бахнов трахнет меня по голове, хотя я и высказал откровенное мнение о его книге.

Г. Рыклин

СОДЕРЖАНИЕ

Дешевая распродажа

Внимание: ахи!	5
Дешевая распродажа	19
Робники	31
Пятая слева...	34
Пари	54
Согласно научным данным	63
Человек, который был гением	75
Кое-что о чертовщине	78

Из невыдуманных рассказов заслуженного водителя временодов дальнего следования Николая Ложкина

Тот самый Балабашкин	89
Двенадцать праздников	94
Корона Паприкотов, или Последнее дело Джеймса Бонда-младшего	107

Как погасло Солнце, или История тысячелетней диктатории Огогондии, которая существовала 13 лет 5 месяцев 7 дней

Пролог	133
Глава первая	140
Глава вторая	146
Глава третья	154
Глава четвертая	164
Глава пятая	173
Глава шестая	185
Глава седьмая	194
Глава восьмая	204
Глава девятая	213
Глава десятая	220
Глава одиннадцатая	230
Глава двенадцатая	241

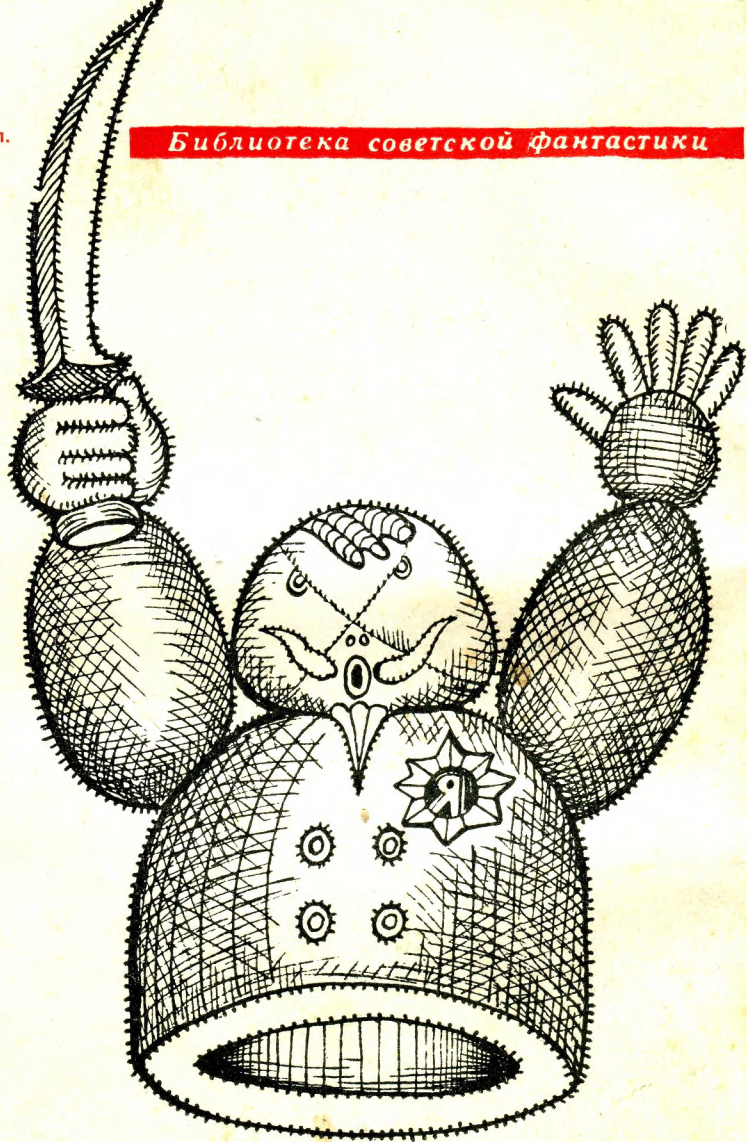
Г. Рыклин. Откровенное мнение (опыт юмористического послесловия к юмористической книге)	253
---	-----

Сканирование - Беспалов
DjVu-кодирование - Беспалов

30 коп.

Библиотека советской фантастики

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ